

Extazyflame

А

Т

Л

а

н

М е с т ь

и

д

ы

Тьма пала на землю, прогоняя прежний мир, неся с собой хаос, боль и разрушение. Люди в отчаянной мольбе воздевали руки к небесам, призывая Эдера вмешаться в ход неожиданно вспыхнувшей войны. Жертвенные костры полыхали вдоль границ империи, днем и ночью, озаряя мрак всполохами кровавого зарева; Дети, старики и женщины в слезах покидали обреченную их же богом Кассиопею, уповая лишь на помощь небес... Но безмолвные небеса молчали.

Хаос захватывал империю, горела земля под легкой поступью прекрасной, но жестокой Элики Непримирумой и ее легионов, но никто не ведал, почему мирная и величественная Атланта бросила вызов Кассиопее, объявив войну и перейдя в наступление в ту же декаду зимнего солнцестояния...

Месть Атлантиды. Королева

Месть Атлантиды. Королева

Предисловие.

Антарктида. Наше время.

Из найденной на месте раскопок предполагаемой территории Кассиопеи и Лассирии старинной летописи, приблизительно датированной III веком до начала исчисления.

(наиболее достоверная расшифровка)

"Тьма пала на землю, прогоняя прежний мир, неся с собой хаос, боль и разрушение. Люди в отчаянной мольбе воздевали руки к небесам, призывая Эдера вмешаться в ход неожиданно вспыхнувшей войны. Жертвенные костры полыхали вдоль границ империи, днем и ночью, озаряя мрак всполохами кровавого зарева; Дети, старики и женщины в слезах покидали обреченную их же богом Кассиопею, отправляясь в изгнание в неизведанные края, опасаясь мучительной смерти и неволи; и бедняки, и купцы, и правящая аристократия были сплочены перед лицом всеобщей опасности, держались неотступно друг подле друга, уповая лишь на помощь небес... Но безмолвные небеса молчали. Серый смог упал на город от беспрестанно горящих костров с подношениями богам. В глубоком отчаянии была санкционирована религия, возносящая Лаки как равного и достойного, жертвенных костров стало гораздо больше, но боги забыли свой народ, в глубоком молчании восседавая в небесных чертогах и невозмутимо наблюдая за началом хаоса на сей цветущей земле. То и дело вспыхивали восстания против новопровозглашенного правителя Кассия Кассиопейского, были в империи те, что усматривали его вину в том, что прекрасная, златокудрая матриарх Атлантиды Лаэртия Справедливая, адепт мира и соглашения, сложила свои полномочия королевы, передав бразды правления дочери, прекрасной деве, отмеченной печатью бога Антала, нареченной впоследствии Эликой Непримиримой.

Сильнее ее жестокости и непримиримости была лишь ее красота; Тем, кому посчастливилось узреть ее лик и остаться в живых, говорили, что сама воительница Лаки снизошла на землю, дабы исполнить его волю; Прекрасна, как ночь, с длинными волосами цвета самой тьмы, с большими, словно омуты, глазами, в которых полыхает зеленое пламя, грозя сжечь до основания... Она не признает иных одеяний, кроме черной кожи, иногда инкрустированной солнечным металлом. Она бесподобно владеет мечом, арбалетом, кинжалом, но никогда не расстается с длинным кнутом, которым управляет лучше обученного этому искусству с детства кассиопейца. На поле брани прекрасная дева непобедима и беспощадна, хотя есть очевидцы, которые утверждают, что она никогда не отпускает павших врагов в путешествие по чертогам смерти без ритуального напутствия, но в этом единственное ее проявление милости. Почти всегда неотступно рядом с ней единоутробный брат, также отмеченный благосклонностью бога, и стратег ведения боя, столь же опасная и ожесточенная, прозванная еще при матриарх Лаэртии Латимой Беспощадной...

Чем правитель Кассий прогневил Элику Непримиримую, не ведал никто; находились те, что утверждали, что прекрасная дева едва не стала супругой правителя, что она одна держала себя с ним на равных и с достоинством, и даже благодаря ей некогда снизились поборы и налоги на торговлю, а так же были отменены некоторые законы, ущемляющие права граждан. Но все это было в прошлом.

Хаос захватывал империю, горела земля под легкой поступью прекрасной, но жестокой

Элики Непримиримой и ее легионов, но никто не ведал, почему мирная и величественная Атланта бросила вызов Кассиопее, объявив войну и перейдя в наступление в ту же декаду зимнего солнцестояния; Вся военная мощь империи была не в состоянии отразить атаку атланских воинов; слухи о всесильном оружии, работающем на энергии солнца, ширились по империи, сея панику и отчаяние, заставляя людей в ужасе бежать с земель империи, искать убежища в неприветливых землях Белого Безмолвия.

Рассудительная Спаркалия, до того исповедующая принципы абсолютного невмешательства, в этот раз не осталась в стороне; поддержка морского флота под руководством самого императора Фланигуса стала зыбкой надеждой Кассиопеи если не на победу, то на отражение атаки Атланты как минимум..."

Дмитрий оторвался от рукописи, прочтению и расшифровке которой уделил больше двух недель, и залпом допил остывший кофе. Здесь, в ледяных снегах Антарктиды, любой горячий напиток остывал за считанные секунды. Всполохи северного сияния озаряли гладкие белые стены полярной археологической станции, прекрасная *fata morgana* этого ледяного, неприветливого мира. Минус 60 по цельсию за окнами станции. Зима. 31 декабря...

— Готово! — Таир, молодой, подающий надежды ученый и большой энтузиаст, влетел в комнату, принес с собой ледяную морозную свежесть с улицы. — Там, это... Дмитрий Максимович... Старый год бы проводить...

— Иду, — Дмитрий выхватил из его рук глиняную таблицу, еще один бесценный артефакт, значения которого так и не могли понять. До тех пор, пока Таир не выдвинул гипотезу, что это картина.

Так и оказалось. Ступени сложнейшей углеродной очистки, спектральный анализ, лазерная обработка... Молодой ученый последний раз окинул взглядом свою работу, и вдруг, забавно открыв рот, изумленно уставился на своего босса. Перевел взгляд на глиняной пласт и присвистнул от восхищения.

На Дмитрия смотрел изысканно, тонко выполненный протрет девушки. Археолог расхохотался.

— О, она тебе не по зубам, дитя Кавказа. Есть версия, что именно эта красавица уничтожила великую Кассиопею... И кто знает, что еще впридачу. Ее боялись самые великие мужи Древнего мира, и, полагаю, было за что. Не самая милая кандидатура, чтобы познакомить с мамой, правда?

— Я н. не об этом, — Таир забавно указывал пальцем прямо в лоб Дмитрия. — Я просто никогда не видел...

— Такой совершенной красоты? — Дмитрий усмехнулся. — Понимаю. Это самая прекрасная раса из всех, что когда-либо жили на земле. Не спрашивай, откуда мне это известно, просто поверь.

— Да нет же... — молодой ученый наконец-то сформулировал свою мысль. — Я просто никогда не видел, чтобы... Двое людей... Были так похожи друг на друга!..

— Такое тело Антал создавал для наслаждения, для боя, но уж никак не для боли и страдания! Почему он так яростно восстает против своей участи? — сжала губы Ксения, непроизвольно вздрогнув от резкого звука рассекающей воздух плети с семью хвостиками, с вшитыми металлическими шариками на ее концах, которые неминуемо раздирали кожу в кровь, причиняя мучительную боль.

Элика, потягивая эликсир кофейных зерен, расслабленно возлежала на скамье подле старшей сестры, наслаждаясь ласковыми лучами нежаркого вечернего солнца, пением птиц, дуновением легкого бриза и, чего уж отрицать очевидное, шипением избиваемого раба. На ее губах играла презрительная, равнодушная к чужим страданиям улыбка, а зеленые глаза со смесью интереса и злорадного превосходства скользили по крепкой фигуре наказуемого.

К ним медленно, склонив голову, приблизился... Подплыл... Обсидиановая статуя, недавний фаворит Ксении, чернокожий атлет, преклонил колени, протянув поднос с виноградом и устремил взгляд в землю.

— У госпожи Элики устали ноги, помоги ей, — цинично бросила Ксения, не удостоивая его взглядом. Она осталась недовольна увиденным — чернокожий раб с сочувствием поглядывал на собрата по несчастью, растянутого за руки цепями на столбах для порки.

Элика вытянула длинные ноги, слегка уставшие от непривычно долгой скачки по окрестностям владений старшей сестры, ощутила прикосновение сильных пальцев, разминающих ее горящие ступни. Восстановить прежнюю выносливость ей удалось быстро, но девушка не щадила себя ни на миг, давая себе порой нереально тяжелые нагрузки, тренируя свой дух и тело. У нее были на это довольно веские причины. Матриарх теперь могла не только гордиться, но и восхищаться своей дочерью.

К пальцам на ее ступнях добавился язык мужчины, и девушка зажмурилась от удовольствия и ранее неведомого ей чувства опьяняющей власти. Впрочем, долго эта приятная эйфория не продлилась. Протяжный стон вырвал ее из сладкой задумчивости. Боль почти сломала сильного мужчину.

— Что он натворил? — без интереса осведомилась Элика.

Ксения растерянно обернулась. На ее лице явственно читалось сожаление и непоколебимость. Что же перевесит в итоге?

— Он из рода воинов, попавший в плен вследствие предательства, поэтому не признает себя рабом, — с непонятной грустью ответила сестра. — Но ведь я не заставляла его работать в шахте или биться на арене. Почему он предпочел терпеть боль?

Элика резко дернула ногой, задев челюсть ни в чем не повинного массажиста.

— Ты всерьез полагаешь, что самое страшное в рабстве — это физический труд и демонстрация своих навыков на потеху толпы

— Эл, разве нет? Когда я покупаю своих рабов, они рыдают от счастья, узнав, что будут принадлежать мне. Это закономерно. У меня им не придется гнуть спину в полях, их жизнь будет наполнена восторгом и удовольствиями, к тому же, ты знаешь, что особо отличившимся рабам я всегда дарую свободу. К чему это глупое упрямство?

— Он еще недавно был свободен и сам распоряжался своей жизнью. Какая разница, к чему именно ты его пытаешься принудить — к ложу с тобой или к тяжелой работе?

Очередной стон мужчины был похож на рык раненого хищника. Плеть-семихвостка

плясала свой жестокий танец приручения. Ксения подняла было руку с намерением остановить экзекуцию и недоуменно охнула. Ее тонкое запястье оказалось в крепкой хватке пальцев младшей сестры.

— Нет. Рано еще.

— Но я думала, ты сама хотела... — Ксения в последнее время с трудом понимала Элику.

— Я его понимаю, но жалеть? Уволь, — принцесса ткнула чернокожего раба ногой, призывая активнее работать с ее уставшими ногами. — Ему далеко до предела, поверь. К тому же, сейчас боль будет отчасти отступать вместе с криками.

Но не сломленный неволей и пыткой мужчина так и не сорвался на крик. Злобное рычание, — да, стоны сквозь сжатые зубы, — да, но не крик. Взгляд Элики внимательно скользил по его напрягающимся мышцам, когда плеть со свистом вспарывала кожу. Широкие плечи, сильные руки, кубики пресса. Внезапные воспоминания разозлили девушку.

— Одень на меня сандалии и уйди прочь, — велела она рабу у своих ног и отщипнула несколько ягод от кисти винограда. Стараясь полностью изгнать из памяти образ другого обладателя столь великолепного тела, чуть подалась вперед, пытаясь рассмотреть его лицо. Попытка была обречена на провал. Голова обманчиво безвольно поникла, мужчина из последних сил пытался спрятать свои эмоции, осознав, что испепеляющие взгляды никак не подействовали на женщин.

— Откуда он? — приподнявшись на локтях, поинтересовалась Элика. Ей, по сути, было все равно, но увиденная картина напомнила очень живо недавние события, от которых она бежала каждую ночь, стремясь лишиться памяти, только больше не вспоминать...

Ксения помедлила с ответом. Перевела обеспокоенный взгляд на сестру и обратно, на объект ее интереса. Затем, беспечно пожав плечами, хитро улыбнулась.

— Кассиопея, дорогая сестра.

Элика резко выпрямилась, в ее глазах заплясали горящие искры.

— Налей мне вина! — властно велела молодой рабыне. — Ксена, он прячет лицо. Заставь его смотреть на меня!

Белокурая Ксения сдвинула красивые брови, сделав жест рукой. Надсмотрщик с сожалением опустил занесенный хлыст и низко поклонился своей госпоже.

— Слушай меня, дерзкий раб! — Элика лишь ухмыльнулась. Ласковая и чуткая с виду Ксения иногда умела быть тем еще диктатором. — Подними глаза.

Может, он ее не услышал, закрывшись в своем мире, где боль была над ним неподвластна, может, таким образом продемонстрировал свой протест, но ничего не изменилось. Ксения встала, сжимая в руке кубок, и сделала несколько шагов вперед.

— Подними глаза и посмотри на меня, варварское отродие!

Ее слова остались без ответа. Жестоко улыбнувшись, принцесса вскинула руку. Жидкость из кубка выплеснулась прямо на истерзанную спину мужчины, заставив его зашипеть от боли. Но голову он так и не поднял.

— Надсмотрщик! — ледяным тоном произнесла Ксения.

Экзекутор, отложив в сторону семихвостную плеть, зажал рукой шею своей жертвы, другой вцепился в его коротко подстриженные темные волосы, запрокидывая голову назад. Элика, затаив дыхание, вскочила со скамьи и остановилась рядом с сестрой.

Глаза мужчины были закрыты, губы сжаты в упрямую линию. Все выдавало в нем зверя, готового стоять до конца, и, если понадобится, дорого продать свою жизнь. Ощувив

присутствие, он открыл глаза, исподлобья изучая Элику.

Принцесса на миг вздрогнула, встретив ледяной, непримиримый взгляд строптивного невольника. Эти серые глаза, отличительная черта жителей Кассиопеи... Нет, она не испугалась. Непонятное тепло отозвалось в груди чувством щемящего ожидания. Избитый, измученный, но не сломленный... Девушка облизнула губы от непонятного предвкушения.

— Превосходно! — цинично провозгласила она. — Ты, назови свое имя!

Мужчина молчал, не отводя своего взгляда. Элика сдвинула брови и жестоко рассмеялась.

— Верно, рабский пес, у тебя больше нет имени. Я придумаю тебе другое, на которое ты будешь отзываться. Или даже не так. Мне лень напрягать сейчас свой разум. Поскольку ты молчишь, я буду называть тебя... Хм... Просто Зверушкой.

От ее слов кассиопеец зарычал и задержался в руках надсмотрщика, но цепи держали его крепко. Искусанные губы дрогнули, обнажая ровный ряд зубов.

— Мое имя Дарк!

Элика сделала вид, что не расслышала. Повернулась к сестре.

— Стоило ли терпеть такую боль? — философски заметила она, сжав руку Ксении и увлекая ее к ложу. — Я никогда не пойму этих мужчин, — затем, обернувшись на полпути, ласково улыбнулась. — Зверушка хочет что-то мне сказать?

Опустив глаза, раб повторил свои слова.

— Держи его, — велела Элика надсмотрщику, подходя ближе. Мужчина дернулся, как от удара, даже заскрежетал зубами от негодования, когда ее пальцы беззастенчиво огладили грудные мышцы, прошлись по бицепсам, затем переместились на лицо, слегка сминая губы. Ксения с интересом наблюдала за ней. Невольник закрыл глаза, и Эл кожей ощутила всю силу его отчаяния от внезапного унижения. Но это не затронуло ни единой струны в ее остывающем сердце. Она пережила. И этот не рассыплется. Смирение приходит через боль. Иногда, через соглашение. Лучше всего, когда это идет в комплексе.

— Превосходно, — сказала она самой себе, напоследок почти ласково погладив мужчину по щеке и тут же, не дав опомниться, резко оттолкнула его голову в сторону.

Ксения подняла руку с намерением остановить экзекуцию, но Элика ласково приобняла ее за плечи.

— Еще порядка десяти ударов, милая сестра. Они не будут лишними, — молодые женщины вновь вернулись к скамьям. Приняв кубок с вином из руки рабыни, Элика зажмурилась, словно вбирая в себя музыку стонов страдания мужчины, имевшего неосмотрительность родиться в ненавистой Кассиопее.

— Отдай его мне, — попросила она Ксению, когда наказание подошло к завершению.

Двое крепких рабов подхватили строптивного, измученного невольника под руки. Он едва держался на ногах, но упорно отказывался от их помощи. Впрочем, особого выбора у него не было. Его голова безвольно запрокинулась. Элика непроизвольно вздрогнула, когда увидела иссеченную багрово-синими полосами спину мужчины. Смесь непонятного восхищения, уважения и одновременно удовлетворения увиденным непостижимым образом завладела ее сознанием.

— Эл, в нем ни капли покорности. Зачем тебе это надо? — Ксения с беспокойством и интересом одновременно посмотрела на сестру.

— А если я тебе скажу, что они очень похожи? — скосила глаза Элика. — И может, именно так мое сердце успокоится, перестав наказывать за то, что я его не убила в свое

время? И, ты уж не обижайся, но дрессированные красавцы твоего райского оазиса мне надоели.

Ксения не думала обижаться. Она горячо любила свою младшую сестру, восхищалась ее стойкостью и прежним жизнелюбием даже после перенесенных страданий, и, хотя никогда не задавала вопросов, хорошо представляла, что пришлось вытерпеть Элике. Врожденная способность всегда чувствовать чужие эмоции иногда мешала ей, ошибочно воспринимаемая за мягкотелость, поэтому старшая принцесса это тщательно скрывала.

Она прекрасно помнила, как увидела Элику чуть меньше декады назад впервые после долгой разлуки. Ксения осталась во дворце матриарх, наотрез отказавшись возвращаться обратно, пока не вернется сестра вместе с братом.

Наследная принцесса изменилась. Не было больше беспечного веселья и добродушия в ее больших зеленых глазах, в них, казалось, застыл отблеск боли и непримиримости вместе с жестокостью и роковой жадой мести. Пережитая неволя ожесточила ее, превратив в абсолютно чужого, незнакомого человека. Да и потеря Фабии, лучшей воительницы Атланты и близкой подруги, павшей вследствие вероломства Кассиопеи, подкосила девушку еще больше.

Два круговорота Элика держала долгие беседы с матриарх за закрытыми дверями зала Совета Девяти. На робкие вопросы Ксены и Лэндала отвечала односложно, часто глядя в одну точку и сжимая до боли тонкие кулачки. Видимо, разговор с Лаэртией не принес желаемого результата, но Эл не опускала руки, иногда прислушиваясь лишь к советам мудрого Антония, чтобы снова вести долгие разговоры с королевой. На утро третьего дня матриарх навестила старшую дочь.

— Ксена, дитя мое, — королева была подавлена и задумчива. — Я пришла просить тебя помочь твоей сестре. Она одержима жадой мести и крови сейчас, мы все скорбим о Фабии Воинственной, но Элика больше всех, и мы не можем позволить черным мыслям завладеть ее разумом. Увези ее к себе в Атлионию, будь с ней рядом, пока сердце ее не успокоится, и пока она вновь не начнет рассуждать согласно положению будущей правительницы Атланты. Только ты сможешь ей в этом помочь. Мы не можем позволить тьме объять ее сердце.

Ксения опасалась, что Эл откажется уезжать, но сестра внезапно согласилась. Ее ожесточенность потихоньку уступала место здравому смыслу и терпению, к тому же, только Атлионский рай, созданный сестрой, мог растопить лед, в который было заковано ее сердце в осаде ненависти и ожидания мести.

По приезду Ксения сделала все, чтобы ублажить любимую сестру. Когда в первую же ночь Элика потребовала привести в свои покои одного из рабов — то ли того, что обучил ее искусству метания дротиков, то ли другого, ученого, с которым ранее вела беседы по астрономии, — Ксения впервые усомнилась в своем видении очевидных вещей. Несмотря на едва ощутимую посторонним, но на самом деле сильную ауру плотского желания, младшая сестра оказалась верна себе прежней... Что ж, если это поможет ей поскорее восстановить душевное равновесие, почему бы не астрономия с геометрией...

Шок ожидал Ксению Несравненную утром следующего дня. Невольник, широкоплечий красавец из черных земель, всегда невозмутимый и спокойный, выглядел абсолютно сломленным. Его сильные плечи поникли, он вздрагивал от каждого шороха, и, помимо прочего, кинулся обнимать колени Ксении, словно ему явилась не строгая госпожа, а богиня милосердия. Из его сбивчивых всхлипов ничего толком понять не удалось. Ни единого

шрама от пытки на теле, и полная опустошенность и надломленность в душе. Какие демоны вселились в Элику, что она играючи сломала за ночь не самого уязвимого из ее рабов? Вопросы остались без ответа. Зато Эл с утра была в прекрасном настроении.

— Мы не достигли консенсуса в дискуссии, — пожала плечами в ответ на невысказанный вопрос сестры. В ее глазах вновь появился прежний изумрудный блеск, но на этот раз с ледяным, пугающим оттенком... — Следующей ночью я, пожалуй, развлекусь с кем-то другим.

— Кинаро разочаровал тебя? — сдвинула брови Ксения.

— Нет, почему же. Человек просто никогда не проигрывал, но все иногда случается впервые. Пусть приходит в себя. Даже мне давали отдых в Кассиопее.

Величественная, но жестокая и невозмутимая, с золотой тиарой принцессы в черных волосах, в темно-синем платье с разрезами, открывающими при ходьбе длинные ноги, Эл была бесподобна. Девочка-сорванец, предпочитавшая нарядам и драгоценностям игры с оружием и участие в набегах вместе с братом, осталась где-то в прошлом. Что бы не случилось с ней в Кассиопее, в руках этого безжалостного варвара, один бесценный дар он ей все же преподнес. Женственность и чувственность принцессы расцвела буйством красок, но вместе с тем в ее душе навсегда поселились безжалостность и презренное равнодушие ко всем, кроме себя и близких.

Наложники гарема прятали глаза, заведя царственную гостью, пытаясь завладеть ее вниманием и слиться со стенами дворца одновременно. Ее непредсказуемость пугала сильнее мстительной сублимации. Если в начале рабы, узрев стрессовое состояние Кинаро, молились своим богам, чтобы не попасть в руки Элики, после ее ночи с Арием, молодым северянином, готовы были вырваться вон из кожи, чтобы оказаться с прекрасной принцессой наедине. С ним она совсем не была жестока. Полночи они проговорили, после чего черноволосая красавица устроила пятичасовой сексуальный марафон, заботясь больше об удовольствии партнера.

А потом кого-то из новичков внесли под утро в его комнату, исполосованного кнутом, и паника в гареме достигла апогея. Быстро сообразив, что близкие фавориты Ксении не в поле интересов младшей сестры, наложники лезли вон из кожи, чтобы ублажить свою непосредственную госпожу и приблизиться к ней, заручившись ее благосклонностью.

Мудрая Ксена прекрасно понимала очевидное. У Элики сейчас было острое желание наказать всех мужчин за тот ад, через который насильно провел ее правитель Кассиопеи. Она прекрасно помнила его по дипломатическому визиту в Атланту. Эти сильные руки, совершенное тело, прожигающий взгляд... Как жаль, что нельзя было купить этого дерзкого самца для удовлетворения своих сексуальных appetитов! Редко правители были так хороши собой. Нельзя купить, нельзя заставить... А вот он сам оказался напрочь лишен подобных предрассудков. Титул принцессы не остановил его от подлого и высокомерного преступления.

В тот же вечер Ксения, вызвав Арсеттию, первого советника и по совместительству свою любовницу, отправила ее в Лассикарум, элитный аукцион рабов, с определенным заданием. В этот раз на торги выставялись кассиопейцы. Сама принцесса не могла туда уехать, дабы не вызвать подозрений Элики — будущий дар должен был остаться сюрпризом. Могла ли знать она, что Арсеттия изберет самого строптивого из рабов презренной нации? Ксения было возмутилась подобным выбором, но некая схожесть нового раба с принцем Кассием позволила закрыть глаза на недостаток в виде его бесстрашной непримиримости с

новым положением. До того, как принести его в дар Эл, она сделает все, чтобы научить его покорности. Сестра будет в восторге. Может, именно так ей удастся разобраться в своих чувствах? Ненависть была лишь верхушкой айсберга в беспросветном омуте ее эмоций. Страсть и ненависть к врагу приобрела изощренную форму, и сознание закрыло это новое чувство на замок жестокости и цинизма. Надолго ли?

Впрочем, Элика, выпустив первоочередную ярость, немного успокоилась. Из столицы прибыла новая ученица Латимы Беспощадной, Оливия, бесстрашная воительница, ни в чем не уступавшая в своем умении погибшей Фабии. Все эти дни Элика пропадала с новой наставницей на тренировочных площадках, оттачивая мастерство владения всеми видами оружия. Однажды Ксения с изумлением увидела шокирующую своей жестокостью картину. Ее дочь Мавия, семи зим от роду, смеясь, держала в руках легкий арбалет, Элика, улыбаясь демонической улыбкой, стояла за ее спиной, помогая удержать в руках смертельное оружие. Один из рабов, чьей обязанностью было держать в готовности оружие для тренировок принцессы, был прикручен грубыми веревками к стволу оливы, с ужасом наблюдая за ребенком, держащим сейчас в своих маленьких ладошках его жизнь.

— Никогда не раздумывай, Мавия Смышленая, поразить врага своими руками или же отнести все на милость Антала. Ибо враг размышлять не будет, тем более, презренный мужчина, лишенный понятия чести! — напутствовала ее Элика. Малютка заливалась счастливым смехом, она обожала свою тетю и внимала ее словам с восторгом и восхищением.

Ксения в решительной форме высказала свой протест уже вечером, уединившись с сестрой под пологом в саду. Зеленые глаза Элики вспыхнули гневом.

— Бег времени так быстротечен, любимая сестра! Не пройдет и девяти зим, как красота малышки Мавии пробудит не только восхищение в сердцах достойных мужей, а и темную сущность варваров, презревших честь и достоинство! Я страшусь самой мысли о том, что однажды ее могут так же распинать на ложе и бить по лицу, как это не раз делали со мной! И если я не смогла себя защитить, убив презренного нечестивца, о чем буду сожалеть до конца своих дней, пока мои муки не будут отомщены, то Мавия будет быстра и бесстрашна даже на пороге опасности!

Кровь застыла в жилах Ксении от слов младшей сестры. Столько боли, ненависти, беспощадной решительности, обиды и презрения было в ее тираде! Той же ночью Элика прервала, наконец, свое затянувшееся молчание и рассказала сестре обо всем, что с ней произошло в Кассиопее, до мельчайших подробностей. Ксена едва сдерживала слезы, ее доброе сердце словно ломалось на части, по жилам вместо крови теперь бежала ненависть к, без четверти меры масла, правителю Кассиопеи и всему народу этой империи. Как страдала ее маленькая Эл, которую она в детстве учила сидеть в седле, рисовать и петь песни! И ее страдания так и не закончились... Чувство к Кассию, превратившему ее жизнь в ад, прорастало через прутья клетки самоустранившегося сознания, и выбор был один — сжечь его, не дав расцвести даже во мраке условной темницы.

Ксения мало что знала о любви. Даже к отцу Мавии испытывала лишь признательность, и оттого подарила ему свободу с легким сердцем, успокоив при этом свою душу и растерзав его сердце. Ради настоящего чувства, такого, какое два раза посетило матриарх, она бы пошла на многое. Даже распустила бы свой цветник с легким сердцем. Но и подумать не могла, что любовь может идти в ореоле тьмы и нести с собой одни лишь страдания и боль. Из рассказа Эл многое стало понятно. Прежде всего, то, почему Кассий поступил с ее

сестрой именно так. Мечь, обида, игра крови — это могло быть изначально, но потом... Он любил ее сестру без памяти. Сомнений больше не было. Но ответная любовь Элики была разрушающей. Темной. Жестокой. Такой же, как и его в свое время.

...Ксения задумчиво проводила взглядом избитого кассиопейца, которого практически волокли на себе крепкие рабы. Как он не пытался держаться, боль ослабила его сильное тело. Но не дух. Может, это и к лучшему, Элика сама призналась, что устала от покорных рабов. Лукавая улыбка изогнула точеные губы старшей принцессы.

Элика немного нервно отщипнула ягоду винограда. Ее пальцы все еще слегка горели от прикосновения к мышцам кассиопейского раба. Что ж, вскоре она жестоко заставит его пожалеть о принадлежности к презренной империи. Воин? Тем хуже для него. Кассиопея показала ей свою жестокость, теперь остается продемонстрировать в ответ всю беспощадность Атланты. Парадокс вечного, незримого противостояния двух сильных империй. Кассиопейские мужи готовы были душу Лаки продать за право обладать атланскими рабынями, а атланки, хоть и не горели особым ответным желанием, никогда не рассматривали мужчин соседней империи в качестве предполагаемых рабов. Элика рассмеялась. Ничего. Вскоре гаремы атланских воительниц пополнятся молодыми телами кассиопейцев в таком количестве, что их жизни не будут стоить и ломаной монеты солнечного металла. Патриархальное государство рухнет на колени перед прекрасной и такой желанной для них Атлантой. Совсем скоро! Как бы не сопротивлялась этому матриарх. Элику сперва смутили ее разумные доводы, но Антоний осторожно опроверг основные из них.

— Что еще о нем известно? — тщательно скрывая любопытство, поинтересовалась у старшей сестры. — Ты говорила, он был воином. Воином меча или лука?

Ксения особо не задавалась вопросами прошлой жизни своих рабов. Но об этом знала распорядительница гарема, которую она пригласила разделить с ними вечернюю сиесту, дабы получить ответы на свои вопросы.

— Он воин кнута, госпожа, — поведала она. — Один из самых лучших в своей империи. Отпрыскам самых величественных семей было за честь обучаться владению таким оружием под его руководством.

— Кнута? — разочарованно протянула Ксения. — Это что, оружие? С таким справятся даже наши надсмотрщики! Как можно было называть его воином? Еще бы бойцом семихвостной плети назвали! Уму непостижимо!

Элика отставила кубок с эликсиром кофейных зерен. Ее глаза потемнели.

— В бою мастерам кнута нет равных. Одним выверенным ударом можно перебить шейный позвонок, и противник просто не сможет пошевелиться. Можно сломать ребра, причинив мучительную боль. Другой вид удара отсекает плоть вместе с мышцами, так же лишая способности двигаться, обрекая на смертельную кровопотерю. А третий вид, кажется, он получил название "поцелуй смерти" — это захлест на шее. Моментальная смерть. Как вы обе понимаете, это боевой аспект его использования. Нет ничего страшнее, когда это орудие наказания, а не смерти. Эти удары могут изуродовать тело шрамами, не причинив особой боли. Могут не оставить и следа, но лишит рассудка. Заставит желать смерти и согласиться на все, что угодно, лишь бы не испытывать снова такую боль. Могут даже ласкать, как бы вы не ужасались сейчас моим словам. Поэтому не стоит недооценивать этот вид оружия.

Сказать, что Ксения и главная распорядительница были поражены словами Элики,

значило ничего не сказать. Ксена сжала ладонь сестры в одобряющем без всяких слов жесте.

— В каком состоянии этот раб... Дарк, кажется? — поинтересовалась младшая принцесса, сжимая пальцы сестры в ответ.

— Он очень силен, госпожа, — с плохо скрываемым восхищением ответила распорядительница. — Кого послабее подобная пытка могла бы лишиться жизни. Но он даже ни разу не впал в беспамятство. И не проронил ни звука, когда врачеватель обрабатывал его раны. За все долгие зимы моей службы госпоже Ксении Несравненной не приходилось мне узреть столь сильного духом мужчины. Он не рожден рабом, и вряд ли смирится со своей участью.

— В таком случае, его ожидает смерть, — непримиримо произнесла Ксена.

— Нет, — склонила голову Элика. — Язык боли не всегда есть самым лучшим средством. Сколько времени ему понадобится, чтобы прийти в себя после экзекуции?

— Поскольку он очень силен, как и его жажда жизни, это займет не более двух круговоротов солнца, госпожа. При условии, что его не станут пытаться снова.

— Не станут, если он не даст для этого повода, — сказала Элика. — Но, я полагаю, этого не случится. Он не глуп. Прошу тебя, распорядись сделать все, чтобы он поскорее излечился от последствий наказания. Через два солнечных круговорота я хочу видеть его в своих покоях.

— Эл! — запротестовала Ксения. — Это варвар! Даже в избитом состоянии, он силен... Если он убьет тебя? Я никогда себе этого не прощу.

— Не убьет. В первое время придется заковать его в самые тяжелые цепи из всех имеющихся. А потом в этом просто не будет нужды, — принцесса беспощадно усмехнулась. — Если он не понимает язык боли, он поймет язык моей матери.

Спустя два круговорота солнца, глубокой ночью, двое крепких рабов с трудом ввели в покои принцессы закованного в тяжелые цепи и широкий металлический ошейник кассиопейца. Нет, он не сопротивлялся и не вырывался из их рук. Тяжесть цепей лишала его этой возможности. Он даже не смог устоять на ногах, когда его швырнули на твердый мрамор пола. Только с усилием удержал шею, не позволяя тяжести ошейника согнуть себя в общепринятую позу покорности.

Элика, словно замороженная, смотрела на осколки мрамора, разлетевшиеся от удара цепи в разные стороны. Двое рабов осторожно ловили ее взгляд, не вполне понимая, что им следует делать дальше — остаться или уйти. Но девушка не спешила их отпускать.

Красивая, но жестокая и надменная, приблизилась она к поверженному мужчине. Ни капли жалости или человечности. Только холодный расчет.

— Ты знаешь, кто я?

Нежность в ее голосе могла обмануть кого угодно, но только не дворцовых обитателей. Рабы сопровождения словно сжались, опустив глаза. Только кассиопеец с легкостью повелся на эту уловку. Невзирая на тяжесть ошейника, он поднял глаза, с презрительной улыбкой сплюнул на пол.

Элику подобная реакция не удивила.

— Дарт, кажется. Ты воин кнута, насколько мне известно?

Совершенно предсказуемо. Ошибка всех атлантов, да и матриарх в том числе, что она сильно часто позволяла говорить себе с "этими" как с людьми. Что ж. Тем больше будет падать вскоре. Раз уже решил, что она добрая.

— Мне не нравится твое молчание. Я хочу, чтобы ты ответил на мои вопросы. Только и

всего.

— Да отправляйся ты к Лаки, атланская шлюха! — выдохнул воин.

— Я там уже побывала, — беспечно заметила Эл. — И знаешь, там не страшно. Не советую демонстрировать свою дерзость. Я могу выбить ее из тебя вместе с жизнью. Ты ответишь на мой вопрос?

Ты лишилась рассудка, если думаешь, что сломаешь меня болью и этими цепями! — презрительно усмехнулся мужчина. — Думаешь, я боюсь смерти? Я воин. Сама смерть бежит от меня в страхе!

— Принцесса Ксения была к тебе добра, — заметила девушка. — Она самый человечный и отзывчивый рабовладелец во всей империи. Ты решил, что, поскольку мы сестры, я тоже буду гладить тебя по шерстке? Нет. Целуй ноги своей новой владелицы. Теперь я над тобой повелительница!

Презрительная улыбка была ей молчаливым ответом. Впрочем, она и не ждала, что он сломается моментально. Настал черед кнута вместо пряника. Даже не кнута... То, что она ему уготовила, было пострашнее обычного оружия.

— Значит, ты не будешь добровольно говорить со мной?

— Катись в преисподнюю, одержимая шлюха!

Элика подошла поближе. Мужчина вздрогнул от ее нежного прикосновения. Принцесса склонилась к его щеке, запечатлев на ней ласковый, почти материнский поцелуй. Затем, переместив уста к его уху, так же ласково, с расстановкой произнесла свою главную угрозу.

— В боли есть что-то от наслаждения. В стойкости есть высшая форма власти и себялюбия. Но это не мои методы, милый. Сейчас я попрошу этих крепких самцов отыметь тебя. Если расслабишься... Больно не будет!

На какой-то миг серые глаза закованного пленника потемнели от ужаса, но он тут же сжал губы в плотную линию, возвращая взгляду прежнее высокомерие. Элика неспеша отошла к своему ложу, плеснула в кубок атлионского вина, медленно пригубила. Затем, не сводя взгляда с кассиопейца, мстительно кивнула двум рабам.

— Парни, он ваш. Овладейте им одновременно, а я посмотрю!

От ее улыбки кровь застыла в жилах всех присутствующих. Кассиопеец дернулся, теряя свою прежнюю спесь, бросая на Элику недоверчивый взгляд. До рабов дошло моментально. Куда делась их мужская солидарность и братское единство? Испарилось. Будущая королева, прекрасная ставленница бога этой земли, подарила им кратковременное, но желанное больше свободы право на власть. Иллюзию всесильности и господства, которой оба были лишены очень много времени.

Старший, ослабившись, приблизился к поверженному тяжестью цепей собрату по несчастью и, гадко улыбаясь, потрепал того по щеке. Элику передернуло от отвращения, но она смогла скрыть свои эмоции. Второй, между тем, остановился позади кассиопейца и принялся распутывать шнуровку белых брюк. В его глазах появился похотливый блеск временного безумия.

Затравленный взгляд кассиопейца метнулся к девушке в безмолвном призыве. С трудом скрывая омерзение, принцесса изобразила беспощадную улыбку. К тому времени тот, что пристроился спереди, уже размотал набедренную повязку.

Сдайся, безумец. Не заставляй меня делать это! Твое упрямство не доведет до добра!

Отчаянный, безумный крик раненого зверя разорвал тишину покоев. Элика едва не опрокинула кубок.

— Неет! Нет!!! Госпожа, смилуйся!

— Я не слышу! — рассмеялась Элика, хотя от этого отчаянного крика все перевернулось у нее внутри. Она подняла вверх руку, прекращая еще не начавшееся насилие, когда кассиопеец, уронив голову на пол, сдавленно, но отчетливо повторил свои слова.

— Покиньте нас, — холодно велела разочарованным рабам. — Но ждите у дверей покоев. Можете еще понадобится.

Мужчину сотрясали беззвучные рыдания. Элика, плеснув в кубок вина, подошла к нему. Даже не удивилась, когда чужие губы жадно припали к ее обнаженным ступням, покрывая их поцелуями в безысходной демонстрации подчинения.

— Подними голову, Зверушка, — ласково произнесла, слегка проведя рукой по русым волосам. С трудом, преодолевая тяжесть ошейника, кассиопеец подчинился. Его губы дрожали, веки были плотно сжаты. Элика, грубовато раздвинув пальцем его уста, влила напиток. От судорожных глотков часть вина потекла на мрамор пола.

— Стоило строить из себя героя? Ради чего? Я всего лишь хочу поговорить с тобой.

Пленник сник под неожиданной лаской ее перебирающих волосы пальцев. Постепенно крупная дрожь, сотрясающая его тело, сошла на «нет». Элика проигнорировала полный боли всхлип, прекрасно понимая, что он изо всех сил стремился его скрыть.

— Дарк, верно? — не давая ему погрузиться в забвение отчаяния, заговорила девушка. — Как получилось, что столь сильный и достойный воин попал в рабство?

— Я пал жертвой предательства своего соратника, моя госпожа, — ответил он спустя время, которое Элика милостиво отвела ему, чтобы он смог совладать с собой. — В бою меня оглушил мой же верный боевой товарищ, после чего доставил на повозке прямо в караван работоторговцев Черных Земель.

— О, у Кассия Кассиопейского военная дисциплина на достойном уровне, ничего не скажешь! — язвительно прокомментировала Эл. — В битве за право оказаться лучшим и единственным хороши все средства!

— Мой повелитель велик и честен, — робко возразил Дарк.

— Ты ошибаешься. Он распустил свою армию, позволив процветать вседозволенности. И ему наплевать на тебя и всех. Я могу написать ему письмо с предложением выкупить тебя, но он откажется. Поверь.

Раб промолчал. То ли осознав разумность ее слов, то ли не желая вызвать гнев новой хозяйки.

— Ты воин кнута. Лучший в Кассиопее. Это так?

— Больше нет, — усталость и отчаяние послышалось в голосе мужчины. — Теперь этот титул носит кто-то из моих учеников.

— Я знаю, сколь широк спектр воздействия этого кнута. Скажи. Что необходимо, чтобы овладеть этим умением? Физическая сила? Выносливость?

Дарк заговорил. Собственные слова словно остановили его на пороге безумия и отчаяния от потери собственной гордости. Эл не смогла скрыть ни удивления, ни азарта от его рассказа.

— Обучи меня этому, — решительно произнесла она, позволив мужчине смочить пересохшее горло глотком вина. — Я буду прилежной ученицей. Дай мне возможность овладеть кнутом лучше, чем любой из твоих бывших учеников. Я умею быть благодарной.

— Ты позволишь мне вернуться в Кассиопею, госпожа? — с надеждой спросил Дарк.

Элика грустно улыбнулась.

— Вскоре ты сам не захочешь туда вернуться. Поверь. Я дам тебе привилегии иного рода. Во-первых, никто не посмеет к тебе прикоснуться. Ни они, — красноречивый кивок в сторону двери, — ни моя сестра с ее многочисленными развратными подругами... Если сам не захочешь. К тому же, я не заставляю тебя носить рабский ошейник и клеймо, как тут принято. Номинальная свобода, но, поверь, это дело времени, если ты сделаешь из меня воительницу кнута, — Элика облизнула губы, скользнув по рельефной мускулатуре мужчины. — Возможно, я даже дам тебе то, что в Кассиопее удалось получить лишь одному мужчине. Иллюзию. Мираж. Но ты и не захочешь большего...

Кассиопея. Спустя половину солнечного круговорота после отъезда Элики

— Оставьте нас, — дрогнувшим голосом велел Кассий, не глядя на воинов. Его взгляд был прикован к Марку, которого двое солдат удерживали за плечи. На коленях, со скрученными за спиной руками, в брызгах чужой крови, тот все еще рвался из крепко держащих его рук, с ненавистью сверкая глазами в сторону своего повелителя.

— Но... — возразил Домиций.

— Лентул, ты тоже. С каких пор я стал непонятно выражаться?

Первый советник поспешил оставить покои, уводя вместе с собой остальных воинов. Когда за ним закрылись тяжелые двери, принц Кассиопеи устало провел рукой по лбу.

— Марк, у меня только один вопрос. Почему?

Легат расхохотался в ответ. Он знал об уготованной ему участи, но даже перед лицом смерти держался достойно. А может, просто храбрился. Кассию было мало интересно подобное поведение.

— Мой принц ослеп и оглох? Настолько, что поставил под удар великую империю ради спаривания с атланской тварью? Да я смеюсь тебе в лицо! Твоя армия тебе не подчиняется. Твой народ не понимает тебя! Хаос лишил тебя окончательного рассудка!

— Ты бредишь, Марк. Найди в себе храбрость сказать правду перед лицом смерти!

Легат сплюнул кровь из разбитых губ и замолчал. Кассий отвел взгляд, заговорив, словно в пустоту:

— Твои непонятные амбиции стоили нам мирного неба над головой. Ты поставил свои эмоции выше долга чести. Боги отняли твой разум? Атланта — великая империя. Ты живешь теми временами, когда перед нами склонялись ослабленные междоусобицами и постоянными войнами цивилизации, которые мы брали сами. Теперь так не будет. Если матриарх начнет войну, ее плацдарм будет здесь. Кассиопея захлебнется в крови. Ты не подумал даже о Кассандре. Ты не подумал о своих сыновьях, которые еще столь юны, что им не удержать в детских руках оружия.

— Я смогу защитить свою семью! — зарычал Марк. — Мой принц лишился головы, когда отпустил эту суку. Теперь им ничто не мешает стереть твое царство в прах! Желание сделало тебя слабым. Еще немного, и она заставила б тебя заплетать себе косы. Рядом с ней ты превратился в тряпку! Я несколько зим просил тебя подарить мне Териду. Но раньше у тебя был свой интерес к этой рабыне. Загребил Лаки, я закрыл на это глаза. Но и потом слышал лишь отказ в ответ на свои просьбы! Тогда, как этой суке ты позволил лишить ее жизни!

— Ты ошибаешься, Марк. Это я закрыл глаза на то, что ты сделал пять зим назад с Адрианой. Териду постигла бы точно такая же участь. Уважая твое мастерство как воина, я даже не препятствовал тебе в завоеванных городах, где ты истребил самых красивых женщин. Даже невзирая на то, что после этого монстром считали меня одного! Эта рабыня предпочла смерть твоему покровительству, зная твою репутацию! Ты сказал, страсть лишила меня рассудка? В своем желании, напомни-ка мне... Изрезать женское тело на ремни ты дошел до государственной измены!

— Ты не мой царь. Я не обязан хранить верность слабаку!

— Больше и не придется. В забытом мраке чертогов Лаки уповай лишь на то, что я

смогу в случае войны уберечь Кассандру и твоих сыновей. Ибо единственная вина твоей супруги в том, что она по незнанию отдала свою волю и сердце предателю! Стража!

Воины не заставили себя ждать. Кассий обвел их тяжелым взглядом.

— Я приговариваю предателя империи к смерти путем четвертования завтра на столичной площади в полдень. Увести! И уведомить горожан.

Марк побледнел и устался на Кассия. Впрочем, тот, казалось, потерял к нему всякий интерес. Его внимание привлекло хмурое лицо Домиция.

— Не собираешься ли ты уведомить меня, что я поступаю несправедливо по отношению к отступнику? — словно выискивая повод сорвать злость, прищурился принц.

— Нет, Касс. Только что прибыла царица Астарта. Она... Она в ужасном состоянии.

— Моя мать?? Что с ней произошло?!

— Она все время плачет и зовет тебя. Что-то случилось с Вирсавией.

Лицо принца замкнулось. Лентул обеспокоенно тряхнул его за плечо.

— Ну же... Она ждет тебя... Хоть бы боги были милостивы к юной принцессе, и, что бы с ней не случилось...

— Боги прокляли и предали мою сестру, — выдохнул Кассий. — Вирсавия в Атланте.

Неизвестно, как народу Атланты удалось прознать, что наследная принцесса сегодня возвращается в столицу. Отвыкшая от этого за долгое время своей неволи, а потом и восстановления сил в Атлионии, Элика сперва ощутила тревогу. Но очень быстро это непонятное ощущение прошло, и она, оторвавшись от кортежа сопровождения, вырвалась вперед, подняв ладонь вверх в приветственном жесте.

— Народ Атланты, гордый и непобедимый никем и никогда! Да ниспошлет Антал вам благодать в мере не меньшей, чем Криспида — благополучие и покой!

Толпа взорвалась радостными криками. Впрочем, были среди горожан и те, кто смотрел иначе — осуждающе, подозрительно, с сомнением на лице. Этого стоило ожидать. Это стоило увидеть. Это стоило понять, чтобы уже вскоре развеять все сомнения и предвзятость этих людей. С улыбкой, сверкая зелеными глазами, которые подчиняли толпу своим теплом и решимостью одновременно, принцесса ехала по улицам города. Богато одетая аристократка, приблизившись, протянула принцессе годовалого ребенка.

— У меня дочь, моя будущая королева! Я долгое время не давала ей имени, желая, чтобы это сделала ты!

Элика передернула плечами от явного дежавю, но улыбка так и не сбежала с ее губ.

— Твое имя, достойная леди?

— Калисия, госпожа!

— Калисия, нареки ее именем Фабия. Это имя носила самая достойная и храбрая из воительниц моего дворца!

— Госпожа, мою старшую зовут Латима! — просияла женщина. Элика погладила лоб малышки и улыбнулась ее матери как самой достойной женщине не свете.

Сегодня принцесса была великолепна. Черный корсет из тонкой кожи обтягивал ее стройную фигуру, укороченная кожаная юбка открывала стройные ноги, обутые в высокие сандалии, доходящие переплетениями ремней до колен. Обычно прямые волосы крупными кудрями струились по спине, переливаясь на солнце, когда их игриво колыхал полуденный ветер. В волосах мерцала строгая, лишенная драгоценных камней тиара из металла Фебуса (платина), на шее висела цепь с кулоном в виде герба империи из такого же металла. Герб

также повторялся на браслетах, увенчавших ее запястья и предплечья. Захватчица Ветра гордо несла свою всадницу по многолюдным улицам столицы. То и дело Элике преподносили в дар охапки цветов, корзины фруктов и отрезки тканей, так что вся процессия сопровождения едва ли не сгибалась под тяжестью этих подношений. Восхищение толпы было сильным, но цепкий взгляд Элики по-прежнему выхватывал среди людей и недовольных, тех, что пока так и не могли простить принцессе ее рабства в Кассиопее. То, о чем предупреждала матриарх, подтвердилось. Но девушка не была ни задета, ни расстроена такой реакцией меньшинства. Стоит ей вступить в диалог с народом в скором времени, она развенчает их предвзятость парой слов. Лаэртия Справедливая не зря уделила львиную долю внимания при обучении дочери не только искусству владения оружием, но также политике и дипломатии.

Резкий порыв ветра на миг взметнул ореол ее волос, слегка обнажая спину, и вздох изумления прокатился по толпе. Багровая полоска, след от кнута на ее спине чуть выше лопаток, не осталась незамеченной. Принцесса невозмутимо улыбнулась, поправив волосы. На миг ей захотелось рассмеяться в лицо этим людям — наверняка многие из них решили, что эту отметину оставили на ней в ненавистной Кассиопее. Ничего. Толпа даже не у нее в руках. Она у нее в горсти.

Отдых пошел ей на пользу. Потухший взгляд, взгляд искреннего, доброго, верящего в чудеса ребенка, тот самый, который так жестоко погасили за тридцать круговоротов солнца, тот самый, который причинил душевную боль матриарх и напугал ее брата с сестрой, теперь исчез. Глаза обрели прежнюю глубину изумруда и океанских вод, подсвеченных солнцем в преддверии грозы. Искорки восторга, умиротворения и почти детской игривости периодически озаряли их своими яркими всполохами, но не могли затмить своим блеском холодный, расчетливый разум, решительность, уверенность и непримиримость. Но именно эти качества сейчас зарядили толпу более сильным обожанием, которое с лихвой компенсировало процент недовольных, усомнившихся в ней как в своей королеве.

Мужчины империи, привыкшие видеть в принцессе ребенка королевской крови, сейчас были словно сражены аурой сексуальной чувственности, окружавшей девушку. Невозможно было сказать, в чем это проявлялось — то ли во взгляде, то ли в чарующей, будоражащей кровь грациозности жестов, то ли в ее фигуре, которая неуловимо изменилась. Казалось, принцесса Атланты в полной мере овладела исконно женскими чарами и искусством обольщения, до этого времени подвластному лишь ее матери. И только некоторые из зрелых матрон империи, повидавшие жизнь во всех ее красках, могли лишь неуверенно заподозрить, что их принцесса влюблена, и с нетерпением потирали руки, ожидая, когда же она представит народу достойного мужчину, который будет носить гордое звание ее вольного спутника. О причине верности своих подозрений они не могли задумываться даже в кошмарном сне.

Процессия прекрасной правительницы медленно продвигалась к дворцу Атланты, и, когда они достигли массивных ворот владения матриарх, Элика, развернувшись, улыбнулась своему народу, подняв вверх уже обе руки.

— Я вернулась, мои дорогие подданные! И скоро, совсем уже скоро я вас больше не покину. Более того, мы с вами станем на путь самых великих открытий и небывалого процветания нашей прекрасной Атланты!

Восторженные возгласы толпы остались за воротами. Въехав в прекрасный сад дворца, Элика придержала поводья, слегка прикрыв глаза рукой, ослепленная ярким солнцем. Из-за

него-то она сразу и не смогла разглядеть встречающего. Когда же ей это удалось, она, забыв обо всем на свете, спрыгнула с лошади посредством сальто, едва удержав на голове тиару.

— Лэндал!!!

— Моя сестренка! — брат подбежал к сестре и, подхватив за талию, поднял вверх, закружив в восторженном танце. — Антал благословенен, это ты! Ты так похорошела, что я начинаю жалеть о наших родственных узах!

— Эй! — стукнула его по лбу Элика. — Следи за своим не в меру смелым языком! Думаешь, я разучилась держать меч?

Оливия польщенно улыбнулась, передавая поводья своей лошади. Лэндал окинул сопровождение сестры внимательным взглядом, и тут его зеленые глаза остановились на высокой фигуре незнакомого мужчины с выправкой воина. Тот намеренно держался немного в стороне, пряча взгляд. Принц нахмурился. Мужчина был на кого-то похож. Вот только на кого?! Эл, проследив направление его взгляда, склонила голову набок и улыбнулась, ничего не поясняя. Лэндал прижал ее к себе, обнимая за плечи, и скорее ощутил, что сестра поморщилась от боли. Его пальцы недоверчиво огладили след от удара.

— Эл! Кто это сделал?!

Принцесса, тряхнув волосами, расхохоталась.

— Кассий.

— Что?! Как... Откуда...

— Повелся! — по-прежнему ничего не поясняя, ответила Элика. Лэндал решил больше не расспрашивать. Расспросить ту же Оливию куда проще.

— Ты в прекрасном настроении! Я рад, что ты вернула себе прежнюю безмятежность духа! Я чувствовал это последние круговороты... И был счастлив, как мальчишка. Матриарх тоже будет счастлива, что тьма оставила тебя, она ожидает с нетерпением, хотя, сама понимаешь, может этого и не показать!

— Боюсь, мама будет огорчена... — протянула Эл. — Вовсе не для светской беседы о моем душевном состоянии я прибыла сюда. Ты ведь даже не обратил должного внимания на мой наряд!

— Сестренка, ты выглядишь бесподобно! Тебе так идет кожа и металл Фебуса! Наверняка все достойные мужи империи сегодня ночью будут ворочаться на ложе, сгорая от неудовлетворенного желания!

— Не о том ты думаешь, братишка! — рассмеялась девушка. — Это наряд воительницы в походах.

— Ты собираешься в поход?

— Пока нет. Еще не сейчас. Но мог бы и догадаться... Знаток женщин! Но идем скорее к нашей матери. И предупреждаю, говорить с ней я буду с глазу на глаз.

— Госпожа? — робко обратился к ней дворцовый гостевой распорядитель, низко поклонившись. — Я бы хотел уточнить относительно твоего сопровождающего. Его разместить в комнате для рабов, или же...

— В покоях для гостей! — отрезала Элика. — Ты где-то видишь на нем рабский ошейник?

Лэндал уронил челюсть, а распорядитель, покраснев от резкой отповеди, суетливо ретировался исполнять свои обязанности. Элика гордо направилась к мраморным ступеням дворца, а Лэндал, окинув мужчину цепким взглядом, наконец-то понял, что же ему в его облике показалось столь знакомым. Тот был похож на принца Кассиопеи!

Элика, расправив плечи, вошла в прохладный холл. Насчет невозмутимости матери она ошиблась. Лаэртия Справедливая ожидала ее прямо здесь.

— Элика, дитя мое!

— Мама! — сдерживая слезы, прошептала принцесса, кидаясь в объятия королевы.

Так вместе они и вошли в зал совета Девяти, велев закрыть двери и запретить кому-либо беспокоить их. К вечеру ожидался пир в честь прибытия наследной принцессы, и времени для разговора было предостаточно.

— Мама, — начала Элика, наполнив кубки вином, и протягивая один королеве. — Ты сказала, когда мой рассудок обретет покой и мысли и слова войдут в светлое устье полноводной реки, не отравленные ядом обиды и опустошенности, мы возобновим наш разговор... Я не знаю, что же правило мой путь в большей мере — тоска по тебе и Лэндалу или же желание изложить тебе свое трезвое видение ситуации... Я пришла к выводу, что мои стремления равносильны.

— Ты не изменила своим прежним взглядам, дитя? — с сожалением спросила Лаэртия.

— Мама, нет. Пойми меня. Не стремление наказать мечом и кровью недостойного правителя движет мною. Репутация Атланты на волоске. Подумать только, Кассиопея посягнула на честь принцессы трона, а мы спустили им это с рук! В этом наша слабость, мне жаль, но это больше даже не дипломатия и не паритет. Мы не можем так этого оставить!

— Дочь, твои слова оправданы и разумны. Но мы снова возвращаемся к прежней теме. Посмотри сюда. — Королева, подойдя к столу, изучила беглым взглядом свитки пергамента, выбрав два, скрепленные печатями — Кассиопеи и Атланты.

— Я пыталась показать тебе эти документы еще тогда, но ты, одержимая мстью и болью, даже не стала их просматривать. Соглашение о сотрудничестве, ненападении и оказании поддержки по просьбе любой из сторон — на усмотрение. Срок — одна зима и две декады. Понятное дело, что пункт о содействии в случае военного конфликта теряет силу сразу, ибо о добровольной помощи Кассиопее я даже думать не стану. Торговая часть — мы не теряем ничего, но приобретаем даже больше. Слезы пустыни бесценны, но Кассиопея об этом не догадывается, поэтому мы получили огромное преимущество при сделке. Но обязательства ненападения... Они держат меня крепче самых крепких цепей. И расторгнуть соглашение в одностороннем порядке я не имею ни малейшего права.

— Мама, — Элика недобро поджала губы. — Оставим официальные бумаги и политику на какое-то время. Когда я вернулась, ты расспрашивала меня, что же он со мной сделал, только я не стала тебе этого говорить. Мне было больно снова переживать это даже в мыслях. Ты все еще хочешь это знать?

— Элика, дитя... — Лаэртия, отложив свитки, присела рядом с дочерью и взяла ее ладони в свои. — Проговори свою боль и отпусти ее окончательно. Я мать и ни в чем не смею тебя осуждать.

— Осуждать меня?

— За то, чего боишься ты сама и в чем себе никогда не признаешься. В этом нет ни одной твоей вины. Но полно. Расскажи мне.

Элика, все еще не сумев прогнать чувство бессильной ярости, выпрямила спину и устремила взгляд в стену.

— Тогда я думала, что самое страшное — это то, что меня везли всю дорогу закованную в цепи, как презренную рабыню. Я ведь полагала, что с правителем дружественной империи можно будет договориться на месте. У меня даже была скрытая надежда, что меня подвергли

варварскому обращению против его воли. Тебе известно, что я пошла на сделку, чтобы дать свободу двум женщинам нашей империи. Я почти победила свой страх до той самой поры, пока мои ноги не ступили на черный мрамор плит его обители. И вот тогда... Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что моя жизнь отныне превратится в кошмар. Он наказывал не меня. Он отыгрывался за всех женщин Атланты только за то, что их боевой дух и право перворожденной нации оскорбляет его патриархальные устои, — Элика выдохнула и рванула корсет в стороны. — Сейчас ничего не осталось. Но если ты проведешь пальцами, ты ощутишь кожей едва заметные рубцы. Это его плоть. За то, что я не стала перед ним на колени!

— Дитя, довольно, — Лаэртия похлопала дочь по напряженным плечам, но Элику было уже не остановить.

— Ты скажешь мне — гордись, ты не преклонила колен... Мама, ты ошибаешься. Я это сделала. Лишь бы не терпеть снова такую боль. Колени на полу — не самое страшное из того, на что я пошла под угрозой боли. Ничего нет страшнее этого. Даже ласка рабыни, которую мне пришлось отдавать, ничего не соображая от страха. Даже когда я пережила насилие туда, куда не предназначено природой! Даже когда он надел на меня ошейник и заставил целовать свои ноги. И я сделала это под угрозой боли и перспективой метки раскаленным железом! Я прекрасно понимаю косые взгляды горожан сегодня. Наследная принцесса пресмыкалась перед мужчиной презренной империи, словно жалкая рабыня! А знаешь, что самое страшное?

— Дочь, прекрати! — сердце Лаэртии словно объяло пламенем, и она вытерла испарину с высокого лба. — Ты выжила! Ради того, чтобы вернуться ко мне. Ты проявила мудрость, а не слабость.

— Нет, мама! Знаешь, что было дальше? Я отвечу. Спустя время я больше не желала иного обращения! Когда я взлетала к чертогам Криспиды, я называла его Хозяином и хотела, чтобы он втоптал меня в грязь еще сильнее! Понимаешь? Он отравил меня своей одержимостью! — предательские слезы сжали горло Эл. — Теперь ты понимаешь?!

— Что, если я скажу тебе, что ты счастливица, потому что избежала клейма рабыни? — Лаэртия ласково погладила дочь по щеке, снимая слезы. — Потому что... Твой отец его не избежал.

— Что? — широко раскрыла глаза Элика. — Как? Кто с ним это сделал?

— Я, дитя мое.

Элика, казалось, на миг забыла о своих ранящих душу воспоминаниях. Сказанное не укладывалось в ее голове.

— Даже этим мне не удалось его сломать и растоптать. Именно тогда я поняла, что он избран богами. Я много лет вела политику нашей женской абсолютной силы и нестигаемости, это наша религия, ее не отнять и не переписать. Легенда гласит, что некогда мужчины были наделены абсолютной силой. Роль добытчика и хозяина домашнего пламени закрепилась за ними с давних времен. Но после они восстали против Антала, и начали использовать свою силу в целях хаоса и разрушения. И тогда милостивый бог отдал силу и власть женщинам, уповав на их рассудительность и миролюбивость, на их разум, позволяющий обходить острые грани конфликтов и созидать, вместо разрушения. У мужчин же он отнял часть этой силы, но — не у всех. Самые достойные мужи сохранили свою силу вместе с честью и достоинством. В жилах твоего отца бежала их кровь. Я открою тебе страшный секрет, дочь. Мы слабее тех, кто отмечен Анталом. Заметь, Лэндал тебе

поддается.

— Мне кажется, или ты собираешься записать Касса в легион сильных и достойных? — нервно хихикнула Элика.

— Нет. В твоих жилах кровь твоего отца. Ты считаешь, ты сломалась? Нет. Принцу Кассиопеи не удалось. Ты выстояла!

— Я не могу поверить, что ты поступала так с моим отцом... — принцесса моргнула и залпом опустошила кубок. — Я не слушала Латиму, когда она пыталась мне рассказать...

— Любовь никогда не играет по правилам, дочь. Иногда она похожа на стремительный бег по чертогам Лакедона. Очень тонкая грань, и тебе ли теперь этого не знать!

Элика решительно посмотрела матери в глаза. Рассказ об отце вызвал в ее душе смятение чувств, и она поспешила вернуться к главной цели своего разговора.

— Мама, относительно соглашений... Более зимы с момента их подписания ты не имеешь права объявлять им войну, верно?

— К сожалению, это так, Элика.

— Но, когда к власти приходит королева-наследница, все прежние соглашения, сразу теряют свою силу?

— Дочь! — Лаэртия прокляла себя за излишнюю самонадеянность. У Антония не в меру длинный язык. — Это так, но после того, что ты пережила... К тому же, до официальной возможной твоей коронации три декады времени...

— Но никто не запрещает провести ее раньше, верно? В книге жизни есть упоминание лишь о том, что по достижению девятнадцати зим королева должна принять правление во всех сферах, но ведь если в день моего появления на свет я только взойду на трон, я не смогу этого осилить за один круговорот!

— Элика, я не могу тебе в этом отказать, и ты это знаешь. Но подумай. Тебя не примут единогласно. Многие высказываются против тебя как королевы. Если не все атланцы тебя признают...

— Они признают. И признают все. Потому что я дам им то, что они жаждут почти что с моего появления на свет. Власть, богатство и бег застоявшейся крови. Я подарю им войну. Войну, в которой наша победа будет безоговорочной.

В тот раз Лаэртия не стала комментировать решение дочери. Не потому, что была не готова. С самого начала она знала об этом. Переубедить дочь вряд ли удастся.

— Много войн я повидала на своем веку, — покачала головой матриарх. — Очень много. Их причины почти всегда были различны и неоднозначны. Жажда власти. Богатства. Бег юной крови. Попытка доказать свою значимость. Одержимость идеей мирового господства. Месть. Непримируемость. Но никогда еще я не видела, чтобы причиной кровопролития стала любовь.

— Любовь? — сжала губы Элика. — Ты о чем?

— Только женщины нашей династии, познав любовь, познают вместе с ней жестокость и воинственность. Ты не с ним воевать хочешь. А со своими чувствами к этому мужчине! Любовь не смягчила тебя. Она ожесточила еще больше!

— Мама! — Элика отшвырнула кубок в сторону, вскочив на ноги. Все внутри нее просто бурлило от слов королевы. — Я — влюблена? Ты внимательно меня слушала? Этот человек ломал мою волю и избивал до крови. Как я могу любить его после этого?!

— Ты никогда не знала своего отца, Эл. Тебе не хватает его любви, хотя ты сама об этом не догадываешься. Тебя просто влечет к мужчине, который может дать тебе заботу,

направить твой путь, закрыть плечом в трудную минуту и, когда это нужно, отдать свое тепло. И поэтому ты не могла не откликнуться на его чувства к тебе. Смирись. Стрелы Криспиды не выбирают желаемых целей.

Было уже совсем поздно, когда закончился пир в честь возвращения принцессы. Элика практически не притронулась к вину и щедрому угощению, словно придавленная тяжелыми словами матриарх. Но для всех остальных ее мрачные думы остались тайнами. Девушка улыбалась, вела беседы, стараясь не возвращаться к разговору с матерью. Перед дверью своих царских покоев она замерла на миг, затем, с хищной улыбкой развернувшись, направилась в сторону гостевых покоев.

Дарк, судя по всему, не спал. При появлении Эл, манящего видения в платье из нитей металла Фебуса, со струящимися по спине волосами, он поспешно вскочил на ноги, ловко обернув шелк простыни вокруг сильного торса, чтобы скрыть свою наготу. У девушки моментально пересохло в горле, а сердцебиение начало свой стремительный бег.

— Госпожа, — Дарк скрестил ладони на груди в почтительном жесте и поклонился, с трудом заставив себя, в соответствии со своим положением, смотреть в пол.

Непонятный коктейль слабости, уязвимости и жаркого желания заструился по жилам Элики. Она не могла видеть себя со стороны, но примерно понимала, как выглядит. Голова склонилась, взгляд лишился хищной дерзости, а уста беззащитно приоткрылись в немом призыве. И моментально атмосфера комнаты сгустилась, меняя свои полярности.

Дарк медленно обошел вокруг Элики, так и не решающейся поднять взгляд.

— Моя принцесса была так занята, что сочла нужным пропустить тренировку?

Щелчок кнута об мрамор расколол тишину, и Элика застонала от хлынувших эмоций, обхватив себя руками.

— Ты заслужила наказание, негодная девчонка, — Дарк намотал на руку шикарные локоны будущей королевы, сбив тиару на пол, и мир взорвался разноцветными вспышками. Девушка уперлась ладонями в крепкую грудь воина, словно пытаясь вырваться.

— Принцесса? — обеспокоенно спросил Дарк, но Элика помимо воли выгнулась дугой, одновременно отталкивая мужчину и прижимаясь ближе. Их негласный, кодовый язык тел и желаний, понятый без слов. Дарк, хищно ухмыльнувшись, рванул платье принцессы вниз, обнажая грудь, глуша крик ее восторга безжалостным поцелуем неумолимого победителя. Элика без опасения шагнула навстречу этой несокрушимой силе, ведущей прямо к чертогам Антала и Криспиды одновременно...

Знаешь, когда я впервые узнала, что моя мать за дверями покоев вовсе не возносит молитвы Анталу и Криспиде, а говорит с моим отцом, мне было... Весело, наверное.

"Он слышит тебя? Можно и мне с ним поговорить?" — спросила я тогда ее с важностью повзрослевшей девочки, которой едва исполнилось восемь зим. "Не слышит, к сожалению", — ответила мне мама, и мы вместе с Лэндалом долго над этим посмеивались, получив выговор от Ксении. Она помнила моего отца, хоть ей самой на тот момент было шесть зим всего. И с упреком сказала, что храбрый и достойный воин Дмитрий Иноземный не заслужил такого.

Ты тоже сейчас меня не услышишь. Несмотря на то, что ты гораздо ближе, чем он. Каких-то семь солнечных круговоротов, дорога от меня к тебе. Но знаешь, я рада, что ты не можешь прочесть моих мыслей.

Вчера мать сказала необдуманные и лишённые смысла слова. Что стрела Криспиды ранила меня в сердце. Что я сражаюсь со своими чувствами к тебе. Какими, э... Как ты научил меня говорить... А, с какими, в. би тебя Лаки, чувствами? С чувством ненависти к тебе, слабаку и предателю, метнувшему кинжал мне в спину? Это не епархия Милосердной Криспиды. Ты не смог меня обмануть. Я не поверила ни единому твоему слову. Любовь?! Ты не знаешь, что это такое. Ничего не значащие слова, твой последний козырь в попытке оставить меня рядом, все равно, в качестве кого — королевы или же бесправной суки.

Как бы мне не хотелось сейчас воскликнуть, что ты сломал мою жизнь, перечеркнул все хорошее в ней — ты этого не услышишь. Я отвыкла жалеть себя очень давно. Тешь себя надеждой, что я плачу от несовершенства этого мира и твоей в нем роли. Думай так. Поверь в это. Прочувствуй это.

Скоро ты узнаешь, что все совсем не так. Когда твоя армия, обманувшись исконно вашими предрассудками, возомнит себя заведомо победителями. Когда каждый воин, вместо того, чтобы думать об обороне, будет истекать медом похоти, представляя, как легко можно победить женщин ранее самой миролюбивой империи. Что ж, по крайней мере, они будут умирать со сладострастными улыбками, так и не поняв, что смерть от рук перворожденной расы таки настигла их. В этом твоя самая большая ошибка как правителя. Если не ошибаюсь, со дня на день у тебя коронация. Тем лучше! Уничтожать царей куда приятнее, чем их отпрысков.

Моя мать мудрее всех твоих советников и приспешников, вместе взятых. Раньше я полагала, что ты просто желал испытать на прочность Атланту, зарезервировав для себя укрепления в виде договоренностей и соглашений. Переоценила! Ты вообще не воспринимал нас всерьез. Тот факт, что Лаэртия Справедливая пытается обходиться малой кровью, был воспринят тобой как слабость нашей империи. Да, путем соглашений и мира всегда можно добиться больше, чем путем кровопролития. Но ее дочь не намерена копировать политику. Меня ты тоже недооценивал. Война — Сила, Дипломатия — тоже, но в тандеме это не просто сила, это взрыв хаоса и стабильности одновременно.

Я уничтожу все, что тебе дорого. Мне даже жаль, что ты, в силу своей черствости, не сможешь оценить всю боль по достоинству. Подумал ли ты о своих близких? О матери? О сестре, говорят, она очень юна и боится даже собственной тени. Мне жаль. Но ты сам обрек их на страдания. Мне бы этого не хотелось, но войны не ведутся белыми перстами.

Холодный расчет. Наверное, сейчас я тебя понимаю. Не дать уехать, убить моего брата и отряд сопровождения, чтобы я никогда тебя не оставила. У тебя бы даже хватило цинизма и подлости выразить потом соболезнования матриарх, устроить показательную междоусобицу в Кассиопее, наказав все разбойные формирования, и, положив руку на кусок гранита, который у тебя вместо сердца, выразить свою печаль по моей якобы гибели. Знаешь, лучше бы ты и вправду истребил тогда нас всех. Дрогнула рука? Что ж, пожинай в скором времени плоды своей подлости и малодушия.

Мать пыталась внушить мне, что я тебя люблю. Что ж, совсем скоро ты познаешь силу моей "любви" в полной мере!

... Элика, очнувшись от долгой задумчивости, вызванной перерывом в тренировке, поднялась на ноги и уверенно двинулась в сторону открытой поляны. Дарк, заметив ее приближение, резво вскочил на ноги. Несмотря на шрамы от семихвостки, еще не сошедшие с его спины, он всегда во время обучения принцессы оставался голым по пояс. На него смотрели с интересом и опасением, но задавать вопросы почти всегда остерегались, познав за время, прошедшее от возвращения, непримиримый нрав Элики.

— Приступим? — холодно осведомилась девушка. Кроткая и покорная в руках своего личного садиста за дверями спальни, на людях она не позволяла ни себе, ни ему ни малейшей вольности либо фамильярности, обращаясь с мужчиной если не как с рабом, то как со слугой уж точно. Лишь во время тренировок она видела в нем наставника и жадно прислушивалась к его советам.

Первое время она спорила с тренером, обзывая нелестными словами и угрожая спустить шкуру за его команды. Такая своевольность, впрочем, и стоила ей шрама от кнута на спине — только нанесла она его себе сама, репетируя захлест и проигнорировав совет воина. Лишь, осознав, что умение не прогрессирует, а стопорится, смирилась с его наставлениями.

Рукоять кнута уверенно легла в женскую ладонь, вызвав предательскую дрожь страха во всем теле и сухость во рту. Страх, но не панического ужаса, как прежде. Эл хорошо помнила свою первую реакцию на этот вид оружия и подчинения. Кнут просто выпал из ее ослабевших рук, она побледнела, поднеся ладони к горлу, отчаянно мотая головой, пытаясь прогнать воспоминания. И, лишь увидев насмешливый взгляд будущего тренера, пришла в себя. Хлесткая пощечина стерла сарказм с лица кассиопейца за один короткий миг.

— Еще раз я замечу нечто подобное, — спокойно отчеканила принцесса. — Буду улыбаться точно так же! Взирая на то, как тебя насилует отряд дворцовой стражи!

Ей было плевать на ненависть воина. К тому же, на исходе цикла Фебуса она больше не ощущала ее. Взгляд Дарка изменился, теперь в нем, помимо требовательности в тренировках, скользило уважение и что-то еще, что Элика поначалу недоверчиво восприняла как инстинкт защитника и покровителя. При встрече он опускал глаза в пол вовсе не из-за обязательств своего положения, а чтобы скрыть восхищение и нежность вместе с благодарностью.

В гареме Ксении Несравненной почти все наложники остерегались младшую сестру своей госпожи. Ее показная жестокость пугала и настораживала. Впрочем, Дарк выяснил многое, прежде всего для себя. Были еще те, кто помнили Элику беспечным, отзывчивым и жизнерадостным ребенком, предпочитающим забавы с оружием и долгие интересные беседы теперешним зверствам. О том, что принцесса побывала в Кассиопее, знали немногие, но в замкнутом социуме, таком, как гарем, слухи множились, и часто подкреплялись достоверными данными. Элика и Ксения всегда вели свои разговоры, не обращая внимания

на снующих вокруг рабов — то ли не считая их за людей, то ли особо не переживая за сохранение тайны, которая вряд ли выйдет за стены дворца. Наверное, одному лишь Дарку после получения подобной информации стало более или менее все понятно.

Жизнь рабынь и пленниц в его родной империи и впрямь была адом. Тем самым, от которого они всегда старались уберечь своих женщин, зачастую путем жестких запретов. Вовсю процветала жестокая практика продажи свободных девушек из бедных сословий членам аристократической касты, кроме того, дочерей из бедных семей часто брали силой, путем злата уговаривая судий вынести подобный приговор. Актций еще слабо пытался с этим бороться, но Кассию, казалось, было все равно. Горячему принцу подобные права даже играли на руку. Как там оказалась принцесса Атланты, и что ей довелось пережить — он мог лишь догадываться. А вместе с тем изумляться, что она не распорядилась засечь его до крови в первый же день лишь за принадлежность к ненавистному ей народу. Одно это во многом характеризовало девушку как будущую сильную, мудрую и достойную королеву своей империи.

С ним она даже не стеснялась иногда обнажать свою душу, выглядеть уязвимой и потерянной, прекрасно чувствуя, что он не сможет воспользоваться подобным проявлением слабости. Она не сломала его, хотя все возможности для этого были в ее тонких хрупких ладонях. Принцесса дала понять, что видит в нем равного себе.

Неизвестные эмоции завладели душой кассиопейского воина, уважение и восхищение к этой хрупкой, но такой сильной девочке, с глазами цвета изумруда, телом воительницы Лаки и душой правительницы, о которой вскоре заговорит весь мир. Давно забытое чувство, которое уже довелось пережить много зим назад, вновь всколыхнулось в груди воина. Хотел бы он желать большего, но прекрасно понимал — это невозможно. Оставалось лишь благодарить Эдера за расположение Элики, за то, что она избрала его учителем, подарила относительную свободу и поделила с ним постель, не скрывая своих желаний.

Единственное, что омрачало его дух — Мечь. Но он еще не знал, что в этом чувстве они с Эл во многом были едины. Невозможность вернуться в Кассиопею, чтобы найти предателя и смертельно наказать за тот самый случай жгла ему душу. Однажды Элика спросила об этом напрямую.

— Я не смогу тебя отпустить, — просто ответила она в ответ на его откровенное повествование. — Я знаю про Ист Верто. Но просто поверь, что вскоре оно свершится. Просто запасись терпением. Если ты докажешь мне со временем свою верность, я притащу тебе этого подлеца на аркане.

Он тогда не придавал значения ее словам. Тренировал юную принцессу с почти несвойственным самому себе рвением, оттачивая ее мастерство в деталях, гордясь творением своих рук. Вначале капризная, Эл со временем приняла его правила, достигнув больших успехов за короткое время. Помня о своих словах при их первом серьезном разговоре, девушка спустя время уговорила Ксению написать письмо Кассию с предложением выкупить своего лучшего воина кнута.

Как ни странно, но ответ привез... Лэндал. Причем, часть пергамента. "Мальчишки", — подумала тогда Эл, предположив, что скрытые от ее глаз части письма содержат оскорбления или же угрозы в адрес Атланты, которые брат не хотел ей показывать, дабы не вызвать ярость будущей матриарх.

Ее слова Дарку оказались пророческими. Кассий вычеркнул лучшего воина из жизни Кассиопеи, разъясвив, что тот проявил слабость, позволив себя захватить и продать

ненавистной матриархальной империи. У Элики сложилось стойкое ощущение, что принц просто отмахнулся от этой проблемы как от самой незначительной. Лэндал прятал глаза и ощутимо нервничал, но сдался потом под напором сестры, пообещав показать ей полную версию письма, когда она почтит визитом его дворец.

Дарк с трудом справился с ударом. Очередное предательство. Он восхищался своим будущим правителем как великим лидером и стратегом боя, более других ценящего верность и умение. Ни один военный поход они совершили в свое время бок о бок, сражаясь практически спина к спине, ни один кубок огненного нектара осушили во имя империи, и тем более было воспринять отказ повелителя. Вещь отслужила свой срок — выбросить ее. Хоть имя предателя и прозвучало, принц Кассиопеи оставил его без внимания и без ответа. Даже Элика была шокирована таким поворотом. Она блефовала, уверяя Дарка, что его не захотят выкупить, в крайнем случае бы просто не показала письма, содержи оно согласие. Казалось, Лэндал один знал больше, чем хотел донести до ее сведения. Что ж, оставалось только принять его предложение и погостить недолго в его дворце.

... Кнут взметнулся ввысь, направленный рукой воинственной принцессы, и с резким щелчком обернулся вокруг импровизированной шеи соломенного чучела.

— Тяни. Усилием ладони, а не предплечья, помнишь?

Элика последовала совету Дарка, и шар из травы и соломы, служащий муляжу подобием головы, покатился в траву. Напряжение в кисти при этом осталось минимальным, главный секрет управления был в расслаблении запястья.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Дарк. — Теперь вспори ему грудную клетку с замахом из-за спины.

Этот маневр всегда давался ей тяжело. Замах, натяжение грудных мышц... Ничего.

— Ласки кнутом мы не проходили, — позволил себе вольность мужчина. — Еще раз! Локоть, а не ключица!

Элика выбивалась из сил. Разметать солому удалось лишь с восьмого раза.

— Еще столько же, и подряд. В бою роковая ошибка стоит жизни!

Элика пошатнулась от усталости в перенапряженной руке и непроизвольно упала в объятия своего наставника. Почему так всегда? Ускоренный бег крови по напряженным венам, ощущение жара и чувство нереальной безопасности и спокойствия. Острое желание прижаться еще сильнее, забыв о свидетелях своей же слабости и разметанных, запутавшихся чувств, мечущихся в неистовой пляске между чертогами Лакедона и Антала. Закрыть глаза и не видеть больше зеленых просторов родного дворца, ощутить на своих губах и коже жаркие поцелуи пустынного сирокко Кассиопеи, от которого ни жара, ни неудобства, под остужающим ледяным взглядом...

Элика резко вырвалась из рук Дарка, взметнув хлыст. Еще! Получилось! Отлично! И еще! И снова! В щепки! До малейшей травинки! Уйти от наваждения беспощадной власти холодных серых глаз, отравивших разум, иссечь это видение в бесконтрольном порыве, разметать жалящими, убивающими ударами, уйти от самой себя и от осознания того, что не Дарк обнимал ее только что в ее потаенных мыслях и желаниях. Не он вчера ночью толкнул ее в чертоги собственной темноты, дрожащую и покорную железной воле сильного мужчины. И совсем иные силы двигали ею ранее, когда она твердо сказала сама себе, что незаменимых людей нет... Матриарх заметила. Она же — не поверила. Побоялась себе признаться. Отрицала. Убегала. Ее выбор — ненависть. И никак иначе...

— У тебя получается! — потрясенно выдохнул Дарк, с восторгом глядя на прилежную

ученицу. — Я поражен. Мужчинам обычно нужно не меньше декады, чтобы достигнуть таких результатов!

— У меня достойный учитель, — словно сожалея о своем порыве, охотно отозвалась Элика, подарив ему искреннюю улыбку, незаметную никому со стороны.

Латима Беспощадная, поспешно передав поводья необузданного Краха Империй конюху, соскочила с лошади и замерла, наблюдая за разыгравшейся сценой.

Самое доверенное лицо Лаэртии Справедливой недавно вернулась во дворец с маленькой, но победой — шайка разбойников, терроризирующая Лесных Оцилл, была уничтожена полностью ею и еще семью девушками из легиона Тигриц. Это даже не составило труда. Изнывая от тоски вследствие отсутствия военных походов, жестокая воительница подвергла отступников мучительной смерти. Двум из них она, не дрогнув, отрезала веки и оставила умирать, привязанными к деревьям. Уже через меру масла голодные стервятники выпили их глаза. Восьмерых разбойников вместе со своими девушками, велев привязать за ноги к стремянам их коней, протащила на аркане по каменистому плато предгория, забавы ради велев делать ставки на того, кто продержится дольше всех. Предводителя же оставила истекать кровью посреди владений кровожадных марабунт. За половину круговорота эти муравьи обглодали его тело до костей.

Все, кто видел великую воительницу впервые, изумлялись, как мог Антал такую беспощадную и кровожадную, но справедливую и верную своей королеве женщину наградить такой прекрасной внешностью. Голубые глаза миндалевидного разреза, ясные, словно небеса в полдень, украшенные тенью густых черных ресниц пленяли своим взором, повергая в ступор даже врагов. Гладкая кожа более смуглого оттенка оставалась мягкой, словно шелк, и лишенной морщин даже по достижению ее обладательницей сорока пяти зим. Длинные черные волосы, обычно собранные в высокий хвост, сейчас струились по спине, и даже гладко выбритый висок не умалял их густоты, придавая необъяснимый, леденящий кровь шарм. Благодаря постоянным тренировкам ее соблазнительное, как и у матриарх, тело сохранило осанку и женственную мускулатуру юной девушки. Как часто изумлялись иноземные гости столицы, вместо зрелых женщин узревших практически девочек не более двадцати зим, лишь мудрость и регалии высокого положения обоих выдавало истинную правду. День и Ночь, Террор и Великодушие, Вспыльчивость и Рассудительность, Мягкость и Беспощадность, Жизнь и Смерть — такие разные, но такие близкие друг другу матриарх Справедливая и первая воительница Беспощадная, с детства, вопреки всем законам логики, связанные нерушимой дружбой и верностью. Несокрушимый тандем тьмы и света, две такие разные великие женщины, которые уже не представляли существования друг без друга. С такой опорой и поддержкой Лаэртия могла спокойно вести свою мирную политику и прослыть Справедливой. Репрессии в империи отсутствовали, не потому, что боялись Латиму, а вопреки мудрой политике обеих женщин. Но за пределами империи, где воспевали красоту и великодушие матриарх, также слагали леденящие кровь легенды о жестокости Беспощадной, иногда даже пугая ею детей.

— Кто это с принцессой? — осведомилась она у появившейся рядом Оливии.

— Кассиопейский воин, госпожа. Он обучает ее искусству владения хлыстом.

— Забавы ради? — пожала плечами Латима

— Вовсе нет. Мне принцесса рассказала, как в Кассиопее убивают им вместо меча. Как и копьем, на более дальних расстояниях. Верная смерть от мгновенного удушья, или же потеря способности двигаться. Как от перелома позвоночника и разрыва мышц, так и от

болевого шока.

— Мы собрались воевать с Кассиопеей... — лазуритовое пламя сверкнуло в голубых глазах великой воительницы. — Великолепно!

Незамеченная Эликой, Латима поспешила с докладом к матриарх. Когда женщины остались вдвоем в зале совета Девяти, Беспощадная, отбросив стандартный этикет, обхватила Лаэртию за плечи, едва скрывая свой азарт.

— Лаэр, моя добрая подруга, моя справедливая королева... Прости мою дерзость, но и выслушай мои слова... Не препятствуй своей дочери в ее стремлениях. Пойми, это то самое время, которое мы всегда ждали с опаской и не хотели, чтобы оно наступало. Репутации империи нанесен сокрушительный удар. Варвары возмнившей невесты что Кассиопее посягнули на свободу наследной принцессы. Это вызов. Весь мир ждет наших ответных действий, и медлить нельзя. Долгие годы мы вели политику мира, великодушия и паритета, возвышая свое величие, приобретая союзников и получая выгоду от сделок, приумножая территории и практически убедив всех в нерушимости и избранности богами матриархальной формы правления. Сейчас все, что создавалось веками, пошатнулось. Мы обязаны заставить Кассиопею отдать долг крови. Нет больше Актия, мудрого правителя, а сын, у меня не повернется язык наречь его царем, позволяет своему мужскому жезлу принимать решения за себя! Лаэр, никто бы не осудил тебя, разорви ты соглашения преждевременно. Но мы всегда шли путем чести, в отличие от этих глупых самцов. Позволь Элике вершить путь мести, благословенной Анталом! Она умна и непоколебима. В ее жилах течет твоя кровь, кровь разумной правительницы, усиленная кровью Иноземного. Она взяла самое лучшее от вас двоих. Она выиграет эту войну, чего бы ей это не стоило. И мы с тобой всегда незримо будем рядом, чтобы править ее путь. Моя королева, мы обе понимаем, что время покоя и мира позади. К тому же, именно таким образом взойдет небесная звезда королевы Элики, чтобы пылать столь ярко, как не удалось никому из нас!

— Я не уверена, что Эл готова к этому, — грустно усмехнулась Лаэртия. Ничего нового Латима ей не сказала. Матриарх считала точно так же, слово в слово. — Лати, я была поражена, когда поняла... Но это так. Она влюблена.

— Она в расцвете зим, что тут удивительного?

— Принц Кассиопее забрал ее сердце в качестве военной добычи. Криспида была слепа, поражая цель стрелами любви. Понимаешь?

— Лаэр, — на миг лицо Беспощадной смягчилось, и в красивых синих глазах промелькнула грусть. — Аларикс Фланигус любил меня больше, чем себя в свое время. Поэты нашей молодости ломали стилосы, описывая историю его чувств ко мне. Итог его любви известен нам обоим. Заметь, виной всему всего лишь мой отказ стать его императрицей.

— А ведь ты тоже любила его, Лати, — заметила Лаэртия.

— От всей души. Но я атланка, и никогда не смогу стать чьей-либо тенью. Он был силен уже тогда, от его поцелуев я теряла себя и становилась уязвима. Император не пожелал выбрать путь вольного спутника, а я не могла допустить спаркалийского союза и лишиться прав перворожденной. Он не придумал ничего лучше, чем подослать ко мне своих убийц после роскошного пира и жаркой ночи. Тогда мой мир рухнул. Я не верила. Смотрела на их тела со свернутыми шеями и думала... Аларикс в опасности, его двор кишит предателями! А утром, всего лишь взглянув всего глаза, все поняла без слов... Но полно, — безжалостная улыбка заиграла на губах воительницы. — Он готов был уничтожить меня всего лишь за

отказ, не переставая любить. Я догадываюсь, по каким кругам чертогов Лакедона этот варвар провел нашу Элику. Ты думаешь, ее чувства к нему сделают ее уязвимой? Нет. Умирать он будет долго. Ты знаешь, как говорят в Спаркалии? Любовь атланских амазонок — не благо, а смерть и хаос. Мы не такие, как они. Именно на крыльях своего чувства Элика водрузит голову варвара на свое копье! И признайся, как давно ты смотришь с интересом на Кассиопею и Лассирию?

— Давно. И знаю, что правильнее было бы не приобретать слезы пустыни, а брать их самим! Кассиопея, признаться, сама дала нам этот выбор теперь!

— Ты решила? — Латима широко раскрыла глаза.

— Сразу же. Еще после первого разговора с дочерью, когда она была немного не в себе, потрясенная ударом в спину и смертью Фабии. Но Эл, моя маленькая Эл, она всегда будет для меня моей малышкой. Не хотелось осознавать очевидное, но моя девочка повзрослела. Рано, не сама, но все же... — Лаэртия Справедливая обняла подругу. — Лати, одна просьба, будь с ней рядом. Поддерживай ее на пути войны. А я начну подготовку к коронации. Это не так просто, и не так быстро... Многие атланцы отравлены ядом предрассудков. Моя девочка должна объехать всю империю, выступить с речами и убедить народ в том, что Кассиопея не сломала и не изменила ее. Подготовка этой кампании мы возьмем на себя, позволив Элике отдохнуть еще немного. Пусть побудет с Лэндалом, пока мы учтем все спорные моменты и подготовим идеальную политическую платформу.

— Люди слепы, если полагают, что наследную принцессу крови можно напугать членом, — глубокомысленно заметила Латима. — Счастье, что таких не столь много. Какова роль Лэндала в будущем военном походе?

— Думаю, он будет в восторге, — хитро усмехнулась королева. — Но я еще ему об этом не сказала. Он в последнее время уделяет повышенное внимание своему гарему, приехал лишь увидеть Эл и увезти к себе. Я подумываю о том, не пора ли мне вмешаться? А то настанет день, когда рабыня из неизвестных диких земель войдет в нашу семью под видом вольной спутницы.

— Ты не желаешь принимать того, что твои дети подросли, Лаэр. К тому же, Элика быстро займет его военной подготовкой, а зная твоего сына — мысли о наложницах сразу отойдут на второй план!

Их беседу прервал стук в двери.

— Кто там? — громко осведомилась Лаэртия.

— Прибыл посол из Кассиопеи...

— Контрмеры или же покаяние? — сузив глаза, предположила Латима Беспощадная, наблюдая за приближением иноземного посла в сопровождении дворцовых воинов.

— Говори! — велела матриарх.

— Несравненная матриарх Справедливая! — пафосно начал посол, обороняясь таким образом от пристального осмотра двух пар голубых глаз. — Его величество принц Кассиопеи Кассий шлет вам пожелание долгих лет жизни и процветания, а также просит великую королеву почтить своим присутствием свою коронацию, которая состоится спустя восемь круговоротов в столице, для чего милостиво предоставит свой корабль и сопровождение.

— Пригласите Антония! — спокойно сказала Лаэртия страже. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, и лишь Латима ощутила кожей волну бесконтрольной ярости, поднявшуюся в душе матриарх от подобного цинизма и наглости. Но для посла и стражей ее реакция осталась незамеченной. — Будь моим гостем, достойный путник, — склонила

белокурую голову набок матриарх. — Внутренние дела империи не позволяют мне принять приглашение, сама суть которого большая честь для меня, ведь я безмерно уважала почившего Актия, мир его великой памяти! Антоний Разумный даст ответ незамедлительно, а в путь ты отправишься на рассвете. Ты же примешь мое гостеприимство?

Латима улыбалась, бесстыдно разглядывая относительно молодого мужчину с лицом простака и телом воина. Когда в зале появился Антоний и увел его с собой с намерением незамедлительного ответа, великая воительница повернулась к королеве.

— Интересный самец, — довольно облизнула она тонкие красивые губы. — Ты не будешь возражать, если после вечерней трапезы я покажу ему истинное гостеприимство воительниц Антала? Сколько живу, столько поражаюсь, как можно было этих тупых варваров наградить разумом приматов и телами богов одновременно!

— И жестокостью Лакедона... — тихо добавила Лаэртия. — И непримиримостью к чужим устоям... Конечно, забирай.

— Горе им, если мне понравится. Потому как во время войны мне будут доставлять кассиопейских игрушек со всех уголков их гибнущей империи! — воительница гордо вскинула голову, вызвав у матриарх покровительственную улыбку.

Пурпурный закат зажег океанскую гладь расплавленной лавой. Не такой ало-кровавой, как закат Лазурийской пустыни, совсем даже наоборот — умиротворяющей, с нежно-розовыми и коралловыми бликами по бескрайней водной поверхности, спокойной и величественной в период вечернего штиля. Кассиопейские корабли, почти сливавшиеся с небесами своими голубыми парусами днем, сейчас отчетливо были видны на фоне прощающегося солнца. На миг Элике показалось, что так же нежно и красиво запылали огнем эти паруса и мачты, но, увы, это была лишь иллюзия.

— Эл? — Лэндал осторожно приблизился и остановился рядом с сестрой.

Элика, оторвавшись от созерцания заката, тепло улыбнулась брату.

— Помнишь?

" Мягким огнем полыхают безбрежные воды, но пламя сие не поглотит суда, что с рассветом

Держат свой путь, вновь ведомы к родным берегам крылом сердца и страсти

Я был вдали чужеземной, не взирая твой лик непростительно долго

С первыми солнца лучами прижмусь я к ногам твоим, сердца улада..."

Мы тогда с тобой единогласно признали красоту этого творения... Вопрос, который мучает меня и поныне... Как на родине такой прекрасной поэзии может царить такая жестокость и беспощадность? Кого воспевали великие поэты в своих стихах? Кто были герои этих легенд и сказаний, ибо у кассиопейцев вместо сердца ледяной огонь небес, вместо крови вековая жажда власти и разрушения. Они не могут любить никого, кроме себя!

— Поэтам и слагателям легенд свойственно всегда приукрашивать действительность, — просто ответил Лэндал. — Сестренка, Кассиопея не отпустила тебя. Я не смею осуждать тебя в этом, потому что не вижу ни одной твоей вины в происшедшем. Пройдет время, и сердце твое успокоится. Я только что говорил с матриарх... Ты настаиваешь на объявлении войны?

— Ты тоже скажешь, что мной движет тьма, брат?

— Нет, Эл. Я поддержал тебя во всем. Думаю, матриарх приняла решение. Единственное, на чем она настояла — дать тебе еще немного времени. Ты же наведишь мой

дворец?

— Не могу же я обидеть тебя отказом после того, как поставила на уши Атлионию и лишила Ксению прежних иллюзий! — рассмеялась Элика. — Конечно, я поеду. Мне так хочется верить, что матриарх приняла верное решение! К слову, Латима почти меня в этом убедила... Поэтому навещу тебя с удовольствием!

— Я чувствую тебя сейчас еще более сильно, чем прежде, — подбирая слова, начал Лэндал. — Ты одержима не только мстью. У тебя чувства к своему врагу! Я долго не мог понять своих эмоций...

— Лэн, ни слова больше. Я этого не вынесу. Сначала мать, потом ты...

— Эл, я лишь хочу тебе сказать — это пройдет. Когда рухнет к твоим ногам его цивилизация, преклоняя колени перед твоим господством. Ты не сможешь любить побежденного. И вот тогда Криспида заберет свои стрелы обратно. Поверь, так будет! А пока, дабы скрасить твое долгое ожидание будущих побед, знай, что во дворце тебя ждет подарок, который не оставит тебя равнодушной!

— Кассий на поводке? — сверкнула глазами Элика, пытаясь скрыть свое замешательство от слов Лэндала. — Не думаю. Нет смысла в войне, если это так...

— Пусть это останется секретом, — хитро улыбнулся брат. — Но, полагаю, ты придешь в неописуемый восторг!

Их разговор прервало появление дворцового стража, объявившего о начале вечерней трапезы.

— Коронация этой твари, — сжав зубы, процедила Элика. — У него хватило наглости прислать приглашение! Как жаль, что нам чужды некоторые варварские обычаи. Например, те, которые позволяют убивать гонцов, принесших плохие вести!

— Ну что ты, Эл, — хмыкнул Лэндал. — Мы же люди!!!

Бег времени неумолим, а жизнь честно дала понять, что нет больше места иллюзиям и мирному регулированию ситуации, которая возникла с тех пор, когда тебя у меня забрали. Именно забрали. Как бы ты не врала сама себе, одержимая амбициями и жаждой сомнительной свободы, не ты принимала решение. Но хватило ли у тебя смелости признаться в этом самой себе? Нет. И не хватит. Потому что ты никогда не хотела быть сильной. Долг? Повтори себе это сотни раз. Может, даже поверишь в это. Ты не избежала моей метки. Она не на коже. Даже не видна. Я говорил, что до окончания цикла Фебуса заклею тебя раскаленным металлом? Как же ты наивна, если думаешь, что я этого не сделал. Клеймо на твоей душе. На твоём сознании. На всей твоей женской сущности. И я знаю, что именно этого ты мне не сможешь простить никогда.

Я запретил себе сомнения и слабость. Как бы ты, наверное, злорадствовала, узнай мои истинные мысли. Сердце обливалось кровью за Вирсавию, а за слезы моей матери я бы, окажись ты рядом, просто засек тебя до смерти. Твой братец наверняка сжег все мои письма, и ты никогда их не прочтешь. Но это не имеет значения. Я, в свою очередь, никогда не прощу тебе иного. Того, что в перерывах между поисками выхода для освобождения моей сестры я думал о тебе. Даже о том, что все это стоило тех дней, когда ты находилась у моих ног. Именно там твое истинное место.

Я не настолько безумел, чтобы не понимать, к чему это все привело. Мы играем в политику и мир. Но на деле — наши миры на грани войны. Ты, со своей эмоциональностью, никогда не сможешь внять доводам рассудка. Что ж, мы принимаем бой. Это дело времени. И я сделаю все, чтобы выстоять.

За что ты воюешь, моя атланская девочка? Помимо разбитого сердца с незаживающей меткой своей принадлежности? За земли? Слезы пустыни? За имя? За власть? За каждый вздох удовольствия в моих руках, который никогда не могла скрыть? Ответь сама себе на все эти вопросы. Потому что, помимо сохранения империи, мой основной приоритет в этой борьбе один-единственный. И он сильнее мести и побега от самого себя.

Я получу тебя обратно. Это вопрос времени. Но на мою благосклонность больше никогда не рассчитывай. Ты думаешь, я был жесток с тобой в начале нашего пути? Девочка, ты и представить себе не можешь, что такое жестокость. Наверняка тебя это забавляет... Я даже могу себе представить, о чем ты сейчас думаешь. Что мои чувства к тебе сделали меня уязвимым. Недальновидно, Эл. Неправильно делать выводы на основании того, что я тебе показал. По сути, ты увидела лишь то, что я тебе позволил. То, что на тот момент могло тебя успокоить и лишить отравленных снов, убивающих рассудок.

Ты так и не узнала, кому обязана жизнью. Жалею ли я о том, что ты выжила? Нет. Поверни колесо времени вспять, все было бы так же. Тебе стоило жить, чтобы я в скором времени разнес твой самоконтроль в щепки, залез тебе под кожу, добрался до самой сути. В Кассиоее есть поговорка... Хотя откуда тебе знать, я же так и не прогнул тебя до уровня рабыни... "Любовь воина империи для рабы — не награда, а самое жестокое наказание". Могла ли ты представить всю глубину моих чувств и одержимости тобой? Нет. Ты и доли ее еще не ощутила.

Моя любовь иная. Видит Эдер, я пытался ради тебя. Но теперь это в прошлом. Когда ты вновь окажешься в моих руках, мои чувства окрасятся в алый цвет твоей крови. Я засеку тебя

кнотом, до тех самых пор, пока не устанут мои руки и снова не остынет мое сердце. Именно так ты осознаешь всю глубину моих чувств. Раз за разом, пока ты не полюбишь боль настолько, что однажды не вернешься. Ты даже не сможешь меня ненавидеть. Потому что согласишься, что заслужила именно это.

Как отвратно и противно играть по правилам уже никому не нужной дипломатии с твоей матерью! Высылать приглашение на свою коронацию, выслушивать вежливый отказ, где между строк читается явно — твои дни сочтены... Я тоже политик, моя девочка. Все эти кулуарные ходы мне не чужды. Я знаю, что, стоит лишь короне матриарх опуститься на твою прелестную головку, война начнется тотчас же. Но тебе проще полагать, что я опустил руки, страдая по тебе и твоему телу. Может, я просто жду того часа, когда юная матриарх Атланты будет сама, по собственному желанию, целовать мои ноги и получать удары? Отец любил мне предсказывать непростую, несхожую с иными, уникальную роль в истории. Наверное, она именно в этом — показать всему миру перворожденную королеву Атланты у ног настоящего Завоевателя. А теперь подумай, чьи амбиции в войне сильнее? Рядом с моими твоя месть и рядом не лежала.

Объявляй свои войны. Продолжай считать, что мы к ним не готовы. Разубеждать тебя в этом я не стану. Ты никогда не узнаешь, что я не только не отдам тебе империю, но и заберу тебя в качестве главного трофея после победы. Я буду тем, кто положит конец правления вашей династии. Ты поймешь слишком поздно, что совершенно напрасно разбудила чувства Хищника и позволила себе думать, что от него можно уйти. Нельзя. Только растерзать. Так будет легче тебе... Если сможешь.

... - Касс, — Лентул подошел почти бесшумно. В его руках находился развернутый свиток пергамента.

— Ну? — принц сдвинул брови. В последний момент многословность больше не входила в круг его талантов.

— Ответ от Лэндала. Тебе он не понравится. Я не знаю, сможет ли Вирсавия пережить все это и не сломаться... Мне кажется, он словно упражняется в красноречии и изворотливости... ты уверен, что будешь это читать?

— Поэтические вдохновения жалкого отпрыска, которому из жалости позволили именовать себя принцем и держать в руках меч, но под каблуком у перворожденных шлях Лаки? Это забавно, но не более. Его сестра и то куда сильнее при разработке кулуарной стратегии. Он ожидает, что я кинусь в Атланту сломя голову, без воинов и оружия, согласившись на его условия? Явное отсутствие рассудка!

— Кассий, я не думаю, что он просто дразнит тебя. Никогда нельзя недооценивать противника. Операцию по похищению Вирсавии, заметь, он разработал сам. Сам! За жалкий круговорот солнца — ему хватило, чтобы узнать все ее передвижения и захватить в храме Эдера... Возможно, он блефует, и твоя сестра не в столь ужасном положении... Но он медленно ее убивает. А она не Эл. Нет той силы духа и противостояния! Принц уничтожит ее даже словами.

— Жалкий мальчишка? Нет. Для того, чтобы сломать женщину и подчинить своей воле... Надо быть мной!

Домиций крайне устал изумляться поведению своего друга, повелителя и брата. Прежний Кассий спас бы свою сестру ценой своей жизни. Но принц разительно изменился за столь недолгое время. Расчетливость, предусмотрительность и леденящее душу спокойствие сейчас правили свой бал, полностью подчинив себе рассудок правителя.

— Прекрасная попытка сорвать мою коронацию... Но глупая, к сожалению! Отличный повод выиграть войну, так ее и не начав... Вирсавию я спасу, но совсем не так, как от меня этого ожидают. Я не суну голову в пасть тигра, что бы он мне не расписывал в своих письмах. Я одного не пойму, Эл представила меня при своем дворце в образе безумца, потерявшего голову от любви? Сперва эта старшая сестра с предложением выкупить воина... Да они там с ума посходили, решив, что из меня можно вить веревки!

— Касс, я знаю, что Вирсавия — святое, но Дарк... Ты, должно быть, не помнишь его... Но, дворец Шахуна? Именно он обезоружил арьергард стражи при помощи одного лишь кнута! С помощью него же он перехватил отравленную стрелу, нацеленную в твою грудь при восстании в Лассирии! Мне не понятен твой поступок. Ксения Несравненная просила монеты солнечного металла, а вовсе не твою голову взамен!

— Во-первых, Дом, скорее Фебус поменяется местами с солнцем, чем я пойду на сделку с женщиной. Во-вторых, ты прав. Спасать я буду, прежде всего, Вирсавию, мою родную кровь. А в-третьих, грош цена воину, попавшему в рабство. Если не хватило ума придушить эту развратную суку и сбежать, ему нечего больше делать в Кассиопее и моем легионе. А в-четвертых, с каких пор ты позволяешь себе подвергать сомнениям мои решения?

Лентул только покачал головой. Холодная жестокость, граничащая с безразличием, все сильнее овладевала принцем. Причина была лишь одна. Кассий ненавидел себя за свою слабость и чувства к будущей матриарх Атланты. Непонятно было, кто из них жаждал войны в большей степени. Тем не менее, факт оставался фактом. Беспощадность принца теперь не знала границ. Вслед за Марком он подверг мучительной казни также воинов, позволивших похитить Вирсавию прямо в храме Эдера. Обо всех невольницах из Атланты приказал информировать себя немедленно. Просто счастье, что таких в империи больше не было — участь девушек была бы ужасающей. Казалось, вся Кассиопея притихла от страха и неизвестности в ожидании скорой коронации правителя, которого душевная боль превратила в того, кем его привыкли считать недалекие личности — беспощадного тирана.

— Что ты намерен дальше предпринять, брат? — проигнорировав последние слова, тихо осведомился Лентул.

— Ждать. Эта сука схватится за меч, стоит ей только примерить корону. Просто не будет. Кассиопея будет пылать от войны, как и сказала твоя Керра. В такой ситуации привезти сюда Вирсавию — это обречь ее на смерть от рук мародеров и армии Атланты. Смирись, полигон боевых действий, как не прискорбно — именно Кассиопея. Что до моей сестры, я дал ясный ответ этому ублюдку. Но это не значит, что я считаю именно так. Да, я написал ему, что не потерплю подле сестру, превратившуюся в рабыню и лишенную чести. Зная их предрассудки по поводу нашего отношения к своим женщинам, он почти в это уверовал. Мальчишка храбрится не по делу. Он и части того, что было с Эл, не сможет над ней учинить! Во время войны Вирси будет в большей безопасности именно там. И не смотри на меня так! У меня сердце разрывается за мою дорогую сестру. И за каждую каплю ее слез я заберу сотни капель их крови. И когда она вернется, я убью каждого, кто скажет про нее что-то плохое или упрекнет в том, что она делила ложе с врагом. Но Лэндал об этом никогда не узнает! Мне мало интересно, что в письме. Это лишь полет его безумной фантазии. Хотя... Я, пожалуй, прочту эти выдумки. Чтобы в десятикратном размере повторить их с Эл, после того, как поставлю ей ногу на грудь. И будет именно так!

— Не сомневаюсь, — Домиций осторожно положил сверток на стол. — Вернулся наш гонец. Все, как ты и говорил. Матриарх с превеликим сожалением отклоняет наше

приглашение, ссылаясь на свои внутренние государственные дела. Даже шлет в дар меру кофейных зерен, целый корабль.

— У них своя коронация, — жестоко улыбнулся принц. — Что ж, сожалеть не будем! Не о чем! Признаться, я не думал, что гонца вернут живым и невредимым.

— Он выйдет довольным до безумия, и даже рассказал, что слухи о кровавом нраве прекрасной советницы матриарх, Латиме Беспощадной, несколько преувеличены, — заметил Лентул. — Гляди, как бы твои воины, очарованные атланскими воительницами, не отказались поднять против них мечи и щиты!

— Они лишатся головы, если посмеют повторить мою ошибку. Ну, нет! Кстати, я бы хотел обсудить с тобой и новоназначенным легатом Кантуном возможное расположение легионов по правому и левому флангу. Просчитать все ходы, потому как времени остается не так уж и много. Я отозвал легионы с Северных земель. Мы будем готовы к их нападению! Через меру масла соберемся в тронной зале. Разыщи Аракса.

Домиций удалился, оставив Кассия на лоджии в абсолютном одиночестве. Мужчина, словно не заметив его ухода, поднял голову вверх, залюбовавшись закатом. Подсвеченные затухающим солнцем рваные облака, гонимые ветром, бежали по небосводу, словно испугавшись тяжелого взгляда правителя этой земли. Усталость на миг коснулась волевого лица принца, отдалась мимолетным отблеском в его потухших серых глазах, углубив едва заметные морщинки, свидетельство тяжелых раздумий и многочисленных бессонных ночей.

— Эл... — сдавленно прошептал мужчина, сжимая кулаки. — Почему ты заставляешь меня быть тем, от кого я всю свою жизнь стремился убежать?.. И почему ты сама так отчаянно бежишь чертогами Лаки, не принимая свой рай?..

Округ Лонтаринии, где располагался дворец Лэндала и его многочисленный гарем, не уступал по красоте Атлионии, превращенной руками Ксении в райский уголок, практически ни в чем. Округ пяти холмов, как его еще называли, встретил царственных путников мягкими отблесками заката, свежим бризом с побережья и великолепием зеленой листвы — аллеи и улицы купались в этой роскоши, создавая даже днем благодатную тень. Казалось, с закатом город только просыпался, сбрасывая оковы благодатной неги, дабы погрузиться в развлечения, щедро даруемые сумраком ночи.

Горожане восторженно приветствовали Лэндала, и Элику в который раз удивило такое скопление юных атланских красавиц, а также непередаваемый восторг в их глазах. Наследному принцу было категорически запрещено брать одалисками свободных женщин Атланты. Впрочем, как поняла принцесса, вступать с ними в сексуальную связь на равных началах здесь было обыденным делом.

Небывалый ажиотаж вызвало также появление принцессы, будущей королевы. Здесь никто не относился к ней предвзято, хотя весть о том, что девушка успела побывать бесправной игрушкой жестокого принца из и без того презираемой многими империи, докатилась и сюда. Элика купалась в волнах этой поддержки и уважения, скрытого восхищения и понимания — люди увидели самое главное. Она не сломалась, не сдалась на милость врага, не сложила рук по возвращению, наоборот, была готова дать бой и повести за собой свой народ. Что ж, с поддержкой Лонтаринии у нее не возникнет никаких проблем. Как ей убедить тех, в чьих глазах ее авторитет был подорван, она уже знала наперед. Но — не сейчас. Пять круговоротов солнца ее ожидали блаженные минуты отдыха перед самым ответственным шагом. Одному Анталу известно, когда она сможет позволить себе снова

отдых в семейном кругу. Кассиопея падет, но, возможно, ее завоевание затянется на декады, если не зимы. К этому тоже надо быть готовой.

Если к воинам из свиты Лэндала и воительницам Элики тут привыкли, то появление Дарка вызвало любопытство и во многом недоумение. Элика едва сдерживала смех, наблюдая за откровенно раздевающими взглядами свободных женщин, от которых кассиопеец нервно сглатывал, явно упрашивая своих богов скорее избавить его от подобного осмотра. Даже Лэндал косился на воина кнута с ревнивым подозрением, явно предвидя, какой фурор тот вскоре произведет в его райских садах среди наложниц, которые зачастую забывали, как выглядит мужчина. Эта ситуация веселила Элику еще больше. Если не хватает сил удовлетворить каждую из своих одалисок, не стоит их содержать в таком количестве! Она подозревала, что, если бы не ее вмешательство, ни одна из наскучивших брату девушек не обрела бы долгожданной свободы впоследствии. Так и остались бы доживать свои годы в одиночестве. Ксения в этом плане была куда лояльнее.

С последними лучами догорающего заката они въехали в роскошные сады дворца. Каждый раз Элика, словно впервые, изумлялась подобному великолепию. Не успела она войти в просторный холл, как словно погрузилась в волну обожания, симпатии, интереса и ликования. Непостижимым образом, все девушки ее любили и радовались каждому приезду. Конечно, эти восторги пришлось делить на пару с Лэндалом, но Эл уже знала, как этим райским птичкам не терпится оказаться подле нее. Принцесса никогда не демонстрировала с ними напускное бездушие, снобизм и неприязнь. Наоборот, весело болтала с девушками, словно с равными себе, успокаивала напуганных поначалу юных рабынь, снимая все их страхи, давала мудрый совет усомнившимся в своих силах и чарах красавицам, к тому же щедро одаривала их подарками. Два сундука разнообразных ожерелий и перстней прибыли во дворец накануне, и сегодня девушки сверкали серебром и драгоценными камнями особенно ярко.

— А теперь будьте паиньками и готовьтесь к вечернему пиру, — со смехом велела Элика, освобождаясь из объятий своих почитательниц. Следующим источником их повышенного внимания неминуемо стал бы Дарк, а допускать это Элика не обиралась. Не из ревности или собственнического инстинкта. Он в ней отсутствовал, даже когда она была с Кассием. Здесь по-королевски правил ее брат, и положение дел не должно было меняться.

— Дарк, Оливия, за мной! — распорядилась принцесса. — Здесь есть тренировочная зала, посвятим свободное время тренировке.

— Эл, сегодня? — искренне изумился Лэндал.

— Именно, брат. Врагу не интересно, что у меня дрогнула рука, потому что я предпочла сон упражнению с мечом. Ему это только на руку.

Через половину меры масла Элика отпустила Оливию, крайне довольную результатом тренировки. Дарк сегодня обещал продемонстрировать ей захват захлестом. Довольно болезненный для жертвы прием, но его отличие было в том, что такой захват не ломал кости и не так глубоко вспарывал кожу, чтобы можно было повредить мышечную ткань. Жестокая красота процесса завораживала девушку. В руках Дарка кнут плясал свой безжалостный танец, выписывая кольца и спирали. Непередаваемая магия смертельного оружия!

У нее, понятное дело, ничего не получилось в первый раз. Захлест отрывал руки манекенам, разбрасывая по залу щепки сухих веток и листьев. Не удавалось напрячь предплечье и расслабить кисть таким образом, чтобы удар пришелся исключительно на поверхность.

— Привыкнешь, — заверил ее Дарк. — Самый сложный прием — рассечение сухожилий, но с ним ты справилась быстро. И здесь излишне проявлять ярость и недовольство. Ты должна впустить в свою душу покой и непредвзятость. Только тогда кнут станет продолжением твоей руки и исполнителем твоей воли.

Элика злилась, не оставляя попыток освоить красивый захлест с первого раза. Ее упорства хватило бы для этого, но время пира приближалось. С сожалением вернув кнут наставнику, Элика двинулась к выходу.

— Твои покои возле моих, приведи себя в надлежащий вид и жди дальнейших распоряжений, — велела девушка. Она уверенно направилась по коридору к покоям брата с целью уточнить характер мероприятия, как вдруг из-за ажурной ниши донесся красноречивый женский всхлип. Элика остановилась, прислушиваясь. Почти сразу ей навстречу скользнула тонкая фигурка в светлом платье.

— Алия, — тепло улыбнулась принцесса. Ее она не заметила в зале среди встречающих. — Доброй ночи, моя девочка. У тебя все хорошо?

— Госпожа, — потерянно склонила голову блондинка.

— Почему ты здесь? Разве ты не должна готовиться к пиру? И почему глаза красные? Ты больна? Или тебя снова наказали? Как бы то не было, тебе известно, что ты лишена права оскорблять повелителя своим жалким видом!

От слегка циничной отповеди невольница захныкала еще сильнее. Элика раздраженно вздохнула. Что такое могло произойти в этом дворце, чтобы вызвать такое проявление эмоций? Вряд ли хоть часть того кошмара, которая совсем недавно выколачивала безудержные слезы у нее самой.

— Говори, — мягко велела принцесса, увлекая девушку под свод ниши.

— Господин лишил меня своего расположения! — отчаянно прошептала Алия. — С тех самых пор, как во дворце появилась новая рабыня! Ее все время скрывали от нас, и это не вызывало ни капли беспокойства... Но как только он вернулся... Он больше не звал меня на свое ложе. Его думы мрачны, и, возвращаясь от нее, он больше не достаивает меня даже взглядом!

— Новая рабыня? — нахмурилась Элика. — Что тебя удивляет? Или ты не знала, что принц вправе делать свой выбор и не спрашивать при этом твоего совета?

— Она меняет его, госпожа! Я не знаю, что он делает с ней за закрытыми дверями нижнего яруса... Но девушки часто слышат ее плач и песню плети. Она отняла его сердце!

— Ты что-то путаешь. Лэндал никогда сам не поднимает руку на женщину. Для наказания есть надсмотрщики. Вспомни. Не считая своей неумной дерзости, когда пришлось стегать тебя плетью, разве ты была хоть раз унижена или оскорблена им? Разве на его ложе ты рыдала от боли, а не стонала от удовольствий?

— Я бы все отдала за право быть избитой его руками, госпожа! — всхлипнула невольница.

— Ты лишилась рассудка? Ты понимаешь, о чем говоришь? — Элика против воли хорошенько встряхнула рабыню. — Совсем разум повредился от долгого отсутствия мужской ласки?

— Госпожа, на моей родине это считается самым крепким проявлением любви! Сердце мужчины скованно безразличием, если он не разогревает плетью плоть своей женщины.

— в Кассиопее, что ли? — борясь с желанием стукнуть Алию, спросила принцесса.

— В Спаркалии, моя принцесса.

— Ты в Атланте, рабыня! Это раз. Кто ты такая, чтобы возмущаться поведением своего господина, моего брата? Это два. И пойдя, умойся, скоро пир, а на тебя страшно смотреть!

— Но она будет сегодня на пиру, госпожа... Говорят, станет основным развлечением... Я остерегаюсь, что мое сердце этого не выдержит!

— В таком случае, исчезни и не показывайся ни мне, ни Лэндалу на глаза, пока не приведешь себя в надлежащий вид!

Лишь когда рабыня поспешно убежала, Элика шумно выдохнула. Она злилась не на нее. Только на себя, за то, что при словах Алии вновь ощутила жаждущий зов собственного тела. А времени, чтобы снять напряжение вместе с Дарком, больше не оставалось. Забыв про запланированный визит к брату, Элика вернулась в свои покои, доверившись рукам преданной Шиа.

В большом зале повсюду полыхали огни, создавая непередаваемую атмосферу праздника. Наряженные, словно птички, девушки весело щебетали, возлежа на вытянутых золоченых скамьях, потягивая сок фруктов и любуясь игрой приглашенных жонглеров.

— Элика! — поднялся навстречу Лэндал. — Сядешь подле меня? А то, остерегаюсь, они утомят тебя своей болтовней!

— А где Алиа?

— Нездорова, — безразлично махнул рукой Лэндал.

Элика обвела взглядом зал.

— Ну, ты в своей стихии. Вопрос, что делать мне?

— В смысле?

— Приведи Дарка! — велела принцесса сопровождающей ее Шиа. — Брат, а ты чего ожидал? Что я буду скучать, наблюдая за твоими развлечениями? Ты совсем не думаешь обо мне!

— Эл, ты оскорбляешь меня своими словами! Но кассиопейский варвар...

— Лэндал, прежде всего, он мой тренер и наставник, лучший в своем деле. Не стоит судить этот народ, вдохновившись примером их неадекватного правителя. Если я не надела на него ошейник и позволила относительную свободу, значит, у меня были на то свои причины. И хватит об этом.

— Ты противоречишь сама себе, сестра! — повысил голос принц. — Матриарх права, и мои ощущения меня не обманули. Ты же ничего против Кассиопеи, как таковой, не имеешь. Вся военная подготовка — лишь ради того, чтобы уничтожить варвара, похитившего твое сердце! Если бы я так не рвался в бой, я бы посоветовал тебе решить этот вопрос скрытым путем. Наемные убийцы всегда были лучшим оружием. Войны же требуют несметных средств... Но тебе надо сделать это громко и закрепить свой авторитет!

— Ты забываешься, мужчина, — недобро сжала губы Элика. — То, что мы единокровны, и всегда говорим правду друг другу в глаза, не дает тебе права упрекать меня... Да еще перед рабынями! Если тебя волнует опустошение казны... Отдай тех девушек, что тебе давно наскучили, в вольные спутницы достойным мужам, получив за это щедрое вознаграждение! То, что твои прихоти частично покрываются имперскими расходами, не значит, что этим можно бессовестно пользоваться! Наша победа в этой войне окупит все вложения сторицей. И больше я не хочу слушать твои невразумительные доводы!

Когда в зале появился Дарк, Элика, заняв место на скамье подле брата, безапелляционно указала ему место на ковре подле своих ног. Двойственность ситуации позабавила ее. С одной стороны, это было почетное место рядом с будущей королевой, с

другой же — унизительное положение раба.

— И где твой сюрприз? — Элика отпила из серебряного кубка, погладила волосы сидевшего у ног мужчины, заставляя запрокинуть голову. Когда тот подчинился, слегка наклонила кубок, вливая ему в полураскрытые губы густой сок заряженного хмелем винограда. Лэндал хлопнул в ладоши, и шум в зале моментально стих. Правда, девушки гарема все еще украдкой наблюдали за Дарком, покорно прижавшим голову к обнаженным коленям принцессы.

Музыканты заиграли тягучую, тревожно-медленную мелодию, и слуги незаметно погасили факелы, оставив освещенным небольшой подиум в центре зала. Элика подалась вперед, сгорая от любопытства.

Некоторое время ничего не происходило, а затем музыка внезапно ускорилась, напоминая отчаянное биение сердца, и под аккомпанемент этого сопровождения двое крепких мужчин буквально вытащили в центр хрупкую девушку с завязанными глазами. Прозрачная туника из шелка практически не скрывала ее наготы. Золотая тонкая цепь опоясывала ее тонкие запястья, и за нее, судя по всему, ощутимо дергали, так как девушка то и дело пошатывалась, спотыкаясь на каждом шагу. Непривычно было это видеть, зная непревзойденную грацию дворцовых танцовщиц. Когда один из мужчин надавил на ее шею, заставив опуститься на колени, хрупкое тело юной блондинки затряслось, словно от сухих рыданий, но послушаться она не посмела. Элика поразились мастерской актерской игре незнакомки. Прежде она не видела ее среди наложниц брата. Так чувственно и достоверно сыграть эмоции казалось невозможным.

Когда в руках мужчин появились две тонкие семихвостные плети, Элика ощутила чуть ли не страх. Повернулась к Лэндалу с застывшим в глазах немым вопросом. Он что, плохо понимал, что делал, когда велел организовать подобное зрелище? Элика увидела на миг на ее месте себя. Может, так со стороны и она смотрелась именно тогда... Брат тепло улыбнулся ей.

— Танец песни плети.

Непонимание только углубилось еще больше. А дальше... Элика с трудом заставила себя смотреть на это представление. Рывок, и цепь потянула запястья дрожащей девушки вверх. Ее ловко закрепили, так, что пальчики танцовщицы едва касались пола. Высокая девичья грудь вздернулась вверх, и Эл заметила, как она при этом страдальчески закусилла нижнюю губу. " Совсем девчонка, — подумала про себя принцесса, от волнения сжимая волосы Дарка в кулаке. — Неужели Лэн не смог выбрать на эту роль кого-нибудь постарше?" К тому же, торжественно-вопрошающая улыбка брата показалась ей странной. Он что, искал одобрения? Но чему? Оригинальной идее? Неосмотрительно. Пришли жальщие воспоминания — Кассий над ней, внутри... Связанные руки не позволяют скрыться от его касаний... его пощечин... его зла...

Под возвышенный аккорд музыки плети в руках актеров, исполняющих роль палачей-укротителей, взлетели вверх, сбив на плечах рабыни застежки прозрачной туники. И тут Элика услышала ее крик. Антал Милосердный, да разве можно такое сыграть?.. Неприятная дрожь прошибла ее позвоночник. Тем временем лишенная застежек туника сползла на пояс девушки, обнажая грудь. Когда один из мужчин погладил этот маленький девичий холмик лентами плети, рабыня, задержавшись в своих путах, снова закричала. Элика выдохнула, ощутив головокружение, но в тот момент ладонь Дарка вдруг сжала ее бессильно упавшую руку. Принцесса перевела на него взгляд, в котором словно ожили все ее эмоции, даже не

поняв, что это была дерзость и своеволие с его стороны. Понимание и едва уловимая поддержка в серых глазах мужчины странным образом успокоили ее, и, опасаясь нового проявления слабости, она поспешно вырвала ладонь и вновь перевела взгляд на сцену.

Самым парадоксальным было то, что боль девушке не причиняли. Функция плетей была больше декоративной. Но на блондинку невозможно было смотреть без содрогания. Она дергалась, не скрывая душераздирающих стонов, и слезы насквозь промочили черную повязку на ее глазах. Ужасающая реальность наконец достигла разума Элики. Это с самого начала не было никакой игрой!

Тем временем второй мужчина похлопал рабыню плетью по едва скрытой шелковой тунике промежности, замахиваясь для настоящего удара. И сердце Элики просто не выдержало. Едва не отпихнув Дарка, принцесса вскочила на ноги. Как раз вовремя, чтобы с возвышения увидеть, как скрытая широкой спиной палача невольница забилась в безудержном плаче.

— Остановитесь! Прекратите это немедленно!

Музыка стихла. Участники постановки недоуменно повернулись в ее сторону, и, узнав без четверти меры масла королеву, поспешно преклонили колени.

— Лэндал, ты что, не видишь, что ей плохо?! Что ты делаешь?!

Непостижимо, но... Брат улыбался.

— Снимите с нее повязку! — велел он мужчинам. Когда его приказ был исполнен, Элика с ужасом поняла, что дела обстояли еще хуже. Это была вовсе не актриса. Просто сломанная, униженная и перепуганная девочка. Принц перевел выжидательно-торжествующий взгляд на сестру, на миг сдвинув брови... Растерянно кивнул на сцену... Элика не узнавала его. Ее Лэндал просто не мог так поступить даже с самой строптивой рабыней, а это вообще являла собой идеал покорности!

— Поверните ее лицо! — велел он. — Ну же, Эл, посмотри внимательнее! Неужели ты не понимаешь, кто она?!

— Прекратите этот фарс, девочке нужен лекарь! Уведите ее немедленно и не смейте больше бить! И снимите, наконец, с нее цепи!

— Эл! — Лэндал выглядел потерянным... — Сестра, позволь объяснить. Это же...

— Ты сам недалеко ушел от дикаря! — в наступившей гробовой тишине с надрывом произнесла Элика.

А затем, круто развернувшись, выбежала из зала, забыв даже о присутствии Дарка.

Малышку трясло. Лэндалу еще ни разу в жизни не доводилось видеть такого. Агония души, а не тела. Моментальное выгорание прежних эмоций... Раз за раз, одним ударом. Ее больше не существовало. Ее прежней. Так ему показалось тогда.

Она больше не плакала. Калиста, его бывшая фаворитка, ныне же свободная его волей от цепей рабства, отпоила девочку настоями трав, которые уняли слезы.

После протеста и бегства Элики Лэндал ощутил надлом. Держать маску и свои эмоции в узде стало невозможно. Велев сворачивать пир, повышая голос, чего раньше за ним не водилось, он разогнал наложниц по комнатам. Тяжелое напряжение повисло в воздухе, вселяя в сердца девушек невиданный доселе страх. Еще недавно весело смеявшиеся с представления, с унижения себе подобной, злорадно ухмыляющиеся — юная красавица была так ненавистна принцу, что он велел прилюдно пороть ее плетью! — сейчас рабыни опасливо жались в стайки, спеша покинуть пиршественную залу, опасаясь, что в случае промедления их настигнет та же участь. Один принц, казалось, не замечал ничего. Ни погасших улыбок, ни слез от страха, ни осуждения в глазах более смелых и приближенных.

Один лишь Дарк, оставшийся в зале после бегства Элики и успевший подняться с колен, был невозмутим. Он посмотрел на Лэндала с каким-то нелогичным пониманием, и у молодого принца появилось ощущение, что поработенный воин Кассиопеи считал все его мысли. Знает ли Эл, что ее новая игрушка наделена таким мощным разумом?

Но эти мысли вскоре вытеснили иные. Элика не простит.

Лэндал не знал достоверно, что сестре довелось пережить в Кассиопее. Все его представления ограничивались словами Кассия и догадками, построенными на необъяснимой, связывающей воедино эмпатии. Сама же принцесса молчала. Наверняка она поделилась своей болью с Ксенией, с матриарх, с Латимой, к которой тянулась с детства, но уж никак не с ним. Он был мужчиной. Пусть самым близким и родным, но после пережитого кошмара у Эл появилась необъяснимая предвзятость. Он бы ее понял, но она не желала так думать.

Плеть ни разу не коснулась тела Вирсавии. Это было и не нужно, она и так боялась до потери рассудка одного ее вида. Что же до Эл... Ее так не щадили. Кассий сам подтвердил его догадки. Сколько раз, находясь в руках этого чудовища, она кричала от боли, когда плеть пела свою песню порабощения? Сколько слез, бесценных бриллиантов из недр истерзанной души, покрыли ковром страдания мраморные плиты дворца Кассиопеи? Он чувствовал каждый ее всхлип как свой. Их было непростительно много.

Осознание неправильности своих действий душило Лэндала. Наверняка в сестре своего врага Элика в тот момент узнавала саму себя, пропуская вновь и вновь через до конца не исцелившуюся душу тяжелые, отравленные стрелы воспоминаний. Как он жестоко ошибся в своих поступках! Никакого удовлетворения не было и в помине, хотя, не исключено, что Элика просто не узнала в пленнице сестру Кассия. Но даже если бы узнала, изменило ли бы это что-либо?

Принц в нерешительности замер у покоев сестры. Скорее всего, она просто не захочет с ним говорить после происшедшего. Пожалуй, этот разговор стоит отложить до утра.

Ночь правила свой пир, последние две меры масла перед скорым рассветом. Дворец засыпал. Уснули напуганные происшедшим наложницы, слуги, гости праздника, но к

Лэндалу сон так и не пришел. И он знал причину.

Вовсе не черный эликсир. И даже не съедающее чувство вины перед сестрой. Не азарт скорой войны, величественного шествия легионов, которые новопровозглашенная матриарх поведет в атаку недрогнувшей рукой. Поколебавшись, он направился в нижний ярус дворцового лабиринта. Туда, куда большинству челяди и всем без исключения наложницам вход был воспрещен.

Догадки о том, что же здесь находится, строились самые невероятные. Он знал, что обитательницы гарема боялись этого места, полагая, что там содержатся в темницах преступники и враги Атланты, что их подвергают невероятным пыткам и даже смерти. Он ни в чем их не разубеждал. Зачем? Девушки изнывали от скуки, сплетни и предположения стали неотъемлемой частью их существования. Не стоило их лишать этого.

Подобие темницы, замкнутая камера с решетками и кольцами в стенах, была всего одна, и практически не использовалась по назначению. Провинившиеся одалиски больше солнечного круговорота в ней не проводили, да и редки были случаи их непослушания, за которое можно было сюда угодить. Ряд покоев, располагавшихся по сторонам освещенного факелами коридора, не уступал своей роскошью палатам верхнего яруса

У второй двери принц остановился, на миг испытывав совсем не свойственную ему нерешительность. Но очень быстро совладал с собой. Еще одна грань. Еще один вызов, брошенный ему этими непонятными, запутанными отношениями. Он словно опускался на самое дно, все ниже и ниже в этом... Противостоянии? Жестокости? Господстве? Ни одно из слов не подходило. Оно было неправильным. Как и сама суть происходящего вместе с его такими несовместимыми эмоциями.

Лэндал толкнул дверь. Экзотическая Калиста, бывшая рабыня, привезенная в его цветник три зимы тому из загадочного Заокеанариума, отошла от постели, закрыв на миг сидевшую на ней девушку — но не с целью защиты от него, а лишь для более изящного поклона. Высокая, с белоснежной кожей, длинными черными волосами и необычным, вытянутым к вискам разрезом темных глаз — в свое время она свела его, неопытного еще мальчишку, с ума настолько, что он всерьез подумывал сделать ее своей вольной спутницей. Как знать, что бы из этого вышло, не вмешайся матриарх. Но вмешалась Лаэртия, надо признать, тонко и изящно — всего лишь подписала указ, позволяющий не претендующему на трон наследнику мужского пола иметь собственный гарем. Жажда молодой крови победила ненормальную влюбленность.

Уже став старше, Лэндал понял, что, связав себя отношениями с Калистой, потерял бы свое Я. Неподконтрольная страсть постепенно переросла в долгие беседы, обмен мнениями и советами, — таким образом началась эта непонятная дружба. Экзотическая красавица родилась в семье целителей, и многие знания перешли ей по наследству — она не раз выхаживала принца после тяжелых ранений и подавленного настроения. Дворец по праву мог гордиться самым умелым и одновременно соблазнительным лекарем.

Вирсавия сжалась в комочек, заметив его появление, и забилась в угол кровати, словно маленький, раненый стрелой детеныш пантеры. Было видно, что она плакала еще довольно продолжительное время — глаза покраснели от слез настолько, что серый оттенок летнего неба перед грозой едва угадывался. Быстрым взглядом окинув ее тело — без плотского интереса, в намерении понять, не причинили ли ей случайной боли во время игрового представления, но покрывало из шелка, в которое она закуталась почти по шею, лишило его такой возможности. Лэндал перевел взгляд на Калисту, которая едва заметно махнула

головой, давая понять, что вовсе не боль стала причиной нервного срыва пленницы. Так же невозмутимо, исповедуя и дальше партнерский принцип невмешательства, молодая женщина собрала пучки трав и пузырьки с микстурой, предусмотрительно унося их с собой — в большой дозе отвары были смертельно опасны, оставлять их в руках доведенной до отчаяния девочки было неразумно.

Вирсавия зашевелилась в углу, бросив на целительницу умоляющий взгляд, но та его не заметила. Осторожно закрыла дверь, оставляя их наедине. Хищника и Жертву. Наверняка, она считала именно так... А на самом деле, Лэндал сам себе не мог объяснить этих непонятных отношений.

Испытывая неловкость от незнания, что же именно он должен сделать, принц протянул руку, но юная принцесса недоверчиво увернулась от этого прикосновения. Травы сделали свое дело, она больше не плакала, но это исцеление было временным. Лэндал сел рядом, все же удерживая комфортную прежде всего для себя дистанцию, скосив глаза.

Заплетенные в косы волосы девушки растрепались, несколько прядей выбилось из прически — не вследствие танца плети, скорее от последующей истерики при закрытых дверях. Пальцы, сжимающие одеяло, побелели. Как будто он когда-то хотел его отнять! Каждый раз одна и та же реакция.

— Спасибо, Вирси. Я доволен тобой.

— За что?.. Ты обещал, что никогда... Что никогда не сделаешь мне больно! За что?

Лэндал поймал ее руку. Легкое замешательство и сдавленный всхлип. Она боялась его. С самого начала. Даже с той встречи в пустынном на рассвете храме Эдера, где его люди ловко скрутили принцессу прямо у алтаря даров огня, тогда как вторая группа отвлекла внимание кассиопейской стражи. Боялась столь сильно, что позволила беспрепятственно привезти себя в Атланту на купленной у местного купца за солнечный металл рыбацкой шхуне, которую даже не заметил дозор империи, с детской наивностью полагая, что при хорошем поведении ее не тронут. Женщинам Кассиопеи, будь они даже королевской крови, внушают покорность мужчинам с детства. Потом и не жалуются благородные патрицианки вражеской империи на побои, измены и жестокость своих мужчин, наделяя их власть и тиранию ореолом высокого чувства. Это сыграло только на руку Лэндалу.

Семь круговоротов солнца пути в Атланту были даром богов им обоим, не иначе. Потому как после боя в пустыне, гибели Фабии, признаний Кассия и ледяного панциря мести и непримиримости, сковавшего Элику, Лэндал был сам не свой. Ярость опаляла своим жаром, рисуя в воображении картины одна страшнее другой. И даже они казались мало достойной мстью Кассию. Лишь немного совладав с собой и осознав, что хватит выдержки не задушить собственными руками сестру презренного варвара, позволил себе возвращение во дворец.

Вирсавия, в ожидании своего приговора, едва не сошла с ума. С появлением Лэндала же стала просто бесплотной тенью. Один его взгляд, и девочка падала перед ним на колени, умоляя пощадить. Один его жест, и она выполняла любой приказ. Поначалу принц был настроен решительно. Он не расставался с плетью, посещая комнату пленницы, одного вида которой хватало для получения абсолютной покорности в ответ. Щелчок семихвостки по граниту вообще сводил это хрупкое, нежное создание с ума. Он ни разу ее не ударил. Ни плетью, ни ладонью.

Просто с самого начала, уняв мысли о мести, зашел и понял, что не сможет. Перед ним была не сестра врага, а маленькая, перепуганная и отчаявшаяся девочка. Ничего от властной

ауры Кассия, кроме одинаковых глаз. Даже взгляд был иным.

Лэндал с недоумением вспомнил о своих планах воспитать из принцессы лучшую и самую искусную рабыню страсти всеми возможными методами. Но перед ним был ребенок! Скрепя сердце, Лэндал, мучаясь потом от сожаления и неправильности своих действий, решил начать с малого. Абсолютное послушание. Пожалуй, это будет легко.

День он посвятил тренировке девочки, вырывая из нее стоны и слезы страха и унижения. Покорность превалировала в ее сознании нереально сильно. Даже не пришлось прилагать особых усилий. Ни ненависти, ни дерзости, ни протеста, только просьба не причинять боли. Он и не собирался...

— За что ты так жесток со мной? — не имея ни сил, ни смелости подняться с колен, сдавленно спросила Вирсавия на исходе ночи.

— Благодарю Кассия! — растерявшись от отчаяния и боли в ее голосе, словно обороняясь от непонятного ощущения, похожего на нежность, рывкнул Лэндал. — В его исполнении то, что ты пережила, считалось лаской!

После чего, на непослушных ногах, вылетел из комнаты, оставив плачущую невольницу в недоумении и слезах.

С этого дня сон покинул его. Непримируемый на поле боя, решительный в переговорах, не дрогнувший перед лицом ни единого врага, Лэндал не находил себе места. Стоило закрыть глаза, как он видел большие, чистые от пролитых слез глаза этой девочки. Такие ненавистно-знакомые и такие трогательно-чужие одновременно. Они словно преследовали его. Но принц запретил себе проявления какой-либо слабости. Похищение Вирсавии лишь отчасти преследовало цель отомстить Кассию. Основной же целью было желание рассеять тьму, завладевшую сознанием Эл. Он повторял себе это каждый раз, когда словами заставлял эту девочку, почти дитя, опускаться в унижительную позу покорности, проводить ночь, прикованной за запястье к постели, разучивать танцевальные движения танца плетей, который с самого начала поверг малышку в ужас.

"Все ради тебя, Элика, — успокаивал себя принц Атланты, когда собственная жестокость становилась морально невыносимой для него самого, когда желание обнять и успокоить Вирсавию, пообещать, что унижений больше не будет, становилось нестерпимым. — Душа твоя исцелится равноценным обменом, и ты позабудешь свое пребывание в чертогах этого приспешника Лакедона... Все для тебя, моя любимая сестра, пульсация моей крови, урожденная половинка, благословенная перстами Антала..."

Он остался верен себе. До последнего. За все это время он, помня о своей цели, не принудил кассиопейскую принцессу делить с ним ложе. Для этого не пришлось даже бороться со сжигающим кровь желанием. В его глазах, независимо от его действий, Вирсавия оставалась маленьким испуганным ребенком. Ради финального представления он заставлял ее полностью обнажаться перед ним, старался не замечать, как сильно такие действия ломали хрупкую психику девушки. Искушенный многочисленными, обожающими его наложницами, готовыми на все по щелчку его пальцев, Лэндал не испытывал интереса к занятиям любовью с женщиной, которая его не хочет, а тем более, боится сексуальных отношений больше порки плетью. К тому же, совсем ребенку. Он мог при желании усыпить ее страхи, научить получать удовольствие в своих руках, но, тонко чувствовавший эмоции других людей, прекрасно осознавал, что это в довершение к жестокому шоку плена и унижения окончательно сломает и без того надломленное существо.

"Ради тебя, только ради тебя, Эл, — повторял он себе, с тяжелым сердцем возвращаясь к

Вирсавии и вновь проводя ее по кругам ада. — Скорее бы ты это увидела и успокоила свою душу..."

В один из таких дней пришло письмо от Кассия. Кратко и сухо принц Кассиопеи ответил отказом на пропозицию выкупить из рабства одного из своих лучших воинов, требуя передать эти слова Ксении Несравненной. Дальше были едва уловимые под сухим дипломатическим языком угрозы сравнять с землей Атланту за похищение его сестры, а также, противореча своим прежним словам, принц Кассиопеи словно пытался убедить Лэндала в том, что его вендетта лишена смысла, потому, как он не примет обратно в семью обесчещенную сестру. Это было похоже на правду. Свежо было в памяти повествование леди Электры, ныне испившей хмельной сок винограда из супружеской чаши вместе с Даланом Тракийским. С одной стороны, логично до невозможности, но с другой... Лэндал прекрасно помнил взгляд Кассия, когда так хладнокровно и цинично зачитал ему подробности похищения Вирсавии и свои дальнейшие планы в ее отношении. Принц Кассиопеи был готов почти на все — даже отдать себя взамен сестры, все равно, лишившейся чести или же нет. Чем и выдал себя с головой. Что ж, сделать вид, что повелся на его якобы блеф, было не так уж и сложно. Лэндал с легкой душой, не дрогнувшей рукой расписывал в ответных письмах ужасы, которые якобы терпит Вирсавия, ожидая отчаянного поступка своего врага в ответ. Но тщетно. Чем-чем, а разумом боги не обделили никого из соперников в этом мстительном противостоянии.

Однажды Вирсавия сорвалась на крик. Просто устала плакать в попытке достучаться до сердца своего пленителя.

— Да что мой брат сделал?! Что?! Почему я терплю такие муки?!

— Твой брат... — начал было Лэндал, и слова застряли у него в горле. Грань. Он подошел к ней очень близко. Возможность чувствовать неосязаемые надломы собеседника, пару шагов до пропасти, присутствовала в нем с рождения. Глубоко вдохнув, он отвел взгляд, словно опасаясь, что расстроенный ребенок все прочтет в его глазах. Затем, резко вставая, спокойно процедил: — не твое дело. Если ты здесь, значит, было, почему и за что.

Вирсавия, казалось, покорилась своей судьбе, и это только еще сильнее разрывало сердце Лэндалу. Однажды она проплакала два круговорота солнца, не прикоснувшись даже к еде. Калиста с помощью отваров смогла остановить поток слез, и, поколебавшись, поделилась с принцем своими умозаключениями:

— Травы не помогут надолго. Я не знаю, что у вас происходит... И меня это не касается... Но, наверное, ты идешь не тем путем.

— Что же ты посоветуешь?

— Она ребенок, мой принц. Что поднимает настроение детям?

Бессонная ночь... Много недостижимых решений, вопросов в поисках ответа... "Я не варвар... Я не такой, как они... Что же я делаю? Я считал, что она должна остаться довольна уже тем, что я не овладел ею... Но она просто медленно засыхает... Имею ли я право менять ее судьбу таким образом? "

Решение пришло к принцу с первыми лучами солнца. После утренней тренировки на дворцовой арене он пришел в собственный сад, где жили под присмотром специально обученных экзотические животные со всего мира. Маленький детеныш оциллы выбежал навстречу, забавно перекатываясь с ног на голову, игриво подпрыгивая вверх и довольно мурлыкая. Когда Лэндал поднял его на руки, котенок смешно потерся о его щеки, тыкаясь носиком в губы, словно пытаясь расцеловать. Из всего выводка он единственный не

проявлял агрессии; принц остался доволен такой реакцией питомца.

— Я его забираю!

...Вирсавия вздрогнула от шума открывшейся двери и затравленно уставилась на виновника своего кошмара. Но Лэндал улыбался! Не той, прежней, жестокой, неискренней улыбкой, что ломала ее светлые крылья. Девушка покачала головой, недоверчиво обхватывая себя, словно стремясь защититься от нелогичного прежде дружелюбия.

Принц, наклонившись, аккуратно опустил котенка на пол.

— К тебе гость.

Глаза девушки-ребенка расширились от изумления. Лэндал внимательно наблюдал за ней. Вот страх начал понемногу испаряться легкой дымкой, открывая прозрачность ласкового льда под полуденным солнцем. Вот тонкие, побелевшие губы изогнулись в робкой, нерешительной улыбке, разливая по девичьему личику тень умиления. Маленький котенок смешно склонил головку набок, изучая незнакомку, и уже в следующий миг, замурлыкав, засеменил к ее постели.

Лэндал вздрогнул, услышав по-настоящему искренний смех чужеземной принцессы. Забыв об его присутствии в комнате, девушка подхватила мурлыкающий пушистый комочек на руки и прижала к себе, закрыв глаза от удовольствия. Затем, словно опомнившись, бросила на принца осторожный взгляд.

— Он твой, — ответил Лэндал на невысказанный вопрос.

Вирсавия счастливо засмеялась, и чувство, похожее почти на отеческую нежность, несмотря на столь небольшую разницу в их возрасте, окрепло окончательно.

Один миг... Бессонная ночь, источник окрепшей мудрости. Почти идиллия. Лэндал с удовольствием наблюдал за Вирсавией, играющей с котенком, бросающей на него благодарные взгляды, испытывая непонятное чувство полета от того, что смог вызвать улыбку там, где это, казалось, было невозможно. Так день и пролетел — незаметно, умиротворенно, позволив Вирсавии отдохнуть душой, а Лэндалу — подготовиться к ответственному разговору. Он не хотел ее заставлять и принуждать. Никогда больше. Оставалось надеяться на то, что девочка его услышит и поймет. Если же нет... Ему придется все же ее принудить, пусть потом он и возненавидит себя.

— Вирсавия, нам нужно поговорить.

— Конечно, — со смехом уворачиваясь от язычка запрыгнувшего на ее плечо котенка, согласилась девушка.

— То, что я заставил тебя делать с нашей первой встречи... Ты думала, я хотел тебя принизить и сломать. Отомстить твоему брату ценой твоей боли... Это не так. Мной двигал иной мотив.

Вирсавия осторожно сняла котенка с плеча и стала серьезной. Внимательной. Выслушала, не задавая вопросов.

— То, что будет с тобой дальше, решаю не я. Я готовлю представление для своей сестры. И у тебя в нем ключевая роль. Так вышло.

— Для прекрасной воительницы Элики, будущей королевы вашей империи? — беспечно уточнила Вирсавия.

— Да. Вскоре она прибудет во дворец. Тебе придется тренироваться очень старательно. Хотя, предупреждаю сразу, приятным это не будет.

— Мне сделают больно?

— Нет. Я этого не допущу. Но со стороны должно выглядеть именно так.

— Но чем я провинилась перед твоей сестрой?

Лэндал поколебался. Его приятно удивила покорность и понятливость пленницы, и за это она имела право получить ответы на свои вопросы.

— Мне жаль. Но Элика была жестоко оскорблена твоим братом. Я могу лишь предполагать, что он с ней сделал, когда она оказалась в Кассиопее, оторванная от семьи, в его руках... Но она после этого так и не смогла стать прежней. Тьма отравила ее рассудок, прогнав свет и тепло из ее сердца... Мне хочется верить, что не навсегда. Как и в то, что душа ее исцелится.

— Кассий не мог... — грустно выдохнула кассиопейская принцесса. — Лэндал, ты его не знаешь. Он любит меня не меньше, чем ты свою сестру. Он всегда заботился обо мне. С самого детства. Он замечательный. Никогда не давал меня в обиду. Отверг все предложения брачных союзов с теми, кто были мне не по душе, а ведь ты знаешь, что обычно у нас не спрашивают позволения...

Вирсавию не напугала перспектива публичного унижения. Она молчаливо приняла ее как равноценный обмен на его сегодняшнюю доброту. Больше всего для нее были слова о жестокости ее любимого брата. Лэндал отвел глаза. Имел ли он право разбивать иллюзии девочки жестокой правдой?

— Вирси, мне жаль. Но это единственное средство. Я тоже люблю свою сестру. Пойми, выхода нет. Тебе придется это принять.

— Твоя сестра попросит мою жизнь?

— Нет. Никогда. Обещаю тебе.

— Хорошо, — страх вновь поселился в глазах малышки, но невероятность сказанного поразила ее гораздо больше. — И все же... Я не знаю, какое оскорбление он ей нанес, но он не такой... Никогда таким не был... Но, если он так сильно обидел Элику... Я научусь тому, чего ты просишь. Обещаю. Если в ее душе осталась хоть частичка твоего благородства и твоей доброты, я все сделаю.

— Спасибо, Вирси, — не сдержавшись, Лэндал поцеловал ее в лоб. Практически по-братски. После чего, сославшись на какие-то вымышленные дела, покинул покои своей понимающей пленницы.

... Видит Антал, девочка старалась. Из последних сил. Наверное, стоило ее постепенно приучить к присутствию других людей на тренировках, тогда бы не было столь сильного шока. В том, что боли ей не причинили, он был уверен. Если же случайно плеть задела ее кожу... Обоим мужчинам, участвующим в представлении, не жить. Он прекрасно понимал причину ее срыва — когда на тебя смотрят сотни пар глаз, когда ты захлебываешься в атаке флюидов не только сочувствия и человечности, а еще и ненависти, презрения, ревности, тяги к хлебу и зрелищам, это бьет сильнее плетей. Он все это понял непосредственно на представлении. Понял, но не смог остановить, пока не уловил реакции Элики. Прямо противоположной той, что ожидал.

Наверное, его сестра не признала в Вирсавии любимую сестру своего врага. А если даже и так, чужое унижение, словно огнем прожгло ее насквозь, воскресив прежний кошмар. Вряд ли она ему это простит.

Даже не издевательство. Именно то, что он считал ее тем, кем она не есть. Бездушным монстром. Зеркальным отражением этого варвара. Эгоистичной любительницей крови, обезумевшей до самого предела. Неужели он и вправду на какой-то миг в это поверил?

Крикс, маленький детеныш оциллы, поднял на него свои глазки и с шипением

отпрыгнул в сторону. Надо же, лучше людей понял, что к чему. Его шерсть стала дыбом, словно он пытался защитить Вирсавию от него, главного обидчика.

Невзирая на агрессию котенка, Лэндал взял его обеими руками, не обращая внимания на боль в расцарапанных тотчас же предплечьях. Осторожно подошел к постели.

— Прости меня, — он избегал ее взгляда. — Это было первый и последний раз. Даже моя сестра не хочет твоей боли... Главное чудовище, это я.

— Не говори так... — покрасневшие глаза, несмотря на страдание, мигнули пониманием. — Ты любишь свою сестру. Так же, как и Кассий меня. И он бы сделал то же самое с каждым, кто бы меня обидел... Но, боюсь, все было бы по-настоящему.

Глаза Лэндала расширились от изумления. Горло сдавило непонятным спазмом. Девочка прощала его. Прощала все издевательства, через которые он заставил ее пройти. Не заикливалась на своей боли, а пыталась его понять, детской, не отравленной вселенским злом душой, просто и искренне.

— Прекрасная Элика... Она осталась довольна?

— Нет, — зажмурившись, чтобы сдержать слезы, ответил Лэндал. — Нет... Она теперь ненавидит меня. За то, что я с тобой делал. Вирси, все было зря. Ты зря страдала. Зря терпела это унижение. Убивая тебя, я потерял сестру. Это... Это очень больно.

— Не потерял... — тонкая девичья ладонь накрыла его руку. Принц вздрогнул. — Поверь, она придет в себя. Очень скоро. Она тоже тебя любит. И любит очень сильно.

Что есть мудрость, доброта и прощение? Сама жизнь и тепло? Сам свет солнца? Казалось, он теперь знал ответ.

— Она придет поговорить с тобой...

— И я расскажу, как ты был добр ко мне. Что танец плети был имитацией. Она же увидит, что на моей коже ни следа...

Лэндал, справившись со слезами, обнял все еще напуганную малышку. Они помогали друг другу. Неосознанно, но... Он своей человечностью не дал ей упасть на дно. Она же своим прощением подняла его со дна.

Одно он знал точно. Будь в мире больше таких добрых, понимающих, и искренних людей, жизнь была бы гораздо лучше. И ради такого тепла и понимания стоило жить и верить...

Элика в панике открыла глаза, вглядываясь в мрак царских покоев. Всего лишь сон. Один из многих, посетивших ее за долгое время отдыха перед решающей битвой. Сначала — с предвзятостью собственного народа. Затем — Кассиопеей. Дело недолгого времени, и жестокий поступок их безжалостного правителя будет смыт кровью.

Подобные сны приходили к ней часто. Самые разные сюжеты, но неизменно с одним и тем же героем. Объединяло их еще то обстоятельство, что в этих ночных видениях она проигрывала любой бой.

Сколько между ними не происходило хорошего в свое время, как бы не извивалась от желания в его руках гордая принцесса, подсознание забыло об этом напрочь. Во снах она практически не вставала с колен, испытывая страх и боль, чувство неумолимой ненависти и мести. И знала, не сомневаясь ни секунды, что сны есть отражением помыслов и стремлений самого заклятого врага в ее отношении.

Но в этот раз было еще кое-что, неумолимо ускользающее от ее внимания. Что-то важное, совсем легкие отголоски сна, но что именно?

Всему виной был ее ожесточившийся братец. Жестокое представление в пиршественном зале, полном невольниц и слуг, лишило ее самообладания. Элика чувствовала себя оскорбленной и намеренно задетой тем, что происходило на сцене.

Они чувствовали друг друга даже на больших расстояниях. С самого детства. Печать Антала, которой с рождения были одарены все близнецы. Почему же сейчас их связь дала такой резкий сбой? На что рассчитывал Лэндал, устроив это представление? Элике не хотелось думать, что брат так остро ощущал тогда все ее чувства, всю ту гамму эмоций, которые она бы хотела скрыть — беспомощность, унижение, страх и безысходность. Возможно, было бы проще простить ему такую выходку.

Какую цель он преследовал? Показать, что не одной ей доводилось терпеть такой кошмар? Но это было очевидно. Только к чему воскресать ее кошмары? Поднять дух крови? А с ним и так не было проблем, да и, кроме этого, на войне как раз необходима мудрость и стратегическое планирование. А вот в этом ярость — плохой советчик. Обычно победитель вовсе не тот, кто одержим жаждой мести и разрушения настолько, что это застит ему глаза и разум. Нет. Такие погибают первыми. В первых рядах. Большинство наемников из северных земель, особенно те, кто моложе, безжалостные берсерки холодных снегов и льдистых гор, во все времена, всеми правителями были использованы для первичных контрнаступлений лишь благодаря своей несдерживаемой ярости и беспощадности. Погибали первыми, успев уложить первый арьергард противника, предоставляя доступ к воинам арбалета или копья. Делая упор на подобную расстановку сил, Латима Беспощадная никогда не ошибалась.

Значит, цель брата была не в том, чтобы укрепить ее жажду мести. Матриарх всегда сдержана и степенна. Нет места истерикам, преобладанию эмоций над разумом и беспечной — или же, наоборот, неразумной импульсивности. Она знала об этом с детства. Сколь бы много боли не причиняла ей жизнь, никто не должен этого видеть. Ее цель — донести до своего народа не ненависть и жажду смерти конкретного человека, а совсем иную мотивацию: возможность поставить на колени негласно восставшую империю с варварскими устоями, пополнение казны и улучшения экономической ситуации, безопасность каждой свободной женщины империи, расширение земель и укрепление

абсолютного господства Атланты. Только тогда ее правление будет обречено на успех.

Брат не мог этого не знать. Что же тогда?

Элика так и не нашла ответа. Поворочавшись в постели, вскоре забылась очередным беспокойным сном.

...Темный мрак большой залы. Осторожные шаги пугливо глушит тишина. Эта тьма — не просто так. Она добралась до нее. Подошла вплотную, и спасение возможно лишь тогда, когда ее озарит яркое пламя. Но факелы практически не дают света. Так мало огня!

Темная фигура отделяется от высокой колонны. От той самой, за которой состоялся ее последний разговор с Кассием. На фигуре темное покрывало, и, судя по очертаниям, она принадлежит женщине или же ребенку. Наверное, надо бежать, пока дворцовые ворота Кассиопеи не лишили этой возможности, но Элика не может сдвинуться с места.

Женская фигура замирает напротив. С тихим шелестом падает на мраморные плиты зала невесомое шелковое покрывало. Тьма расступается. Девушка перед ней окружена мерцающим ореолом теплого света, в котором хочется согреться и не покидать его как можно дольше. Даже светлые волосы, кажется, светятся этим призрачным заревом.

"Ты попросишь мою жизнь?" — дрожащим от волнения голосом спрашивает притягательное видение. Изумление Элики достигает предела.

"Нет, почему я должна это делать?"

"Потому, что он обидел тебя."

"И он ответит за это по всей строгости. За каждый стон моей боли. За каждую упавшую слезу, мою и моих близких. Это страшный человек. Таким, как он, не место на земле."

"Прошу, не говори так. Ты совсем его не знаешь. В его сердце есть любовь. Теперь все иначе."

"Кто ты такая, и как смеешь защищать этого варвара?"

Девушка делает робкий, осторожный шаг вперед. И комната словно уплывает, опаяя взглядом Кассия. Того самого, который так часто ей приходилось видеть в последнее время — лишенного льда презрения и снисходительности. Теплого. Иного. Наверное, таким этот взгляд был в детстве... У девушки даже изгиб губ и скул похож на тот, что был у принца Кассиопеи.

"Кто ты?!" — повышает голос Элика с чувством пугающей неизбежности. Сзади раздаются осторожные шаги. Фигура девушки, улыбнувшись, стремительно тает. Миг — и нет ничего. Резкий поворот...

Горло сжимает стальной хваткой. Почему она не может сбежать?! Она заледенеет в этом сосредоточении холода такого знакомого взгляда. Крик не может прорваться на свободу, связки застывают осколками льда.

"Чего ты так испугалась? Тебе же сказали — я не мог. Это игры твоего воображения. Просто прими мою власть, и ее слова станут правдой..."

Из последних сил, удастся развернуться и сделать несколько шагов. Чистое, светлое видение с глазами Кассия пытается поднять с пола меч. Не выходит. Забыв про своего врага за спиной, Элика подходит ближе. Девушка поднимает знакомые глаза. В них очаровательное смущение.

"Ты так красиво с ним обращаешься! Как бы я хотела научиться!"

"Обеими ручками для начала, — подбадривает ее Элика. — Я научу тебя, обещаю"...

Она в своей стихии. Рядом с этим добрым видением, похожим на юных разумных приспешниц Антала, опасность столкновения с Кассием словно уходит. Тепло и спокойно...

...Элика потянулась и открыла глаза. Солнце ласкало ее кожу, беззастенчиво пробравшись сквозь огромную лоджию. Невероятно, но ей удалось выспаться. Интересный сон. Совсем не такой, как прежде... Что же он означает?!

Шиа принесла легкий завтрак. Элика с аппетитом поела, но мысли были далеко.

— Твой брат справлялся о тебе, госпожа, — поведала служанка.

"Не хочу его видеть", — решила Элика. Вчерашний фарс стоил ей обрывочных и недосказанных снов. Смятения чувств. Довольно.

Она облачилась в прекрасное платье из лассирийского шелка цвета морской волны, подчеркивающее ее глаза, открывающее спину и длинные ноги, в ушах серьги с вкраплениями слез пустыни и изумрудов. Вживаться в роль матриарх было наслаждением. Вышла на широкую лоджию, встречая новый день.

Вчерашние события не отпускали. Что-то важное все так же ускользало. Но что именно?

"Ну же, Эл, посмотри внимательнее! Неужели ты не понимаешь, кто она?!"

"Прекратите этот фарс, девочке нужен лекарь! Уведите ее немедленно и не смейте больше бить! И снимите, наконец, с нее цепи!"

"Сестра, позволь объяснить. Это же..."

Элика сжала перила. Так сильно, что костяшки пальцев побелели. Не может быть... Неужели именно это Лэн хотел ей продемонстрировать?

— Где мой брат?!

— Сказал, что будет в саду, принцесса.

Резко развернувшись, Элика опрометью бросилась в сад. Принц Атланты расположился под сенью столетних кипарисов, просматривая свитки пергамента и неспешно смакуя темный эликсир. Сжав губы, чтобы не сорваться, Элика приблизилась к нему, уперлась руками в столешницу стола с разложенными картами и письмами, перекрывая солнечный свет.

— Эл? — напрягся Лэндал.

Принцесса прищурила глаза.

— Как зовут сестру Кассия?

— Так ты узнала... — Лэндал провел рукой по лбу, ощутив волнение. — Теперь ты меня понимаешь?

— О твоём поступке поговорим после. Так как ее зовут?

— Вирсавия.

— Отлично, проводи меня к ней.

— Эл, она еще очень слаба и напугана... Может, не стоит?

— О, какой ты стал заботливый, что ж вчера таким себя не показал? — едко заметила девушка. — Что там такого ужасного, что я не должна увидеть? Убил и съел?

— Не говори так.

...В комнате, несмотря на то, что она находилась на нижнем уровне, было светло. Элика уверенно вошла и замерла на пороге. Маленький комочек шерсти, сверкая глазами, игриво кинулся ей навстречу, ощутимо прикусив обнаженную голень. Принцесса отшатнулась и тут же, не сдержавшись, рассмеялась.

Белокурая девушка застыла на месте, с изумлением оглядывая Элику — прекрасное, но неоднозначное видение, ведь, по словам Лэндала, именно ради этой принцессы, прекрасной воительницы и будущей королевы Атланты, ей пришлось вынести ужас похищения и

вчерашнего выступления перед публикой. Но сейчас она смотрела на эту смуглую, идеально сложенную, смеющуюся красавицу, и ей казалось, что подобная красота могла быть лишь у богинь и воительниц Лаки, но никак не у земной женщины. Схожесть с Лэндалом вызвала почти головокружение.

Элика, незаметно смахнув выступившие от смеха слезы, тепло улыбнулась юной блондинке из своего недавнего сна.

— Как его зовут?

Девушка залилась нежным румянцем, все еще недоверчиво глядя на гостью.

— Крикс, леди.

— Иди сюда, Крикс! — Элика подхватила котенка на руки, со смехом уворачиваясь от его языка. Эта недолгая заминка позволила ей совладать со эмоциями и незаметно осмотреть сестру своего заклятого врага.

У девушки были его глаза и скулы. Сами глаза — но не их выражение. В серых озерах малышки хотелось утонуть и забыться, в них не было ни крупиночки льда. Непонятная грусть овладела Эликой. Такие разные. Кассий — сама Тьма, Вирсавия — свет в ночи. Это было нечестно. Неправильно. Грязные методы, свойственные кассиопейцам, но уж никак не атлантам. И, вопреки всему, она понимала брата. Теперь понимала. Ведь за нее, единоутробную сестру и будущую правительницу, тот был готов отдать жизнь, если того потребуют обстоятельства.

Она не испытала ни враждебности, ни предвзятости. Словно зачарованная, повинувшись своим инстинктам, опустила котенка на пол, посмеиваясь от его озорных прыжков на свои обнаженные ноги. Вирсавия была напряжена и напугана, и Элика тепло ей улыбнулась.

— Ты знаешь, кто я?

Юная принцесса кивнула и отступила на шаг.

— Не бойся, — ласково сказала Элика. — Он сюда не зайдет...

Сожаление? Или ей это просто показалось?

— Как давно ты здесь? Надеюсь, он не успел причинить тебе боль?

Нежное личико Вирсавии начало заливаться более сильным румянцем.

— Н-нет, леди. Он очень добр. Он... Похож на моего брата.

Вся выдержка потребовалась Элике в тот момент, чтобы остаться невозмутимой. Получилось. Она присела на кровать, жестом пригласив принцессу сесть рядом, и снова улыбнулась.

— Твой брат? Расскажи мне о нем. Чем он так схож с моим? Точно не внешностью.

Вирсавия недоверчиво взглядела в лицо Элики. Присутствие прекрасной и безжалостной воительницы Атланты пугало и успокаивало одновременно. Лэндал говорил, что Кассий обидел его сестру, и все ее унижения были лишь ради мести. Но Элика вовсе не казалась униженной или оскорбленной им. Вирсавия невольно восхитилась такой силой духа.

— Он силен и благороден. С ранних зим я не знала ни в чем отказа именно благодаря его постоянному присутствию рядом. Наш отец любил меня, но недостаточно, я слышала пересуды за спиной — он всегда желал, чтобы мать привела в свет второго наследника. Даже невзирая на то, что, родись в семье двое мальчиков, в далеком будущем было бы невозможно избежать кровопролития при борьбе за трон. Мне было тяжело от папиного безучастия... Если он и разговаривал со мной, то с самого детства внушал, что, как только мне минует четырнадцать зим, отдаст меня в жены самому выгодному из политических

союзников. Я всегда этого опасалась... Мать говорила, что это наш женский удел, волей Эдера миром правят мужчины, и им не нужно наше согласие...

Элика внимательно слушала, и Вирсавия доверчиво подвинулась ближе, попадая под необъяснимое обаяние принцессы воинственной империи, которая, проявив участие и доброту, окончательно расположила к себе. Юной кассиопейке очень хотелось поделиться всем наболевшим — она наивно полагала, что, Расскажи она об истинных чувствах своего брата, тот будет неминуемо прощен.

— Когда я стала чуть старше и осознала, что это значит... Я не находила себе места. Долго плакала. В брачном союзе меня бы ожидали лишь мучение и унижение.

— Но что заставило тебя так думать? — вкрадчиво уточнила Элика. — Ведь, говорят, Актий и Астарта очень сильно любили друг друга, разве не желала ты для себя такого высокого и светлого чувства?

Юная принцесса, вздрогнув, как будто что-то вспомнила, густо покраснела. Когда же вновь заговорила, ее голос дрожал, но она перевела нить разговора, оставив вопрос без ответа, что не ускользнуло от внимания Элики.

— А потом с долгого похода вернулся мой брат... Он был очень обеспокоен тем, что я все время плачу и не принимаю участия в играх...а ведь он вырос, но всегда словно возвращался в детство, когда мы были наедине. И однажды я ему рассказала... Тогда он мне пообещал, что сию же минуту переговорит с отцом, что не допустит, чтобы я страдала. Сказал, что мои сыновья придут в свет от любимого и любящего супруга, которого я смогу выбрать сама... Состоялся ли этот разговор, я не могу знать. Мой отец вернулся из очередного похода в непокорную Лассирию тяжело раненым, и вскоре отбыл в чертог Эдера.

Для многих иноземцев его смерть стала прекрасным поводом попытаться узаконить со мной брак... Мать была напугана и растеряна, она едва не продала меня Алариксу Фланигусу в жены, но Кассий решительно воспротивился. Я впервые ощутила себя в безопасности. Моего брата боялись все, но я с ним была под надежной защитой... Он словно оберегал меня своей любовью.

"Знакомо", — подумала Элика. А вслух спросила:

— Ты говоришь, его боялись... Но почему?

Вирсавия вздрогнула и прикусила язык. И Элика безжалостно пошла в контраступление.

— Как будущего правителя? Но их обычно уважают, страх — плохой фундамент для последующей верности и любви. Были ли среди ваших подданных те, кто любил его просто и искренне, без страха смерти или боли?

— Лентул... — вспыхнув, вспомнила Вирсавия. — Он воин знатного рода, но они подружились не сразу. Домиций никогда не одобрял его образа жизни, хотя и не показывал этого... Но я видела...

— Образа жизни? — продолжала наступать Элика, пользуясь смущением собеседницы. — Но как можно не одобрять образ жизни будущего правителя, который действует во благо своего народа и никогда не обидит своих подданных, и даже прочих, более слабых, таких, как... Женщины и рабы, к примеру?

Вирсавия умоляюще посмотрела на Элику, но та не собиралась ее щадить. Она была намерена вытянуть из юной девочки ту информацию, которую та прежде старалась не замечать, чтобы целостный образ брата как доброго спасителя не раскололся на сотни осколков. Сейчас эта брешь дала трещину. Как бы атланской принцессе не было жаль свою

собеседницу, она не собиралась останавливаться. Зная точно, что потом сможет с легкостью отлечь ее и успокоить, продолжала тянуть крепко намотанные нити из неокрепших глубин пошатнувшегося сознания.

— Он лучший, — словно убеждая саму себя, повторяла Вирсавия. — Это правда, леди. Я очень его люблю. Он бы никогда не причинил никому зла... Я не видела...сама...а разговоры... — вздрогнув, девушка поспешно отвела взгляд.

— Я не сомневаюсь, что он всегда любил тебя, — склонила голову на бок Эл. — И всегда был добр к тебе. И к вашей матери, наверное, тоже? К членам семьи королевских кровей... Но как он вел себя с теми, кто не относился к этому кругу?..

Удар достиг цели. Губы Вирсавии задрожали, и она с мольбой уставилась на Элику. Но принцесса властно сощурила глаза, не отпуская свою жертву и одновременно заверяя этим взглядом, что откровенность будет вознаграждена.

— Девочки говорили, что в случившемся есть лишь их вина... — всхлипывая, решила Вирсавия. — Но я все равно их жалела... Позволяла оставаться на ночь в моих покоях... Но они... Они сказали, что сами спровоцировали его на... На жестокое обращение... Одна пролила вино, другая дерзко ответила...

— Серьезный проступок, — обманчиво согласилась Элика. — Что он с ними сделал?

— Я видела шрамы... Они никогда не жаловались и всегда их скрывали... Он самолично их наказывал, но мне всегда казалось, что не порка их пугала до такой степени...

— Самолично? С каких пор особы королевской крови берут на себя функции надсмотрщиков за рабами? — весело проронила Элика, уже в следующий миг становясь серьезной. — Дай мне свою руку, пожалуйста. Не бойся.

Теплая ладонь юной принцессы, удерживаемая в тисках ладонью Элики, переместилась к декольте прекрасного зелено-лазурного платья.

— Чувствуешь? — нейтрально осведомилась Элика, когда чужие пальчики накрыли невидимый глазу, но ощутимый кожей шрам в ложбинке между грудями. — Такие отметины были на твоих девочках?

Вирсавия отдернула руку, словно ошпарившись. Ее серые глаза округлились от недоверия и ужаса. Образ совершенства самого близкого ей человека трескался по швам, еще немного, и посыпятся осколки.

— Это плеть, — ускорила разрушение атланка.

— Но... Они рабыни... — уже не сдерживая слез, цеплялась за остатки логического оправдания Элика.

— Они — да. А я принцесса. Так же, как и ты. И ты знаешь, как и я, что такое поцелуй плети.

— Нет...

— Что "нет"?

— Я... Я не знаю, леди... Он... Твой брат... Ни разу меня не ударил.

Элика на секунду опешила, но все же очень быстро совладала с собой. Неужели девочка от ее ласкового давления тронулась рассудком? Не похоже. Неужели Лэндал все это срежиссировал?!

Точно. Ну как она могла этого не разглядеть? Лэн, манипулятор! Ее брат, который не обидел ни единой девчонки за все время. А она считала его подобием Кассия в тот вечер... Надо будет извиниться. Хотя она, как матриарх, и не обязана, но это будет грызть ее долго. Чувство вины, которое не выбьют даже поцелуи кнута от Дарка. Ближе семьи у нее не было

никого. И не будет.

— Лэндал не смог бы. Уважение к женщине он впитал с молоком нашей матери, высокочтимой матриарх. Но твой брат не был столь добр ко мне.

— Прошу... — задрожала Вирсавия, не желая этого слышать.

— Ну что ты, ты не виновата, — утешила ее Элика. — Хочешь знать, как искусно он умеет бить? Я тебе расскажу. Самые болезненные удары никогда не оставляют уродливых шрамов. Двойная выгода. Мужчины при всей жестокости жаждут обладать именно красотой, гладкая кожа — одна из многочисленных составляющих этого желания... Боль ломает и подчиняет. Поверь, я рада, что ты этого не познала. Я была готова выдержать все. Даже изнасилование. Только бы не испытывать ее снова. Мне жаль, что тебя также первым взял силой не твой избранник...

— Он... Он не касался меня! — разрыдалась Вирсавия. — Никогда... Он сохранил мою честь...

Лэндал... Любимый брат, благородный и справедливый, не лишенный доброты, человечности и понятия чести. Элика сглотнула, опасаясь сорваться.

— Кассий не был столь толерантен. Мне жаль.

— Но как? — девочку сотрясало от плача. — Ты же не являлась его супругой... Он бы никогда такого не сделал!

Элика в очередной раз удивилась наивности этой женщины — ребенка. Ее жестокого брата не остановил даже ее королевский титул и перспектива надвигающейся войны. Но прервать разговор на этом этапе было бы неправильно.

— В отличие от вас, женщинам нашей империи разрешены отношения с мужчинами до создания вольных союзов. Если тебе так будет легче, я скажу, что он об этом знал...но я совру. Ему было все равно. Тебе посчастливилось не знать насильственной страсти мужчины, и мне не понятно, почему ты сейчас плачешь. Я тоже очень люблю своего брата. Но он никогда не был лицемерен. Поступи он с тобой так же, как Кассий со мной — я бы до окончания своих зим ему бы этого не простила...

Вирсавия, зарывав еще сильнее, внезапно вскочила и просто рухнула у ног Элики, обнимая ее колени. Принцесса опешила.

— Прости меня! Прости! За все, что он с тобой сделал... Заставь меня познать то же самое, но прошу, даруй нам свое прощение!

— Встань немедленно! — взяв себя в руки, повысила голос Элика. — Ты принцесса крови! Не смей ползать в ногах, как низкородная рабыня! — сжав плечи девочки, Эл насильно усадила ее на кровать. Катись все к Лакедону. Что теперь с этим делать? — В том, что творил твой братец, нет ни одной твоей вины. Знай я, что Лэндал в отместку организовал твое похищение, клянусь, я бы ему помешала. Прекрати рыдать, для тебя ничего ужасного не случилось!

Юная принцесса не вняла ее словам. Обернувшись, Элика заметила притихшего Крикса. Взяв его на руки, осторожно приблизилась. Котенок, забавно замурлыкав, забрался на спину своей хозяйки и, высунув язычок, принялся усердно слизывать ее слезы. Вирсавия замерла, глядя на него, и постепенно ее рыдания стали затихать.

— Мне жаль, — повторила Элика, убедившись, что девочка слышит ее. — Я видела письма твоего брата. Он отказался выкупить тебя, потому как твоя честь пострадала в его глазах. Я знаю ваши законы.

Ничего такого она не видела. Но следовало закрепить результат этого тяжелого

разговора. Пусть даже обманом.

— Прости... — повторила Вирсавия, и слезы полились из ее глубоких серых глаз с удвоенной силой.

— Почему ты плачешь? Из-за своего брата?

— Нет... — сипло ответила кассиопейская принцесса. — Из-за того, что он сделал с тобой. Твоя боль, она не ушла...

От этих искренних, а от того больше пугающих слов у Эл защипало в горле. Она ничего не ответила. Просто молча сидела рядом, ожидая, пока собеседница успокоится. Наконец Вирсавия осторожно подняла голову.

— Скажи... Ты отпустишь меня домой?

Элика с сожалением развела руками.

— Боюсь, это невозможно. Смотри сама. В глазах семьи ты — порченный товар. Твоя жизнь превратится в ад. О браке с особами королевской крови можешь забыть.

— Но ведь я сохранила свою невинность! Дворцовый лекарь подтвердит это при осмотре!

— Девочка моя... Существует много способов соития, о которых я бы не хотела тебе рассказывать. Для этого совсем не обязательно срывать кровавый цветок твоей девственности. Ты была во власти мужчины. Этого достаточно. Ты знаешь, что я права.

Вирсавия шмыгнула носиком и потерянно замерла, принимая разумность доводов.

— К тому же, вскоре в Кассиопее начнется война. Ты окажешься под ударом. Мне бы этого не хотелось... Ты не знаешь, чем обычно заканчиваются осады городов для юных дев. Это хуже смерти. И, боюсь, брат не сможет тебя спасти. Ему придется защищать город, а потом уже все остальное.

— Война? — встрепелась Вирсавия. — Но кто рискнул бросить вызов Кассиопее?

— Никто бы не стал так рисковать, поднявшись против сильной империи, кроме тех, кто сильнее во стократ, — туманно ответила Элика.

— Ты?!..

Казалось, поразить сильнее уже невозможно — а нет, удалось. Элика вместо ответа одарила девушку взглядом, говорящим все без слов.

Долгое время, почти четверть меры масла, они молчали. Две принцессы крови с такими похожими и одновременно разными судьбами. Каждая думала о своем. Элика — с ясным разумом и чистой душой о скором военном наступлении, предшествующих ему переговорах с собственным народом, Вирсавия же... Много мыслей терзали рассудок юной девушки. Наконец, она нарушила молчание.

— Ты убьешь его?

— Это цель каждой из войн. Уничтожение противника.

— Я не хочу этого... Он монстр... после того, что сделал с тобой... Но пойми, я не могу разлюбить его, как брата. Прошу, не отнимай его жизнь!

— Ты не знаешь, о чем просишь, — грустно сказала Элика. — Но ты умна, и прекрасно понимаешь, что оставить его живым и свободным я не могу. Но какой же участи ты желаешь своему брату? Рабские цепи у подножия Атланты? Это то, о чем я говорила. Хуже, чем смерть. Я никогда не смогу его простить, моя ненависть напьется лишь кровью. Но врага можно уважать. И поверь, он погибнет с честью. Это лучшая участь. Надеюсь, у него хватит сил проявить подобное благородство.

Вирсавия крепче прижала к себе котенка. Элике и самой этот разговор дался не так

легко, как казалось вначале...

— Я знаю, что симпатии твои не на моей стороне в этой войне, и невозможно ожидать подобного, — просто сказала она. — И не терзай себя раньше времени. Пути Антала нам не дано познать. Погибнет лишь один из нас. И, возможно, это будет вовсе не Кассий. К тому же, война еще не началась.

— Возможно, вы сумеете договориться, а колесо времени сотрет твою обиду? — робко предположила Вирсавия, вновь изумляя Элику своей наивностью. Но принцесса не стала рушить детские иллюзии. Лишь тепло улыбнулась.

— А знаешь, вполне вероятный исход...

Это лживое, но так похожее на правду обещание осушило слезы Вирсавии. Она даже робко озвучила просьбу.

— Леди, принц уже много солнечных круговоротов не позволяет мне покидать покои... Я не помню, когда в последний раз видела свет солнца. Я так и проведу свои дни в заточении?

— Нет, — заверила Элика. — Я сегодня же попрошу его предоставить тебе гостевые покои верхнего яруса. И возможность спокойно передвигаться по территории дворца. Еще есть какие-либо просьбы?

Помявшись, Вирсавия смущенно поинтересовалась:

— Говорят, вы рождаетесь с мечами в изголовье колыбели, и с молодых зим умеете ими управлять не хуже прославленных воинов — мужчин... Мне это кажется невероятным. Я никогда не видела женщину-воительницу!

— Я тебе покажу, — усмехнулась Эл, заметив, как при этом засверкали глаза девочки. — Даже сегодня, за две меры масла до заката.

Покидая покои-тюрьму сестры своего заклятого врага, принцесса испытала легкий азарт. Что ж. То, что она задумала, может быть даже забавным.

Вирсавию переселили в роскошные гостевые покои. Эл распорядилась пригласить портных, чтобы те сшили девочке одежду, соответствующую ее царскому положению, вместо развратных шелков, привилегии наложниц. Между тем, наступило время тренировки. Оливия уже откровенно скучала — ее ученица в максимуме овладела искусством использования любого оружия. Элика даже не удивилась, когда заметила подле Лэндала изумленную Вирсавию, с восторгом ловящую каждое ее движение. Девчонку восхищали орудия убийства!

— Подойди, — пригласила Эл, снимая с плеча арбалет. Иноземная принцесса приблизилась, пряча глаза от смущения и одновременно восхищенно разглядывая корсет и юбку из черной кожи, наряд атланских воительниц. Затем перевела взгляд на арбалет и от волнения облизнула тонкие губы.

Элика, отметив реакцию, с улыбкой выпустила стрелы в далекую мишень. Три стрелы поразили цель.

— Хочешь попробовать? — лукаво осведомилась у принцессы. Та закивала, не скрывая своей радости.

— На правое предплечье, параллельно земле, — подсказала Эл. — Удерживай напряжением грудных мышц!

С первой попытки ничего не вышло. Вирсавия роняла непривычно тяжелый для себя агрегат, гнулась в стороны, увлекаемая его весом. Затем, наконец, сумела его удержать. Закат уже окрасил облака в розовый цвет, когда, утомленная, Вирсавия смогла выпустить

свою первую стрелу. Мимо цели, в сторону, но все же...

Элика обернулась, заметив Дарка. Воин-наставник не сводил с нее глаз, поигрывая кнутом. Элика осторожно опустила руку Вирси с занесенной стрелой, купаясь в обожающем и предвещающем взгляде мужчины, чувствуя ток крови от возбуждения и азарта.

— Можно мне еще хоть раз?! Пожалуйста! — сложила ручки в умоляющем жесте принцесса.

— Оливия, — кивнула Элика наставнице. — Займись.

Девушка вскочила со скамьи, довольная тем, что появилась возможность проявить свои навыки тренера снова. Украдкой велел воинам стражи следить за Вирсавией — после разговора по душам сложно было предвидеть ее реакцию и быть уверенной, что она не попытается пустить стрелу кому-то в лоб, — Элика подошла к Дарку и кивнула головой, показывая свою готовность. С самого начала искусство владения кнутом приносило ей ни с чем несравнимое удовольствие.

... - Зачем ты позволила ей взять оружие? — недоумевал Лэндал утром следующего дня.

— Мой братишка испугался? — парировала Элика. — Не бойся, пройдет год, прежде чем она сможет стать опасна как воительница.

— Но зачем? Все равно не пойму.

— Считаю меня противницей патриархальных взглядов аж до такой степени, — Элика отложила свитки пергамента, письма принца Кассиопеи, и задумчиво сложила ладони, едва касаясь пальцами подбородка. — Умен, как бы мне не хотелось это осознавать. Решил спасти жизнь этой девочки, оставив ее у нас. Двойное чувство. Вроде как он уважает наше понятие чести, и одновременно снова насмехается над ним. Но и выдает себя с головой. То утверждает, что ему наплевать на сестру, то угрожает всеми возможными карами, если хоть волос упадет с ее головы. Тепло — холодно. Так знакомо. В этом он весь.

— И тебя это восхищает, — поддел Лэндал.

— Даже врагом можно восхищаться, — ответила принцесса. — Но это не мешает мне вырезать его сердце на поле боя.

— Я молю Антала о скором наступлении этого торжественного мгновения, — заверил Лэндал. — Как жаль, что завтра ты возвращаешься в столицу. Но ведь коронация не ждет.

— Увы. Я еще должна выступить перед народом каждого из округов и заручиться абсолютной поддержкой. Никто не должен сомневаться в своей матриарх!

— Ты будешь достойной королевой!

— Спасибо, брат. Как и ты, достойным принцем империи. Прости, что осмелилась сомневаться в тебе. Я была изумлена, когда эта девочка мне открылась. Как у такого бессердечного чудовища могла оказаться такая доблестная сестра? Вы стоите друг друга. Только вот я не могу представить ее наложницей твоего гарема среди этих ревнивых и недалеких одалисок.

— Эл, я тоже не смог, — Лэндал налил в кубок эликсира темных кофейных зерен и протянул сестре. — Понимаешь, у меня к ней появились чувства, но... Такие же, как и к тебе. Нет ни капли плотского желания. И то, что она ребенок, особой роли в этом не играет... Впервые такое.

— Ее хранят кассиопейские боги, — ответила Элика. — Воспылай ты к ней страстью, последствия были бы катастрофическими. Проследи, чтобы ее никто не обидел. Уж постарайся.

— Как скажешь, моя королева, — игриво подмигнул Лэндал.

Возвращение домой. И вместе с тем — шаг за грань, разделяющую жизнь на "до" и "после". Элика понимала это очень хорошо. Но перемены не пугали ее; наоборот, молодая кровь кипела, ведомая жаждой действия. Путь единения прошлого и будущего был предписан богами, подтверждение чему она когда-то получила в своем затяжном сне.

Отдых пошел на пользу. Унял неподвластное чувство мести до такой степени, что оно застыло льдом, медленно, но верно прокладывая свой взвешенный путь к уничтожению врага, в отличие от прежнего стремления кинуться в омут с горячей головой, не просчитав варианты наперед. Заменял ненависть расчетливостью и разумностью, извлек из недр памяти слабые стороны врага, услужливо предлагая ударить по ним в первую очередь. Разложил по полочкам порядок действий и план бархатного подчинения собственного народа, оформив в торжественную речь, которую Элика собиралась сразу по приезду утвердить с матерью и советником Антонием.

И все же, народ Атланты любил ее по-прежнему. При въезде в деревни и общины будущую матриарх встречали овациями и щедрыми дарами, радовали искренним гостеприимством и желанием помочь в любых начинаниях. Элика держалась мудро и непринужденно, с неизменной улыбкой на пухлых устах, предусмотрительно удовлетворяя просьбы подданных и выслушивая их пожелания. Предкоронационная кампания уже вступила в силу и набирала обороты.

Удалось переговорить и понять мотивы также тех, чьей поддержки она лишилась по вине своей неволи в Кассиопее. Единственное, что заставило их усомниться в будущей матриарх, было связано с отсутствием мести врагу, подвергшего ее столь глубокому унижению. Вовсе не факт насилия и того, что она выжила, не провоцируя недруга принести ей смерть, как она полагала вначале.

— Моя месть еще не начиналась, — просто ответила она. — Царям не мстят, как обычным людям. Нет... Масштабы воздаяния по заслугам будут иными. Мы возьмем не только его жизнь. Мы возьмем себе его царство!

И предвзятость раскалывалась в щепки, словно древесина под ударом боевого меча, вселяя в сердца ранее сомневающихся уважение и восхищение мудростью юной принцессы. Элика умело плела велеречивую паутину влияния на умы подданных, то открывая дверь в свое сердце и сознание, то умалчивая об этом, соблазняя, убеждая совсем иными критериями. Например, воительницам, матерям и гордым тщеславным женщинам она, сложив руки на груди и с легкой грустью глядя вдаль, могла запросто признаться:

— Смиритесь, эта варварская цивилизация не любит сильных, гордых и красивых женщин, превосходящих их самих своим величием и мудростью. Испокон века они подвижны лишь желанием сломать таких, как мы. Их леди благородных сословий лишены права голоса и права появиться в городе без сопровождения мужчины. Если же кто осмеливается нарушать такие правила, для них последствия ужасны. Любой горожанин, рожденный мужчиной, может запросто обратить в рабство любую одинокую женщину, встреченную им на пути. И все. Больше не станут ни богатство, ни принадлежность к уважаемому роду. Семья отвернется от своих — жен, матерей, сестер, дочерей, — навсегда. Это то, что произошло с вольной спутницей Далана Тракийского. Это мир хаоса, в котором варвары правят железной рукой. Их мир погряз в жестокости и крови.

Я испытала это сполна. Даже любовь этих недостойных мужей отравлена ядом их неоправданного величия, за которым стоит лишь разрушающая слабость и ненависть. И, сносая все пытки и насилие, я молила Антала лишь об этом дне, когда их империя получит по заслугам и захлебнется собственной кровью. Этот день настал!

Другим же, настроенным скептически по отношению к ее эмоциональной открытости, Элика с улыбкой демонстрировала не случайно надетый в дорогу широкий пояс, отороченный по периметру идеально прозрачными и ограненными в причудливую форму слезами пустыни:

— Месторождения этих кристаллов в Кассиопее обширны и многочисленны. Лишь благодаря торговле этим редкостным минералом их империя достигла высот, пусть и несоизмеримых с мощью Атланты, но, признаемся сами себе, довольно высоких и недостижимых для мелких, ослабленных междоусобицами государств.

Именем моей матери, Лаэртии Справедливой, был заключен договор о поставке слез пустыни. В мирное время это было наилучшим решением! Но, скажите мне, благородные атланцы, в создавшихся условиях нужна нам эта жалкая милость в обмен на прощение, о котором не может быть и речи? Нет. Мы придем и возьмем эти копи со всем содержимым сами! Вместе с обширными землями Кассиопеи, которая скоро перестанет так называться!!!

Подпитывалось тщеславие утомившегося от ленивой сытости народа, жаждущего батальи и войн, и, как следствие, росло уважение к будущей королеве, таяла предвзятость, вытесняемая предвкушением скорой золотой эры.

Элика исправно вносила корректировки и дополнения в свою агитационную речь, словно губка, впитывая желания и настроения подданных. Собственный народ с обожанием и доверием тянулся к ней, иногда раскрывая неизвестные ранее тайны.

Так, в общине Лесных Оцилл старейшина Роксана после долгих колебаний и, чего уж греха таить, совместно выпитого огненного напитка деревьев (аналог коньяка, настойка на сладковатой древесной коре и орехах), призналась в исчезновении двух девушек общины. Попытка найти их по следам потерпела фиаско, но все указывало на причастность к похищению варваров Черных Земель. Пообещав отследить следы соотечественниц на всех известных рынках рабов, Элика глубоко задумалась.

Легенда о том, что дочери Атланты никогда не становятся рабынями в силу своей храбрости и того факта, что империя непобедима, рушилась, словно небрежно выстроенный дворец из прибрежного песка. Народ был обманут ощущением мнимой безопасности. Ни в ее правилах было осуждать политику матери, нет. Все имело свое пояснение. Мир и покой. Величие Атланты. Гордость ее народа. Но Элика уже убедилась, что это привело к недостойным последствиям.

Изгнание старейшины округа Саскии за ее подлое молчание было одним из первых шокирующих прецедентов. К сожалению, Эл не застала крестьянскую торговку фруктами Алтею во дворце, дабы выведать подробности, да и просто порадоваться встрече и поблагодарить за свое спасение. Политика матриарх привела к неожиданному результату.

Девушки продолжали исчезать во всей империи. Высокая цена и уникальность атланских невольниц делала их самым роскошным товаром на мерзких рабовладельческих аукционах. Кассиопейские варвары и спаркалийские деспоты не жалели денег на приобретение дочерей воинственных амазонок. Кассиопея — в силу своей неумейной жажды величия, спаркалийцы же... Лишенный ответной любви Латимы Беспощадной, Фланигус топил свое унижение ее отказом в подобном зверстве над ей подобными. Но мало кто в

империи догадывался об этом: ради поддержания легендарного имиджа великой державы сведения об исчезновении атланток замалчивались, основной целью становилось не вызволение храбрых дев из неволи, а стремление не допустить распространения этих слухов, чтобы они ни в коем случае не достигли ушей королевы. Девушки пропадали и забывались в тот же миг, главы местных самоуправлений делали хорошие мины при плохой игре, следуя легенде, что никто из перворожденных не попал в рабство, потому что Атланта непобедима.

Саския была лишь одной из немногих. Именно из-за ее тщеславного честолубия Элика сполна вкусила весь ужас своей неволи. Прислушайся глава общины к словам Алтеи и ее сестры, донеси она эти сведения до матриарх — нога Элики никогда бы не ступила на дворцовые плиты Кассиопеи. Но не имело смысла больше строить предположения, произошло лишь то, что произошло. Именно с молчанием всех, подобных Саскии, Элика собиралась бороться в первую очередь. Показать на своем примере, что участь ее и пропавших девушек ужасна и унизительна, но воля Антала в свершении мести, а не забвении благословенного им народа, воздаст сполна за каждый миг их страдания.

Стоило ли говорить, что к приезду во дворец Элика уже имела при себе четкий план действий и продуманную речь, от которой даже восторженно сдвинул брови мудрый советник Антоний. Элика попросила матриарх собирать Совет Десяти немедленно, не тратя время на трапезу или же отдых с дороги.

До позднего вечера держали они скрытый совет, обсуждая основные моменты, учитывая каждую деталь и вероятные исходы. Было принято решение отправиться в предшествующий коронации принцессы тур Великой Речи по округам империи, начав триумфальное шествие с выступления на площади столицы. Также была назначена официальная дата коронации; На плечи Латимы Беспощадной возлагалась мобилизация войск и поднятие легиона Боевых Пантер, получение разведывательных сведений о ситуации в империи противника. Мудрая Тания была обязана в кратчайшие сроки привести в порядок секретные вооружения. Втайне, но Элика все поняла.

Уже оставшись наедине с матриарх, принцесса задала прямой вопрос:

— Так я могу увидеть оружие на кристаллах слез пустыни?

— Кто и когда поведал тебе о нем? — нейтрально осведомилась Лаэртия.

— Не имеет большого значения, кто и когда. Я использую его против врага, если понадобится. Полагаю, неплохо было бы знать, как оно работает.

— Дочь моя, это страшное оружие. Это творение Смерти. Всю свою жизнь я намеревалась использовать его лишь в самом исключительном случае. При угрозе нападения на империю, к примеру. Лишь тогда будет оправдана лавина посеянных им смертей!

— Прости меня, мама, — холодно возразила Эл, — но ты прекрасно видела, к чему привела твоя политика миролюбивых соглашений. Никто не верит в наличие у нас машины смерти как таковой. Что ж, тем лучше! Кассиопея будет расслаблена на поле боя. Но недолго. Им неведомы законы чести. Я буду говорить с врагом на его языке! Даже не мечта. И не стрел. На языке пламени и пепла, мама. И никак иначе.

Лаэртия улыбнулась, украдкой разглядывая дочь, столь разительно изменившуюся и повзрослевшую за это недолгое время. Сгорающую, словно под прицелом кристаллов слез пустыни, в огне своего неподконтрольного чувства к вражескому принцу, ныне полноправному правителю Кассиопеи. Сгорающую, но не сломленную, отрицающую это ненормальное влечение всеми фибрами души. И это получалось, и наверняка она выдержит это стойко до той самой поры, пока объект ее любви не будет уничтожен в бою, а сама ее

душа не очистится от запретного, неправильного, недопустимого логически чувства его же кровью. Только когда сердце и душа шли рука об руку с логикой?... Ее не сломали ужасы неволи, но матриарх догадывалась, что смерть того, кого дочь считала врагом, испепелит ее душу дотла.

— Пойдем. Пришло твое время увидеть Взгляд Смерти. Так ее нарекла Тания за прозрачность слез пустыни...

Впервые Элика спустилась в лаборатории нижнего уровня дворца матриарх. Прошло более пяти зим, как Латима призналась ей в наличии самого масштабного смертельного оружия, идеальной разработки ученых, но узреть ей ее сегодня довелось впервые.

Оглянувшись по сторонам, Элика на миг опешила. Странные конструкции в виде факелов под стеклянным куполом давали яркий и призрачный одновременно холодный свет, освещая каждую деталь гладких каменных плит с непонятными надписями, широкие столы, заваленные деталями и чертежами, непонятными устройствами из металла и стекла. Четверо ученых мужей отвлеклись лишь на миг, чтобы поприветствовать матриарх с дочерью, и снова уткнулись в расчеты и непонятные схемы. Эл прикрыла глаза рукой, привыкая к яркому холодному освещению.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Прямо по центру лаборатории располагалась странная конструкция в виде широкого куба с гладкими, словно отполированными стенками. Принцесса обошла его со всех сторон, отметив, что на симметричных боковых плоскостях, словно сливаясь между собой, мерцают мириадами искр причудливо ограненные слезы пустыни. Блики ложились на черный мрамор пола, создавая радужные переливы, привлекая, завораживая и внушая восторг одновременно. Кто мог назвать это произведение архитектурного и технологического искусства Взглядом Смерти? Это был поистине шедевр, достойный стать основой трона правительницы, базисом ее ложа, скульптурой, восхваляющей ее величие... Но смерть? Элика провела рукой по гладкой черной, словно лакированной поверхности, потянула за рычажок причудливой формы.

— О нет, моя госпожа, не трогай, прошу! — кинулся к ней сидящий старец, отводя ее ладонь. — Очень опасно!

— Как... Как она работает? — словно завороченная, прошептала девушка. Матриарх утвердительно кивнула.

— Покажите моей дочери.

— Здесь? — еще более изумилась Эл. Но мудрейшие мужи отошли от конструкции, к которой кинулись почти синхронно, стоило их будущей королеве ухватить рычаг, и ловко раздвинули один из угловых столов в стороны. Лаэртия жестом подозвала дочь и указала на широкую скамью у стены.

Любопытство Элики достигло максимума, и она, затаив дыхание, опустилась рядом с матерью. Тем временем четверо мужчин что-то быстро сложили из деталей, не поворачиваясь к женщинам ни на миг, и, когда расступились, Эл с изумлением увидела на столе миниатюрную копию Взгляда Смерти. Безобидная, хорошенькая маленькая коробочка.

Самый молодой из ученых...ну, зим пятьдесят по сравнению с единомышленниками, что-то достал из закрытой створками ниши и вернулся к ожидающим зрителям. Элика осторожно взяла из его рук непонятную конструкцию в виде спаянных между собой металлом темных стекол с непонятными дугами. Перевела взгляд на мать и не смогла сдержать улыбку. Величественная Лаэртия уверенным жестом водрузила эту штуку на нос,

так, что та закрыла ее глаза черными сферами стекол. Элика, сгорая от любопытства, последовала ее примеру. Взгляд заволокло приятным мраком, смягчившим пугающий бесчувственный свет непонятных факелов. Только после этого началась демонстрация.

Резкий щелчок, и купол потолочного свода разошелся в стороны. Принцесса подняла голову. Развернутая к ним панорама неизвестной местности, с детальной имитацией деревьев и зданий, плавно спустилась на длинных шарнирах, изумляя еще больше чудом технологической задумки. Замерла у стены, напротив имитации Взгляда Смерти.

— Начинаем, — сообщил старец, прокручивая при помощи щипцов миниатюрные рычажки, которые было трудно ухватить пальцами. Элика подалась вперед, опасаясь потревожить таинство величия и мощи уникального изобретения своим дыханием. Сердце словно приостановило свой бег в ожидании необыкновенного чуда, которое должно было свершиться на ее глазах впервые.

Уже в следующий момент она поняла назначение затемненных стекол. Миг, и тонкие, но яркие лучи света, вспыхивая, ударили в полотно панорамы. Одновременно, пересекая друг друга причудливыми геометрическими фигурами, плетя в пространстве и времени графическую паутину смерти. Яркие, ослепляющие и такие манящие одновременно, что хотелось протянуть им навстречу руку.

Несколько мгновений ничего не происходило, и вдруг, содрогнувшись, пейзажное полотно вспыхнуло ярким пламенем, содрогнувшись, вывернувшись наизнанку. Огонь сомкнулся плотными кольцами сот, испепеляя картину за считанные секунды. Температура в лаборатории повысилась, и Элика почувствовала, как взмокла ее спина под корсетом из кожи.

Миг, и панорамы нет. А ведь сколько труда было вложено в воссоздание этой имитации! Страшно подумать. Ученые торопливо заливали водой горящие останки недавнего пейзажа, а Эл, сглотнув, стянула с глаз конструкцию из стекол и перевела взгляд на матриарх.

— Антал Милосердный, это просто потрясающе!

— Дочь, она считает все на своем пути в огненном урагане. Последствия ее применения будут необратимы и невозполнимы, — ответила Лаэртия. Впрочем, она понимала, что дочь не прислушается к ее словам. Горящие глаза Элики светились пламенем азарта, воинственности и предвкушения.

— Атланта непобедима, и каждый, кто посмеет это оспаривать, удостоится ласки Взгляда Смерти, — просто ответила Элика. — Теперь я могу обещать тебе, мама. Шахты слез пустыни скоро будут в наших руках!

— К вечеру прибывает корабль кассиопейцев со слезами пустыни, — сглотнув от растерянности, которую вызвали восхищенные слова дочери, поспешно сменила тему матриарх. — Я настаиваю на твоём присутствии. Я намерена сообщить прибывшему послу, что будущая новая королева не имеет заинтересованности в дальнейшем сотрудничестве, и что следующей поставки не будет. Как только я сложу корону перед твоим принятием правления, договор будет расторгнут в одностороннем порядке.

— Мы получили достаточно слез пустыни? — уточнила Элика, разглядывая агрегат смерти, как обнаженное тело возлюбленного мужчины, — сверкающими от восторга глазами, затянутыми поволокой страсти и восхищения, словно воспевая в немом призыве его мощь, силу, неистовость и дар защиты от любого бедствия.

— Да, дочь. Благодаря расчетам и чертежам наших ученых...и твоего отца, мы легко

сможем воспроизвести еще два аналога Взгляда Смерти.

— Отец? — сдвинула красивые брови принцесса. — Он знал?

— Более того. Он ускорил его создание на десяток зим как минимум силой своего разума и знания потустороннего мира, недоступного нам. Ты наверняка обратила внимание на факелы, дающие свет дня без огненных искр? Днями напролет они вбирают в себя свет солнца, его бесценный дар, чтобы потом озарить лаборатории дневным светом и позволить ученым мужам работать даже в ночное время. Это лишь отголосок системы, по которой работают слезы пустыни, но, в отличие от факелов Фебуса, они несут не свет, а пламя, разрушающее все на своем пути силой преломления лучей и увеличения их огненной мощи. Да, дочь. Твой отец был достойным воином, мудрым мужем и самым благородным и великим из ранее встречавшихся мне мужчин. Я и поныне восхищаюсь его нестигаемой силой и способностью простить мне все во имя любви. Никто, кроме него, не смог бы сохранить ко мне чувство после ужасов рабства. Когда я смотрю на тебя, я вижу повторение истории. Но ты, в силу своей молодости и воинственности, не столь великодушна. Я не могу осуждать тебя за это, ни в коей мере. Знаешь, легенда о том, что мужчины слабы... Она во многом именно легенда. На деле, они сильнее нас, и их стойкость не знает преград. Но достойны уважения лишь сильные духом благородства и разума созидания. Я никогда об этом не забуду. День ото дня я вижу отголоски его величия в вас с Лэндалом. Благословенные Анталом дети могли прийти в свет лишь от такого мужчины.

— Ты знала счастье, мама. — сглотнув горькие слезы разбитого сердца, тихо проговорила Элика. — Ты не знала предательства беззакония и похоти. Ты любила достойного. Меня же боги не удостоили даже этого.

Рука под руку мать и дочь покинули лабораторию, поднялись на смотровую лоджию, с которой открывался вид на океан. Голубая вода под ослепительно лазурными, безоблачными небесами. Сама природа призывала гнать прочь тяжелые мысли, но Элика так и не смогла взять себя в руки. Стальные тиски сжимали горло.

— Я полюбила недостойного, мама.

— По крайней мере, ты это осознаешь, Эл. Свои чувства.

— Их не должно было быть... Этого не должно было случиться со мной. После всего, что он со мной сделал, я должна была убить его сразу. И у меня была такая возможность. Даже когда он стал мне доверять и спокойно засыпал рядом... К слову... Во сне он не был Зверем. Я сетовала на темноту ночи, потому как хотелось глядеть на него долгие меры масла... Но что-то каждый раз останавливало мою руку. Сначала здравый расчет — вокруг всегда были его люди, которые не позволили бы мне уйти, а потом... я даже не могу это объяснить. Было ощущение, что вместе с ним я словно отниму часть жизни и у себя... Это все случилось после отравления и моего разговора с Анталом. Я рассказывала тебе о нем. Забавно, правда? Они зовут его Лаки. Бог Тьмы. Там правит свой пир Лакедон под именем Эдера.

— И ты пытаешься уйти от своих чувств. Дочь, еще не поздно остановить войну. Не беги от своей любви. Твое сердце не из металла и не из камня. Уничтожив того, кого любишь, ты не принесешь сердцу покоя.

— Нет! Ист Верто, мама! У меня нет иного выхода. Это цена моей жизни. И я ее заплачу. И это будет не трудно. Потому что я хочу видеть его смерть!

— Элика, Тьма не отпустила тебя. Еще не поздно. Иди в храм Антала и проси подсказать тебе иной исход. Обычай мести — не всегда смерть врага. Наш бог мудр и

милосерден. Он подскажет выход, не требующий от тебя подобной жертвы!

— Нет! — закричала Эл, ударив кулаком по перилам лоджии. — Нет! Он погибнет. Я сама приговариваю его к смерти. Слова Антала лишь подтверждение моих стремлений. И в адском пламени битвы именно моя рука отнимет его жизнь во имя мести! По-иному не будет!

Королева успокаивающе погладила дочь по руке. Что ж, она пыталась. Не ей осуждать ставленницу бога и ее решения. Но материнское сердце разрывалось от боли и желания помочь, облегчить муки так неистово притапливаемого сознанием высокого чувства.

Обе они знали, что Кассиопея обречена в этой неравной изначально войне. Ни численность, ни союзы не спасут их от гнева Атланты и королевы, чье сердце истекает кровью. И лишь одного не могла знать Эл, охваченная жаждой мести прежде всего за свою предательскую любовь к своему тирану: его смерть уничтожит и ее. Конечно, не навсегда. На время. Но жизнь никогда больше не останется прежней. Лаэртия пыталась помочь ей прежде всего в этом. Оставалось лишь надеяться, что затянувшееся противостояние успокоит измученные сердца, одержимые жаждой крови, и принесет ясность разума...

Пошатываясь и глотая горячие слезы безысходности и растерянности, принцесса Атланты вернулась в свои покои, в руки преданной Шиа. Верная служанка была обучена не задавать лишних вопросов. Она незаметно раздела свою госпожу, усадила в широкую ванну, вымыла роскошные черные волосы, смуглую кожу тела, осушила хлопковыми отрезами капельки влаги. Элика словно не заметила всего этого. Позволила увлечь себя на лежанку для массажа и растирания маслом. Понемногу успокаивающие и сильные руки Шиа приласкали ее, снимая напряжение, и девушка погрузилась в легкий, поверхностный сон.

Внезапно что-то изменилось. Руки служанки, такие нежные, убаюкивающие, обрели невиданную силу. Их прикосновения словно прикоснулись к сосредоточению силы и нервных окончаний, вопреки всему, не причиняя боли, а словно возрождая, успокаивая, посылая неразгаданные, но такие желанные импульсы к израненному душевными терзаниями сердцу. И эта боль, эти метания, державшие принцессу в плену Тьмы и паутине неизбежной мести, задержались в неистовом танце, проливаясь очищающими слезами.

— Я не могу тебя любить! Ты не понимаешь! Это не правильно! Ты разрушил все. Недрогнувшей рукой, с самого начала! Просто не могу!

Теплое дыхание на шее. В волосах. Так близко и настолько рядом, что, казалось, выход здесь же. В шаге от нее...

— Неправильно, моя атланская девочка. Вопреки всему, так тяжело и так просто. Любовь не выбирает благоприятное стечение обстоятельств. Она всегда вне правил, и только под руку с болью.

— Почему так?! Почему никто из нас не смог любить иначе? Почему только через боль и страдания?!

— Потому что она такая. Моя любовь не могла быть иной. И твоя не родилась бы из воспетой поэтами идиллии. Мы другие. Мы вне правил.

Слезы обжигают кожу щек. Но эти слезы очищают. Они напугали Тьму. Она в растерянности. Бежать? Скрыться? Оставить сознание или же затаиться, выждать, ведь скоро ей за ожидание воздастся сполна...

— Я совсем одна... И это не закончится. Ты сам приговорил себя к смерти!

— Ты не одна, отрада моего сердца. Я всегда буду рядом. Поверь. В твоём сознании. В твоей душе. Именно так я обрел бессмертие. Я с тобой. Всегда, что бы ни произошло в

скором будущем.

— Почему ты допустил все это? Твоя империя падет. Сотни... тысячи жертв... Ради чего? Зачем? Почему нельзя иначе... Почему твои условия — кошмар? Ты не оставляешь мне выбора! Я не могу принять альтернативу. Только не так!

— Ты можешь, моя храбрая атланская девочка. И даже не боишься. Не гневайся на меня так сильно за то, что я не оставил тебе выбора. Я сам не могу себе этого простить. Если бы я поступил иначе, ты бы приняла это с легким сердцем. Мне так жаль, что этот момент упущен. Ничего не поделать.

— Не боюсь! Но ты, даже не пытался!

— Если в бою меня настигнет смерть, я умру, сожалея об этом.

Слезы не останавливаются. Не так. Не хочу войны. Пусть все снова. Повтори. Давай сначала. И не по-иному, а так, как прежде. До боли, которая разорвет израненное сердце, и соберет его снова. До тяжелых оков сознания, которое сожжет чувство долга и ответственности, и, наконец, принесет желанный покой.

Не хочу быть сильной. Не хочу принимать таких решений. Забери мою силу, она уничтожит меня рано или поздно. Забери мою жажду мести, высеки ее из меня своей плетью до этой оглушающей боли, после которой увидишь мою улыбку. Потому, что я буду свободна. Я перешагиваю грань, удержи меня над этой пропастью...

— Мне пора. Не плачь. Этот путь предписан не нами, ничего не поделать.

— Нет... Ты сказал, что будешь рядом! Если ты уйдешь, у меня не будет выбора... Только твоя жизнь...

— Кто мы, чтобы противиться воле богов, любимая девочка?..

— Я не хочу! Это не мое!.. Снова обман. Ты не рядом. И не оставляешь мне выбора!

— Ошибаешься. Я всегда рядом. Бег моей крови в твоих венах. Я ближе, чем ты думаешь. Ближе...

...Элика открыла глаза. Атласный шелк покрывала был мокрым от ее слез.

Шиа, не задавая лишних вопросов, поднесла пиалу с розовой водой, и принцесса бездумно смыла соль со своих щек. Она выглядела опустевшей. Пассивно позволила облачить себя в роскошное королевское платье розового цвета, закрепить на волосах тиару в виде саламандры. А чуть позже пришел хранитель покоев матриарх с вестью, что посланник Кассиопеи прибыл, и королева ожидает ее присутствия на заседании.

Тьма затаилась. До поры до времени, но сейчас это было только на руку. Гордо вскинув голову, Элика последовала за воином в зал Совета Десяти...

Посол Кассиопеи не был удивлен вердиктом матриарх о прекращении Сотрудничества и запретом на дальнейшее нахождение в океанской акватории Атланты. О том, что это рано или поздно произойдет, они знали с самого начала.

О грядущей войне не говорили вслух; но ее тень нависла неизбежным покрывалом над империями. Недавно коронованный Царь Кассиопеи Кассий предупредил заранее: возможно, живым вернуться не удастся. Но они приняли дипломатические правила игры, и, как понимал отставной воин, ныне посол, пока еще снисходительно сделали расчет на долг чести, возведенный в матриархальной империи в абсолют.

На переговорах послу Кассиопеи удалось воочию узреть будущую королеву великой матриархальной державы. Он привык к красоте и очарованию атланских женщин, но юная принцесса все же не могла не поразить его сердца. Прежде всего, потому, что он не видел в ней опасности; стройная, темнокожая, с поистине колдовскими глазами и чарующей, располагающей к себе улыбкой, Элика показалась ему куда мягче и человечнее самой Лаэртии Справедливой. Мелодичным голосом она задала ему пару вопросов, с уважительным вниманием выслушала ответы, а на прощание подарила ему столь теплую улыбку, что он даже не заметил, какой непримиримостью и сталью сверкнули ее зеленые глаза, как захватила сильное тело грация готовой к прыжку хищницы, как дрогнули уголки пухлых губ в циничном, оценивающем и предвкушающем оскале; В немалой степени его беспечности поспособствовало также давнее знакомство с полководцем королевы Латимой, очевидно, по недоразумению либо зависти недоброжелателей названной Беспощадной.

Сегодня бесстрашная воительница также присутствовала во дворце. Опутанный, словно золотой паутиной чувственности, сладкой отравой коварной женственности, посол шагнул в манящую ловушку, словно ослепший тигр. Если он в глубинах души и ожидал, что прекрасная Латима всадит ему кинжал между лопаток во время жарких объятий, то иной смерти даже не желал. Как и в первую их встречу, они провели вместе ночь, словно не было еще не объявленной официально вражды между империями, словно могло быть хоть какое-то будущее между ними, совершенно разными людьми. За ночь, помимо сил, хитрая полководица вытянула из потерявшего от страсти голову кассиопейца немало ценных сведений; ей даже не пришлось прилагать для этого усилия. Еще ранее Латима осторожно вывела из Кассиопеи своих шпионов, играющих роли торговцев и паломников. Отсчет до начала военных действий пошел даже не на декады, а на солнечные круговороты.

С тяжелым сердцем он покидал вражескую империю, понимая, сколь ничтожны их шансы в борьбе против недооцененной ими же матриархальной Атланты. Понимал — разрушат организованным, беспощадным натиском, и те, кто так по-королевски принимали его в качестве гостя, на поле боя, не задумавшись, всадят меч в сердце.

А что же Элика? Словно Лаки правил ее путь, зажигая бесподобным ощущением оценивающего предвкушения. Словно разговор со своим любимым врагом во сне расправил ее черные крылья воительницы, шепотом неразделенной любви благословив на жестокий исход... Если любовь не может пойти по тропе мира и компромисса, ей не место на земле.

Он не был ее спасением. Он никогда им не был. Единственный путь достижения — действия! — был им проигнорирован. Ничего не могло удержать больше Элику от намеченного пути.

Латима перед отъездом для военного сбора воинов империи поделилась с ней последними новостями. Кассиопея, не покладая рук ведет подготовку к еще не объявленной войне, укрепляются позиции захваченной Лассирии, морские пути и горные тропы.

— Морем не пойдем, — согласилась с тактикой Латимы Элика, — гористая местность нарушит целостность фаланг, и мы не сможем достойно отразить нападение, если таковое будет иметь место. Лассирия же ослаблена протестами и восстаниями, и давно задыхается под гнетом Кассиопеи. Сильных воинов приберегут для финальной битвы в самой Кассиопее. Лассирия будет взята без особых жертв. Поход займет время, но мы будем во всеоружии.

— Избран новый легат царской армии, — проинформировала Беспощадная.

— Вот как? Чем же Марк так прогневил Кассия? Тем, что не смог меня убить?

— Марк был четвертован на площади спустя два солнечных круговорота от побоища в пустыне, — ответила полководица.

— Как? — изумлению Эл не было предела. — Слишком высокая цена за то, что он не смог забрать мою жизнь! Отчего же тогда?

— Сие мне неизвестно. Назначен новый легат, Юлий Кантун, прославленный воин. О его славе ходят противоречивые слухи. Он силен и умен, но никогда не гнушается недостойных благородного воина методов.

— Мне знакомо это имя, — прищурилась Элика. — Я его вряд ли могла встречать во дворце... по крайней мере, нас не представили друг другу, и ничего удивительного, ведь, по факту, меня как бы и не должно было там быть.

— Он участвовал во многих сражениях, вошел в четверку самых сильных воинов, таких оплотов мощи Кассиопеи... Может, его имя прозвучало в речах принца?

— Вполне возможно, — Элика забыла об этом имени до вечера этого дня. Предвкушение грядущей поездки по округам, последующей коронации и военного похода с самого утра держало ее в возбужденном состоянии. Это возбуждение легко можно было назвать сексуальным...и так оно, по сути, и было. Просто невозможность окунуться как в омут головой в пыл и жар побоища во имя мести трансформировалось в более привычную форму, вернее — доступную. Азарт боя несравним ни с чем, но его еще следовало дожидаться.

— ...Ты достигла небывалого умения во владении кнутом, госпожа, — с искренним восхищением произнес Дарк после затяжной тренировки. Он был не далек от истины. В последнее время Элика в совершенстве освоила основные удары и захлесты, выполняя их с такой тонкой грацией, что изумился даже бывалый воин кнута. Опасное, но притягательное оружие в тонких девичьих руках смотрелось донельзя красиво. Ежедневно Эл уже просто закрепляла приобретенный навык, — все основные элементы тренировки были изучены от и до за столь короткий срок. Это изумляло и восхищало наставника. Мужчинам его родной империи потребовалось бы для такого совершенного овладения навыком не меньше зимы.

Элика описала спираль в воздухе, со свистом рассекая воздух тем самым кнутом, которого не так давно боялась до полусмерти. Тренировка лишь сильнее разожгла пожар, бушующий в ее крови. Повернувшись, она смерила Дарка долгим взглядом — но уже без прежнего высокомерия.

— Я хочу сегодня быть с тобой.

Не приказ. Не просьба. Двойственная ситуация... Он не мог ей отказать, но не из-за фанатичной покорности или наигранного раболепия. Элика не могла пояснить даже себе,

какие именно отношения установились у нее с воином из варварской державы. Он не был рабом. Но, по сути, не был и свободным — потому что больше не хотел свободы вдали от нее. Элика это понимала. Она уже видела подобный блеск во взглядах мужчин. Этим огнем пылал каждый второй взгляд достойных мужей ее родной империи, так смотрел на нее Кассий, когда лед тьмы в его серых глазах уступал место человечности и раскаянию, оба воина принца, чьи имена оно успела подзабыть. Меньше чем за декаду это пламя охватило также спокойного и рассудительного Дарка. Женское сердце всегда считывало подобные знаки-маяки без права на ошибку.

Воин кнута в этот вечер был задумчив и молчалив. Как он не пытался это скрывать от Эл, она поняла все.

— Ты идешь войной на Кассиопею... Это окончательное решение? — смело спросил мужчина, когда принцесса, разлив по бокалам умопомрачительное вино, устроилась на полу между его раздвинутых ног, жмурясь от ощущения тепла, спокойствия и безопасности. Нет, она никого не боялась теперь и могла защитить себя даже от толпы разъяренных врагов. Но за сводами покоев все маски слетали, отброшенные необъяснимым доверием и взаимным уважением, установившимся между ними вопреки всем обстоятельствам. Поначалу Эл играла необходимую роль на публике, но вскоре перестала делать и это.

Он никогда не был слабым или побежденным в ее глазах. Даже во время первого разговора, когда она тонко сломала его сопротивление, подведя к краю пропасти. Признать свое поражение, не умалив при этом достоинства, слабый человек не мог по определению.

Элика давно обдумывала ситуацию, как же с ним поступить. Он выполнил свое предназначение. Обучил ее всему, что умел. Насильно удерживать Дарка рядом лишь потому, что он четко предугадывал ее сексуальные желания, было недостойно решительной и целеустремленной правительницы.

— Это мое решение. Другого не будет, — Элика отпила глоток. — И об этом я тоже хотела поговорить с тобой сегодня. В нашу первую встречу ты спросил, позволю ли я тебе вернуться в Кассиопею. Я готова дать тебе ответ. Ты свободен. Может, на поле боя я пожалею о своем великодушии... Мы прекрасно понимаем, что там все отголоски прошлого будут стерты, и мы вновь станем врагами, как и прежде. Каждый — со своим преимуществом, ибо мы изучили слабые стороны друг друга в совершенстве. Но это жизнь. Я понимаю, что в такой ситуации ты захочешь быть рядом со своим правителем. Завтра я подпишу бумаги, дарующие тебе свободу и право беспрепятственно покинуть Атланту. Ваши корабли ушли, поэтому придется уезжать по пустоши через Лассирию. Возвращайся. Твоя жизнь — поле боя, а не шелка моих покрывал.

Повисло долгое молчание. Упало, словно придавив глыбой неотвратимости и чего-то еще — непонятного. Невероятного. Спиной Элика ощутила, как напряглись сильные мышцы воина. Наконец, он нарушил молчание, и девушка вздрогнула от твердой решительности его голоса.

— Твое великодушие и честь, достойная воительница, несоизмеримы со всем благородством, которое есть в этом мире. Долгие дни, до встречи с тобой, желал я вернуться в родную империю, восстановить свое уничтоженное имя, доказать своему правителю, что дни моего рабства были лишь досадным недоразумением. Вызвать Юлия Кантуна на честный поединок и свершить месть за коварное предательство на глазах у моего принца...

Элика поерзала. Юлий Кантун. Так вот, где она слышала это имя!

Дарк ничего этого не видел. Просто говорил, с болью в глазах глядя в одну точку.

— Я не вернусь в Кассиопею. Долгие зимы обмана, беспрекословного преданного служения тому, кто оказался этого не достоин. Его себялюбие сделало его слабым. В его армии процветает вовсе не патриотизм и боевой дух, нет. Военная система погрязла в коррупции, карьеризме, тщеславии и отсутствии настоящей дисциплины. Чувство локтя и братства больше не царит там. Воины сражаются друг с другом за право выслужиться и получить кусок побольше. Подлость и устранение самых сильных конкурентов стало обычным делом. Принцесса, я наблюдал это долгие годы.

Элика была потрясена. Залпом допив вино, повернулась к воину, встретив его решительный взгляд.

— Дарк, я не могу понять... Ведь ты не бежишь от смерти и боя, нет. Часть тебя вспыхнула жарким пламенем противостояния при мысли о настоящем сражении... Кассий ответил категоричным отказом на мое письмо. Но ты вернешь себе попорченную славу, и, кроме того, убьешь предателя....

— Принцесса, я провел много времени подле тебя. Первые дни я жил мыслью, что однажды заставлю тебя заплатить за мое унижение. Но потом... Я вошел в ваш мир, я увидел его цвет. Цвет славы и процветания. Цвет единства и крепких уз. Цвет чести и достоинства. Мир, в котором нет места подлости, лицемерию и борьбе за самого себя... Мир разумного процветания и несокрушимой силы. В моей родной империи отношение к женщинам иное. Так было всегда. И сейчас мне мерзко осознавать это... то, что мы всегда столь предвзято относились к Атланте. Но лишь матриархат достигнет высшей степени процветания. Я заблуждался. И будь у меня такая возможность, я бы принес присягу на верность тебе, моя королева. Потому что ты самая достойная воительница из всех, которых видел этот мир!

— Дарк... — ошеломленно выговорила Элика, вскидывая руку, чтобы приложить к его губам. Но он решительно перехватил ее ладонь.

— Новости и сплетни не скрыть стенами дворца. Я знаю, в чьих руках ты находилась в Кассиопее. И я могу лишь предполагать, насколько тяжелой была твоя участь по сравнению с моей. Я восхищаюсь твоим мужеством и негибимой силой воли. Что этот человек сотворил с тобой, что ты ищешь поцелуев плети в моих объятиях вместо жарких поцелуев, которые я готов дарить тебе бесконечно? Исход войны ведом лишь богам. Но я знаю, окажись ты проигравшей, какие муки тебя ожидают. Поэтому я не вернусь. Я готов присягнуть тебе на верность и быть рядом на поле боя. Не ради мести и не во имя обиды на своего бывшего правителя. Я не позволю погибнуть женщине, которая за столь короткое время стала для меня прообразом чести и достоинства. Если бы эти качества имели имена, у них бы были твои глаза и твоя улыбка. Я буду рядом и уничтожу любого, кто посмеет посягнуть на тебя. Я не отдам тебя в их руки, я убью любого, кто посмеет об этом помыслить! Потому что я... Я люблю тебя!

— Любишь? — Элика отвернулась. Слезы безысходности сами покатались по ее щекам. Этот мужчина словно вскрыл нарыв кровоточащего сердца, одними своими словами.

Это неправильно... И даже твои слова не исцелят мою душу... Ибо он — не ты...

— Каждый раз, наедине со мной, ты жаждешь одного. Заглушить боль своего сердца иной болью. Даже в первые разы меня это не удивило. Наоборот, позволило понять тебя. Прикоснуться к твоему сердцу и понять, сколь сильна была причиненная тебе боль... Но ты не сломалась. Пусть твое сердце истекает кровью, ты не ожесточилась и не возненавидела весь мир.

— Дарк, замолчи, — крупная дрожь сотрясала плечи девушки. — Ты не понимаешь, о

чем просишь! Присягнуть мне на верность? Прообраз чести? Прошу, не говори обо мне так. Моя душа отравлена Тьмой и ядом мести. Я ничем не лучше его. Жажда себялюбия и мести едины. Я не та, кем ты меня считаешь. Я не хочу, чтобы настал день, когда рухнут твои идеалы. Не хочу!

Сильные руки сжали ее плечи, прогоняя мрак отчаяния прочь. Элика доверчиво прижалась, к его сильной груди. На миг их глаза встретились — глаза двух людей, которые смогли досконально понять друг друга.

— Люби меня сегодня так, как я прошу тебя каждый раз. Забери мое чувство вины. Высеки его вместе с кровью, если понадобится... Просто лиши меня этих сомнений!

Страстный поцелуй заглушил ее слабые всхлипы. Резкий, неотвратимый, прикусывающий пухлые губы до крови. Дарк подхватил ее на руки, вновь становясь тем самым, кем она и хотела его видеть — сильным, решительным, безжалостным, но не во имя себя, а лишь ради ее блага.

— Ты так устала быть сильной... — жарко прошептал он в ее губы. Поколебавшись, будущая матриарх призналась ему в том, о чем хотела молчать. Может, надеясь на то, что он будет еще более жесток от этой новой информации.

— Юлий Кантун стал новым легатом Кассия. Мне жаль.

Ни один мускул не дрогнул на волевом лице воина, павшего жертвой предательства своего соратника. Возможно, он догадывался об этом с самого начала. На деле же, его мысли были сейчас далеко. Он из последних сил пытался задавить в себе ненависть и ярость, направленную сейчас лишь на одного человека, который был далеко. Ярость не имела ничего общего с тем, что царь Кассиопеи назначил новым легатом его непримиримого врага. Дарк сжал кулаки, подавляя свою агрессию на бывшего повелителя, чтобы она ни в коем случае сейчас не передалась через его руки любимой девочке, чей мир рухнул за столь короткое время, предав ее и отдав тьме чужих страстей. То, о чем она просила каждый раз, было так неправильно, так противоестественно.

Видит Эдер, первое время он испытывал ничем не передаваемую эйфорию, опуская эту дерзкую, гордую атланку на колени, насилуя ее пухлые губы и шелковистую мягкость горла с яростью загнанного раба и восторгом преодолевшего засаду победителя одновременно. Плеть писала картину страдания и власти на ее смуглой коже легко и непринужденно, и мужчина наслаждался этой пусть обманчивой, фальшивой, но все же возможностью утвердить свою власть и доказать самому себе иллюзорную свободу. Первый раз... Второй... Третий... А потом произошло что-то невероятное. Плеть выпадала из его дрожащих пальцев, кнут он категорически отказывался использовать, кроме как на тренировках, под угрозой избиения и щелчка ошейника на своей шее — будущая королева умела быть жестокой, если ее желания не исполнялись. Больше всего ему хотелось сжимать эту потерянную девочку в своих объятиях, покрывать ее тело нежными поцелуями, именно таким образом очистить ее память от болезненных воспоминаний, показать правильную сторону любви, светлую и лишенную зла.

Он прекрасно понимал, что полюбил без взаимности. Принцесса Атланты и без того преподнесла ему самый щедрый подарок — свое уважение и доверие, в силу непредвзятости и мудрости. Но он и не желал большего.

Сейчас же воин, скрепя сердце, сжал ее крепче, радуясь тому, что никогда в жизни не терял контроль и не пытался разбудить в себе внутреннего зверя. Она играла с ним в эти жестокие игры, лишь зная наверняка, что сможет остановить его словом, либо жестом, что

за каждый нанесенный ей удар он несет полную ответственность, что боль освободит душу от иных мук, а не усугубит их еще сильнее. Каждый раз, опуская на ее пылающую спину смоченный в ледяной воде отрез шелка, чтобы забрать жар боли, он видел ее улыбку. Улыбку, в искренности которой сомневаться не приходилось. После необходимой, как кислород, экзекуции Элика превращалась в маленького жизнерадостного ребенка. Швыряла в него шелковыми подушками, прячась за столбиками кровати, брызгала водой прямо в лицо, шутливо сжимала локтями его шею и на короткие мгновения становилась счастливой и умиротворенной. Наверное, не полюбить ее было просто невозможно.

Сжав зубы — ему всегда было сложно преодолевать этот барьер между своей любовью и ее желанием его жестокости, — мужчина, потянувшись руками к лиловому шелку платья принцессы, без усилий потянул его в стороны. Звук рвущейся ткани заставил Элику вздрогнуть. Всего лишь миг, и невозмутимость вместе с бесстрашием покинула ее красивое лицо. В глазах вспыхнул наполовину наигранный затравленный ужас, пухлые губы дрогнули, обнажив полосу жемчужно-белых зубов, прекрасные зеленые глаза зажмурились, унося их обладательницу в мир очищающего, такого необходимого мрака. Дарк сглотнул, делая над собой последнее горячее усилие. Когда-то он этим наслаждался, сполна отыгрываясь за свое униженное положение. Потом отрицал это всеми фибрами души, пытаясь воззвать к ее сущности, стереть свою грубость нежными прикосновениями. И лишь сейчас, впустив в свое сердце любовь, смог понять все чувства этой необыкновенной девочки, прочувствовать их, как собственные, и дать ей желанную свободу и покой через боль и слезы.

Дрожь продолжала сотрясать теперь уже обнаженное тело Элики. Сейчас она была полностью в его власти. Дрожащая, желанная, покорная. Вздрагивающая от каждого прикосновения его пальцев, от тугих оков лилового шелка, за одно короткое мгновение спеленавшего ее беззащитные тонкие запястья. Окрытая его воле и желанию, позволяющая растоптать себя без остатка, в то же время будучи глубоко уверенной, что он никогда этого не сделает. Резкие, прожигающие кровь слова слетели с его губ, повергая Элику в забвение мощного эротического транса, стирающего грани, уносящую к недостижимым вершинам. И лишь одним богам ведомо, кем была она в тот момент на пике своего полета.

Не его имя она произносила в этом сладком забвении, в которое повергали выверенные удары. Не к нему рвались ее привязанные запястья в попытке обнять и прижаться сильнее... Но только он в данный момент дарил ей эти крылья, только он один сопровождал ее полет, не подпуская близко к пламенным лучам солнца, ограждая от мощных потоков ледяного ветра, не давая упасть камнем вниз, разбившись об реальность, которая могла напугать очень сильно. Ответственность, возложенная на него, была абсолютной. В такие моменты его добровольная невольница ощущала жалящие поцелуи плети совсем иначе. Словно они впрыскивали при соприкосновении с кожей огонь жаркого удовольствия прямо в кровь. И этот бег необъяснимой энергии испепелял отраву послевкусия ее настоящей ненависти и реальной боли, которую ее заставляли терпеть, потому что раньше выбора не было.

Возвращение всегда было одинаковым. Прекрасные зеленые глаза широко распахивались, недоуменно обводили знакомый полумрак покоев, и тут же дыхание выравнивалось, призрачность изумруда достигала максимума, а счастливая улыбка словно обволакивала бальзамом сердце Дарка. Элика прижималась к нему, как к родному. В такие моменты он понимал, что, поверни колесо времен вспять, он бы не выбрал иной участи. Его любовь была обречена на провал. Без надежды. Без взаимности. Без права быть рядом. Он не особо разбирался в церемониях брачного аспекта атланских женщин. Складывалось

впечатление, что предрассудки им были неведомы. Принцесса могла бы с легкостью избрать его, и никто бы ее за это не осудил. Могла. Но он был достаточно умен, чтобы понимать, что ее сердце навсегда отдано другому, как бы она это не отрицала.

После необъяснимого полета страсть брала верх. Жаркая, пылающая, схожая с одержимостью, требовательная и не терпящая возражений. Элика задышалась в его руках, неистово отвечая на яростные поцелуи, не уступая его желанию в своей жажде единения... Ни с одной женщиной прежде прославленный воин кнута не испытывал ничего подобного. Но счастье было таким недолгим и так жестоко прерванным, стоило желанному девичьему телу в его сильных и умелых руках напрячься в приближении сладкой развязки. Ее губы, искусанные в кровь, казавшиеся алее лепестков розы, в безумном забытье произносили все то же ненавистное имя. Именно с ним на устах возносилась она к новым вершинам удовольствия. Именно его призрак, его бессердечный каменный идол стискивала она изо всех сил своими тонкими руками, именно ему предлагалось испытать соленую боль ее слез во время сладких судорог. И в этом замкнутом мире, где страдание и ненависть шло под руку с ослепляющей, отрицаемой всеми силами любовью к своему врагу, Дарку больше не было места.

Готовый выть и рычать от колотых ран, осязаемо разрывающих его сердце, он, все же, убивая себя, уничтожая свою гордость и отчаяние, улыбался своей госпоже-невольнице, шептал на ушко ласковые успокаивающие слова, снимал такими же горячими и искусанными в кровь — от неимоверного страдания и душевных мук, в отличие от девушки — губами ее очищающие слезы, снимал отголоски боли с неглубоких отметин на ее прекрасной коже. Какая жестокая, бесчеловечная цена за право быть с нею рядом! Любовь — боль. Любовь — яд. Любовь — ранение в сердце. Но мог ли он желать лучшей участи?

Им никогда не быть вместе. Скрепя сердце, он это принял. Разобрав баррикады рассудка, шагнув навстречу осознанному выбору. Потому что он не хотел иной любви. Будь она трижды взаимной, другой такой, как принцесса Атланты, в его жизни больше не будет.

И сейчас, прижимаясь к нему в благодарном объятии, шепча жаркие слова благодарности и восхищения, Элика словно разрывала струны его души, ненамеренно, безжалостно, неосознанно. Серые глаза воина, переполненные душераздирающей грустью, не могли укрыться от ее внимания. Горячая ладонь легла на его губы, слегка погладив гладкую кожу щек, словно пытаясь снять печать этого страдания.

— Почему? — хрипло спросила девушка, заранее зная ответ. И впервые Дарк ответил, воспользовавшись возникшей между ним крепкой связью, движущим моментом которой было доверие.

— Не мое имя произносила ты в забытии в чертогах Эдера. Не мои руки врачевали твое прошлое, отдавая взамен свое, когда песня плети звучала с полной силой. Не я держал твои ладони там, куда мне никогда не суждено добраться, ибо нет мне там места.

Элика закусил губы. Он был прав во всем. Их, двоих, не существовало.

— Я знаю, кто занял твое сердце. Боги не имеют привычки задавать вопросы перед тем, как наделить нас чувствами. Иногда они играют нашими душами. Возможно, они нам завидуют, ибо сами разучились любить.

— Дарк, — прикрывая грудь разорванным лиловым шелком, с горечью произнесла девушка. — Ты не понимаешь... Меня любить нельзя. За тем, кого я против воли полюбила, останется выжженная земля и сотни смертей. Знаешь, он мне говорил, что его любовь — не повод радоваться, а повод сдаться и перестать существовать. Уничтожить свою гордость и

волю... А я недалеко отошла от него в этом! Я убью его, как бы не истекало кровью мое сердце. Я это сделаю.

— Но он останется жить в нем вечно. И ты прекрасно это понимаешь.

Элика завернулась в шелк, завязав его на груди. Затем, справившись с дрожью, тихо произнесла:

— Мой дорогой друг, завтра я отправляюсь в путешествие по округам. Тур Пламенной Речи, как его называет моя мать. Но перед этим, я подпишу все необходимые бумаги. Ты свободен. Возьми столько солнечного металла, сколько сможешь унести. Ты никогда не был моим рабом. Ты всегда был и будешь для меня самым близким человеком.

— Нет. Прошу, госпожа... Нет. Позволь мне остаться с тобой. Невидимой тенью, оберегающей тебя от ветра. Хранящим твой покой и твою жизнь на поле боя. Позволь умереть за тебя, но не отдать в его руки живой. Я не дам уничтожить тебя снова. Я просто не позволю ему это. Как бы я хотел сказать, что ты достойна иной любви! Но теперь я знаю, что нам не дано право выбора ни в чем.

Элика вздрогнула от изумления, когда колени мужчины коснулись пола. Но она не успела даже ничего сказать.

— Моя королева, во имя тебя я перехожу грань прошлого и настоящего, все это время удерживающую меня на распутье. Я отдаю тебе свою жизнь и свою преданность. Я клянусь оберегать тебя и быть с тобой — в той роли, которую ты сама великодушно мне назначишь. Я был слеп непростительно много зим. Позволь служить тебе и принести клятву верности. Я делаю свой выбор, но, если я его лишен... Просто молю, отдай мне приказ.

Тяжелое молчание повисло в комнате. Наконец, вздохнув, принцесса кивнула.

— Да будет так. На коронации я приму твою клятву. Ты воин света и хранитель моего спокойствия.

...Утро было ясным и ласково-теплым. Сопровождение будущей матриарх еще с рассветом было готово выдвигаться в путь.

Элика была великолепно. В доспехах из тонкой кожи черного цвета с щитками с инкрустацией солнечного металла, с легкой тиарой принцессы в черных волосах, с боевым мечом, лишенным изящных украшений — в бою они были не нужны, а демонстрационный вариант был отброшен из-за его непрактичности. Наслаждаясь легкой прохладой и свежестью нового дня, процессия выехала в путь. Первое выступление с речью Элика должна была дать на дворцовой площади. Несмотря на раннее время, она была уже заполнена нарядными горожанами, и стражам империи пришлось расталкивать их в стороны, образуя коридор, чтобы пропустить принцессу и ее свиту на возвышенную трибуну.

— Непобедимый и гордый народ Атланской империи! — громко заявила Элика, поднявшись на помост. — Сегодня я впервые обращаюсь к вам, мои дорогие соотечественники! Бег времени неумолим, и вскоре новая правительница займет трон Атлантиды согласно воле великого Антала! Все вы знаете, что я отмечена печатью его благословения. Но вовсе не напоминать вам о своем божественном пришествии в этот мир пришла я сегодня. Испокон века правительницы нашей империи были едины со своим народом. Ответьте же мне, мои братья и сестры, смысл нашего существования и оплот мощи империи! Желаете ли вы видеть на троне в качестве новой королевы наследную принцессу, которая сегодня явилась сюда выслушать ваш ответ и принять вашу волю?

Толпа взорвалась приветственными криками, но Элика уже успела выхватить среди людей скептически сжатые губы и сомнительно-оценивающие взгляды.

— Я не осуждаю никого из вас за ваше решение, — дождавшись тишины, продолжила Элика. — Каждому известно, что произошло со мной не столь давно. Границы Атланты осквернены, но не гнусной поступью разбойников из Черных Земель, которые уже вскоре будут стерты с лица земли нашими усилиями. Варварская Кассиопея, которую мы всегда уважали как суверенную державу, невзирая на различие менталитетов... Та самая Кассиопея, с которой не столь давно был заключен торговый союз, нанесла удар в спину великой Атланте. Ныне провозглашенный царь, на тот момент еще принц, поставил себя выше нас всех. Их ненависть к нашей империи перешла все допустимые границы. Я читаю в ваших глазах осуждение и, хоть меня это несказанно расстраивает, я прекрасно понимаю, о чем вы думаете. Обряд мести не свершился. Я предала доверие богов, не отняв жизнь проклятого нечестивца.

У меня нет тайн от вас, мои преданные и дорогие подданные. Я не могу вам солгать себе во благо, утверждая, что долгие дни моей неволи имели цель изучить противника и расстановку его сил. Нет. Я прошла чертоги Лакедона в его руках. Но каждый день, проливая слезы, но не склонившись чужой тирании, я ждала наступления того самого момента, когда мы с вами сотрем с лица земли эту обитель зла и неуважения. Когда заберем себе земли проклятого царя вместе с их богатствами и ресурсами. Когда его смерть ознаменует собой окончательную победу великой Атланты! Когда рекой потекут в нашу казну кристаллы слез пустыни. Когда мои подданные получат во владение обширные земли павшей державы, а налоги снизятся вдвое, и начнется пора восхождения и процветания. Ваше богатство и благополучие есть неизменным приоритетом грядущего военного похода. Моя месть будет свершена вместе с несметными богатствами, которые я дарую вам.

Поэтому, дорогие мои подданные, ответьте: дадите ли вы мне свое благословение на правление именем Антала?

...Таяли сомнения на лицах мало проинформированных имперцев, и так до той поры, пока не осталось в толпе сомневающихся и недовольных. Элика плавно несла народу свою волю и речь, отметив при этом и то, что умалчивалось столь долгое время.

— Мне известно, что дочери Атланты иногда пропадают без вести. Кто из вас потерял сестер, матерей, жен и дочерей, но не имел возможности добраться до трона матриарх Справедливой, дабы известить королеву об этом? Это непростительное предательство. Я не стану карать жестоко глав общин, которые хранили молчание, ибо они полагали, что действуют во благо. Но только до этой поры. Ваше молчание стоило мне неволи и плена. Но я прощаю вас сегодня. Антоний Мудрейший ведет прием во дворце, который открыт теперь для вас. Все, кто потерял близких и не знают ничего об их дальнейшей судьбе — явитесь к мудрому советнику и поведайте ему об этом. Мы сделаем все, что в наших силах, дабы вызволить наших сестер из неволи. И не допустим этого впредь! Но знайте: дальнейшее молчание будет стоить головы каждому. Потому что Атланта едина, и, как бы мы не хотели отрицать очевидное — мы не станем этого делать!..

...Мили пыльных дорог. Города. Округа. Тысячи незнакомых лиц. Предвзятость и неприятие, сменяющееся восторгом. Растущая слава великой королевы. Азарт боя и ожидание перемен. Это была ее империя. Ее народ. Ее Атланта, прозванная в летописях Непобедимой Атлантидой.

Новая королева была признана единогласно. А во дворце тем временем шла подготовка к коронации матриарх, получившей во время тура звание Непримируемой. Тщательно, спланировано — так же, как и подготовка великой армии, которую собирала Латима

Беспощадная, подготавливая Атланту к первому за долгое время военному походу, обреченному только на успех и победу....

Бескрайние мили дорог. Выверенный и четкий, невзирая на бесконечную усталость, диалог с подданными великой империи. Чаще — восхищение и почет, гораздо реже — сомнение и настороженность, которые предстояло сломать, расколоть на сотни тлеющих осколков, заливая в чистый сосуд людского сознания веру, надежду и уверенность в последующем выборе. И вот растерянное презрение и недовольство сгорает в пламени восторга и воодушевления, так сильно и тонко крушат эти недостойные эмоции слова будущей матриарх, юной девы с ликом столь прекрасным, что сам образ божественной Криспиды меркнет рядом. Те, кто не могли еще недавно простить ей пребывания в руках оставшегося в живых врага империи, со слезами на глазах выслушивали ее откровенную речь, совсем не приукрашенную домыслами, проникаясь невиданным ранее уважением — девочка выстояла, не сломалась и не умолчала о своих страданиях, выжила, чтобы вернуться во имя мести, превосходящей по беспощадности проступок царя Кассиопеи. Обещание несметных богатств вражеских земель подогревали обожание толпы, армия пополнялась тысячами добровольцев, готовых на все ради радикально настроенной принцессы. Дочь Лаэртии Справедливой не обманула их ожиданий. Изматывающий предвыборный тур дал свои немедленные всходы, в подлинности правомочий Элики на трон империи не сомневался больше никто.

Во многом обожанию народа способствовала также новая реформа — в Атланту вернулись сотни пропавших без вести женщин и юных девушек. Отыскать и вызволить удалось не всех, но многие были найдены, отбиты и выкуплены у врагов — варваров Черных Земель. С ними Элика собиралась безжалостно расправиться после взятия Кассиопеи, дабы не растрачивать силы для удара по этой линии фронта. Для каждого жителя империи факт похищения дочерей цивилизации перворожденных стал шоком. Их мир балансировал на грани, а они не имели смелости себе в этом признаться. Но теперь все будет по-иному. Ведь трон займет достойная правительница!

А во дворце шла подготовка к коронации. Прибывали высокочтимые гости со всех сторон империи.

Далан Тракийский с супругой леди Электрой прибыли одними из первых. Лаэртии уже было известно, что в качестве торжественного дара для своей дочери, помимо табунов чистокровных лошадей, двух богато инкрустированных царских колесниц и сотен новых уникальных стрел с восьмигранными наконечниками, тракиец отдавал ей свою военную поддержку в будущем походе — семь сплоченных легионов, состоящих из смелых и отважных солдат. У старшей матриарх не было сейчас никаких сомнений в его искренности. Жестокая участь, постигшая Элику, возмутила мужчину до глубины души. От своей супруги, от которой отказалась собственная семья, он знал, каким страданиям подвержены женщины в этой варварской Кассиопее. Да и сама рыжеволосая красавица Электра относилась с явным одобрением к предстоящим военным действиям.

— Я рада, что стала леди Тракии. Кассиопея предала мое имя забвению, только потому, что мужи нашего клана не смогли защитить меня на поле битвы, и я оказалась в плену. Оправдывая свое бессилие, они бросили меня на произвол судьбы, заклеив печатью бесчестия. Поэтому ничто теперь не связывает меня с моей родиной, — гордо ответила она на дипломатично корректное соболезнование Лаэртии.

Царь Искандер, правитель Озерии, привез в дар большие слитки солнечного металла. Мирная страна не предлагала своей военной помощи, но дала клятвенное обещание выволить из рабства всех атланток, которые оказались купленными на рынках — то ли по незнанию, то ли из-за тяги независимого народа к экзотике. А кроме этого — не учинять никаких препятствий добровольцам, решившим присоединиться к армии Элики Непримиримой.

Император Спаркалии Фланигус сослался на тяжелую политическую обстановку в своей империи. Впрочем, приглашение на коронацию было всего лишь формальностью — он давно перестал быть желанным гостем в Атланте. Его дары будущей королеве как нельзя лучше подтверждали его отношение к империи гордых амазонок: отрезки шелкового атласа и обилие драгоценных украшений. Лаэртия сжала пухлые губы, скрывая ярость, Латима нейтрально высказалась об узколобости мужчины, чья непримиримая любовь едва не стоила ей жизни. Знал ли жестокий и себялюбивый император, что не угасающее чувство к прекрасной, но не менее жестокой и беспощадной атланке было взаимным? Скорее всего, нет. Латима жила с этим чувством долго, игнорируя приглашения на переговоры и иные провокации. Справедливая не могла ее осуждать за это, хоть и не всегда понимала мотивы таких поступков.

И лишь прибывшая прошлой ночью во дворец виновница торжества, скинув пыльные латы прямо на мрамор пола зала Совета Десяти под потрясенным взглядом дворцовой охраны и Антония, в чем мать родила, приблизилась к усыпанному побрякушками из золота и металла Фебуса столу, и, взвесив их на ладони, заливисто расхохоталась.

— О, да тут хватит на изготовление цепких, неуязвимых для стрел и копий доспехов для каждого воина нашей армии! Бесподобно! Аве Фланигус! Несущие смерть Кассиопее приветствуют тебя!

После чего, перебросившись парой слов с матерью и полководицей, приняла горячую ванну и уснула, не имея сил спуститься к гостям.

Утро следующего дня, знакового для Атланты, выдалось прохладным и дождливым. Словно сама природа оплакивала первую надвигающуюся войну под предводительством империи, известной своей тягой к дипломатическому регулированию любых споров. Элика впервые за долгие дни своего предвыборного путешествия выпалась и пребывала в прекрасном настроении. Косые атаки дождя рождали в ее душе чувство непонятного торжества — холодные, прозрачные, жалящие под порывами ветра, так похожие на те, что поливали Кассиопею животворительной влагой в тот момент, когда сомкнулся на ее шее рабский ошейник, и впервые из боли, страдания и унижения подняла голову жажда мести. Криво усмехнулась, выжидая своего часа, позволив своей создательнице наслаждаться в последствие иными радостями в руках раскаявшегося, но врага, под такими же поцелуями дождя. Все это было в прошлом. Скоро они снова встретятся, в пылу битвы, и все прошлые горести и радости уступят перед беспощадным кровопролитием, жаждой изголодавшейся мести и стремлением выжечь, вытравить из сердца и памяти ненавистный образ правителя презренной Кассиопеи.

Лучшие массажисты дворца под руководством Шиа растирали кожу принцессы ароматными маслами, мастера причесок заплетали блестящие черные волосы в причудливые косы. Элике также красиво подвели ее колдовские зеленые глаза, от чего они, казалось, полыхали загадочным огнем, нанесли сок ягод страсти на пухлые губы, прописали причудливый рисунок на предплечье правой руки — своеобразный амулет, дающий

покровительство богов. Бесподобное платье, непостижимым образом сотканное из серебристых нитей, словно подсвеченное светом ночного Фебуса, оставляло открытыми плечи, облегалo грудь, талию и бедра, расходилось густым длинным шлейфом, открывая красивые ноги. Длинное ожерелье из слез пустыни и браслеты, усыпанные такими же кристаллами, довершали образ.

Появление юной без четверти меры масла матриарх в тронном зале вызвало непередаваемый ажиотаж. Смесь восхищения, одобрения и даже эйфории. Элика плыла по мраморным плитам, гордо подняв голову, лучезарно улыбаясь каждому из гостей, находя для всех пару теплых слов.

Дождь обволакивал потоками стеклянный купол дворцовой залы, отчего пришлось зажечь факелы. Те самые, которые Эл довелось увидеть в тайной лаборатории, таинственная разработка ее отца. Она не собиралась скрывать свидетельство нереальной мощи империи под семью замками.

Коронационная церемония началась. Выступила с торжественной речью Лаэртия Справедливая, облаченная в прекрасный наряд, в отличие от дочери — золотого цвета. Обряд благословения новой королевы на долгие годы правления, лишённые бед и препятствий, был завершен. Преклонив колени перед народом, чьи интересы клялась блюсти выше собственных стремлений, Элика получила официальный титул Матриарх Непримируемая. Под громогласные аплодисменты приняла тонкую тиару королевы из рук матери. Принцесса Элика навсегда распрощалась с прошлым титулом. За теплой, чарующей улыбкой новой правительницы еще никто не видел кровопролития, пылающей земли и тьмы смерти. Но, если бы даже и увидели — ничто не могло лишить ее теперь всенародного признания и обожания.

В торжественной тишине, восседая на троне подле Лаэртии — она не лишила мать прежних полномочий, благоразумно оставив ее править в империи на время своего похода на Кассиопею, — Элика взяла заточенный золоченый стилос. В одно мгновение, выверенным, почти роковым движением, не дрогнувшей рукой была подписана декларация, объявляющая военные действия для Кассиопеи. Первый закон юной матриарх вступил в силу. Так же спокойно она завизировала письмо для Кассия, полноправного правителя вражеской империи. Гонец отбыл в путь еще до того, как высохли чернила на папирусе.

И именно в этот момент, словно благословляя это действие, густая пелена свинцово-серых облаков внезапно разорвалась на части, пронзенная лучом дерзкого полуденного солнца, и сквозь стеклянный купол в тронный зал ворвалось золотое сияние. Разноцветная дуга Сходней Криспиды полыхнула буйством красок в дождливом небе, вызвав изумленный возглас толпы и священно-благоговейный ужас на их лицах.

— Благодать Антала, одобрение Криспиды! — шептались гости и придворные, с восхищением кланяясь юной королеве

— Матриарх избрана богами и благословенна! — громко сказал Лэндал, заряжая толпу этой верой, вызванной небывалым знамением.

Миг, и только. Рваная кромка облаков поспешно воссоединилась, померкла дуга Криспиды, и флегматично-равнодушные стрелы дождя хлынули с загрузивших небес, оmyвая купол дворца.

Несколько указов, требующих немедленного подписания, ожидали росчерка пера. Разрыв дипломатических сношений с Кассиопеей. Запрет на вхождение в воды и на земли Атланты. Закон о тотальной мобилизации. Звучало это угрожающе, но народ империи

добровольно примыкал к когортам воинов. Еще ряд указов, один из которых предрекал карательные меры для тех старейшин и чиновников округов, кто недолжным образом будет информировать королеву о состоянии дел в империи. В частности это касалось исчезновения девушек по всей державе.

После подписания официальных бумаг начался пир. Элика пригубила лишь кубок игристого черного вина, стремясь сохранить ясную голову.

— Моя королева! — незаметно приблизился Лэндал. Он выглядел слегка растерянным.

Рассмеявшись, Элика, как и полагалось по дворцовому церемониалу, протянула ему ладонь для поцелуя, прогнав на миг воспламенившую кровь ассоциацию — пальцы Кассия, ощущение теплой кожи под ее собственными губами. Затем, не сдержавшись, радостно заключила брата в объятия.

— Лэн, я, наверное, долго не смогу к этому привыкнуть! Наедине ты продолжишь звать меня Эл. Договорились?

Сожалея, что не может сбежать вместе с сестрой из пиршественной залы, принц держался с соответствующим случаю королевским достоинством. Со стороны казалось, что они обсуждают его недавнее назначение. Но эти аспекты они договорились обсудить в зале Совета Десяти с раннего утра.

— Сестра этого варвара уже почти освоила арбалет! — потрясенно признался Лэндал. — Ее не занимает ничто, кроме оружия! Оливия сравнивает ее жажду знаний и умений с твоими! А на днях она мне призналась, что не хочет возвращаться в Кассиопею. Даже плакала. Просила оставить ее здесь, потому что там ее не ждет ничего, кроме ужаса брака по расчету!

— И ужасов войны, — согласно кивнула Элика, злорадно улыбаясь. Ее план удался. Вкусившая свободу истинных свободных женщин, Вирсавия даже не расстраивалась по поводу скорой смерти своего горячо обожаемого братца.

Ксения Несравненная радовалась новому титулу младшей сестры с искренним восторгом. В душе она предвкушала пополнение своего гарема кассиопейскими красавцами с телами богов. Ее опасения не подтвердились. Элика не сломалась, наоборот, возродилась, словно из пепла, для того, чтобы переписать историю по своему подобию и отомстить за свое унижение!

Пир завершился глубокой ночью. Прекрасная, как ночь, Латима Беспощадная, в красном платье из лассирийского шелка, сообщила, что Дарк принес присягу на верность Атланте и изъявил желание биться до конца против Кассиопеи на их стороне. Под его чутким руководством особо способные воительницы из легиона пантер освоили кнут, к тому же, он доверил полководице особо ценные сведения. Например, о том, что на территории дворца царицы Астарты находится подземная разветвленная сеть карстовых пещер, издавна используемых для эвакуации населения, внезапного нападения и хранения оружия. Они имеют выходы, как к морю, так и к подножию Скалистой Гряды, что находится в трех милях от Лассирии. План военного похода с учетом новых данных был откорректирован, и теперь можно было не опасаться внезапной атаки противника буквально из-под земли. Латима получила даже перечень легионеров войска Кассия, которых легко можно было при желании перекупить золотом или же заманить в ловушку обещанием вознаграждения. Армия царя Кассиопеи уже тогда была ослаблена амбициями и жадностью каждого отдельного воина. Злорадство Элики правило бал. В погоне за собственным тщеславием и эгоизмом он распустил свои военные силы непостижимым образом.

Ранним утром новопровозглашенная королева собрала свой первый военный совет. Воодушевленная скорым походом, Латима была свежа и энергична, словно не было бессонной ночи и пира до самого рассвета.

— Тридцать восемь легионов, оплот и слава великой атланской империи! — провозгласила великая полководица, расстелив на мраморном столе огромную военную карту. — Расстановка сил: тридцать шесть тысяч пехотинцев, из которых: численность отборных лучников — три тысячи пятьсот сорок восемь человек. Конница многочисленна. Окончательное формирование фаланг не завершено, но это будет эквивалент двадцати тысяч, остальные коррективы при необходимости будут внесены на местности. Транспортировка метательной техники не представляет труда, так как усилиями наших ученых обеспечена ее компактность при перевозке. Мною разработаны четыре альтернативные техники построения наших войск.

Определяющим первоначально станет бой при Лассирии. Если мы прорвем блокаду в ближайшие круговороты солнца, у нас будет достаточно времени, чтобы провести разведку на местности, занять и укрепить основные выгодные позиции на подходе к Кассиопее и заняться воздвижением форта ранее, чем нам смогут в этом помешать. Кассиопейская экспансия Лассирии должна быть прекращена окончательно, иначе мы рискуем получить слабый, но малоприятный удар в спину. Законы чести, моя королева, для них пустой звук.

— Волей местного божества Эдера, как мне стало известно, предписано безоговорочное соблюдение законов чести лишь в том, что касается предвоенных переговоров. В этом народы всей земли едины. Во время переговоров в разгар боя складывается оружие, пока не будет достигнут консенсус, либо же, в случае отсутствия договоренности, представители сторон беспрепятственно покидают плац договоренности. Выстрел в спину, нападение, попытка захвата заложников недопустима. Так было веками! — поведал Антоний. — Божественный закон касательно визита Амбитора (аналог Парламентера, — по негласному, но чтимому закону военного времени жаждущий переговоров представитель правителя имеет право беспрепятственно явиться в лагерь неприятеля для переговоров. Ему обязательно гарантируется право на возможность высказаться и впоследствии, независимо от результата, покинуть лагерь целым и невредимым). — Соблюдался веками. Это, пожалуй, единственный случай, когда они будут чтить глас божества.

— Но никто не мешает нам держать их под прицелом в случае неоправданно резких движений, — хитро заметила Элика. — И вряд ли у нас выйдет договориться. Но иногда это бывает даже забавно, а не редко — информативно.

— Наиболее вероятные места нашей дислокации обозначены здесь, — Латима уверенно делала пометки на карте. — В случае "построения Фебуса" (формирование войска таким образом, что оно отражает атаку противника, сжимая его по обоим флангам подобно серпу рождающегося месяца) мы сможем взять под контроль всю их военную пехоту, но придется удвоить силы в связи с их скученностью. При "посохе скитальца" (построение в шеренги от двадцати до сорока с боковыми флангами с менее численным войском) мы сможем добить их распавшийся строй, но это займет на порядок больше времени, и вероятность потерь высока. Но преимущество — абсолютный разгром. Техника "клещей" применима лишь в случае их открытого рассредоточения. Мы будем действовать на местности, только определив, какой тактики они намерены придерживаться...

Лэндал, выслушав Латиму, выдвинул несколько смелых идей касательно захвата выходов карстовых пещер. План военного наступления почти обрел заверченный облик;

оставалось лишь объективно отреагировать на саму ситуацию после захвата Лассирии, благо, стратегия и тактика в ответ на любое действие противника была продумана до малейших деталей.

...Потянулись быстротечные круговороты до открытого наступления. Армия Атланты пополнялась добровольцами с окраин всей империи, Латиме удалось улучшить первоочередные планы благодаря предложению Далана Тракийского выступить в поход на их стороне со своим войском. Только откровенно глупые не понимали, что у Кассиопеи не было ни малейшего шанса выжить. Ученые лаборатории подготовили к компактной и безопасной транспортировке Взгляда Смерти, который в случае самых невероятных, но все же предвиденных на всякий случай обстоятельств был призван поставить завершающий акцент в этой войне.

Кассиопея приняла вызов. Да и был ли у нее выбор?

Перед началом военного похода Элика вместе с Латимой и Лэндалом посетила племя антиквов. Вождь Артебий принял юную королеву с почетом и отеческой теплотой, благословив их военный поход, предрекая почет и славу, а так же скорую и безоговорочную победу. Матриарх Непримириная привезла щедрые дары племени бывших кочевников, ныне нашедшим свою обитель на земле Атланты, приняла семерых сильных следопытов в свою свиту.

— Жива ли высокочтимая прорицательница Эрта? — осведомилась королева. Получив утвердительный ответ, поспешила в ее шатер со щедрым даром ограненных слез пустыни. Провидица ждала ее. Элика, присев на колени на шкуры шатра, сжала дряхлые руки говорящей с духами.

— Ты предрекла мне путь, изменивший мою жизнь до основания. Я познала заточение в чертогах Лакедона, и, о, милосердная Криспида, оно было сладким и горьким одновременно. Ты знаешь, что ровно спустя круговорот солнца мы отбываем в военный поход. Ибо согласно воле богов, только пламя сотрет тиранию приспешника бога Тьмы. Поведай же мне грядущие тайны, о, великая провидица! Смогу ли я выиграть этот бой, не положа на алтарь Лакедона сотни своих соотечественников? Свершится ли месть во имя Антала, не пронзит ли меня сталь клинка недруга и сеть ловца на поле брани?

Тепло улыбнувшись, старушка сжала ладони Элики в своих, полились бессвязным потоком слова заклинаний. Девушка закрыла глаза. Долго ждать не пришлось — уже вскоре ее сознание заполнили яркие образы, сменяющие друг друга.

Тьма ночи, звон клинков, крики раненых, липкая, чужая кровь на ее коже. Сотни павших вражеских воинов вокруг — и непонятное ощущение скрытого уважения к мужеству врага, ее пальцы, опускающие им веки на пути в небесные чертоги. Азарт боя и победы, который сжигает кровь, унося все выше... И вместе с тем...

Жар кожи, соитие обнаженных тел, боль в натянутых волосах, такая долгожданная и желанная, возносящая к непередаваемой эйфории и ощущение бесконтрольного полета над бездной. Горячий поцелуй и послевкусие чего-то неотвратимого. Элика задрожала.

Эрта с изумлением смотрела на нее. Матриарх недоуменно встретила взгляд провидицы, вздрогнув, когда та ловко обхватила ее запястье, задев сухими пальцами небольшой шрам чуть выше кисти.

— Нет, воля Антала идет вразрез с твоим стремлением! Связанные узами крови едины, смерть бежит от этого союза, сломя голову, не ищи ее, не пытайся донести до твоей иной сути, до твоей половины, чья песня крови звучит в твоих жилах! Никогда тебе не познать

смерти, и ему тоже, вы связаны навек, невозможно избежать!!!

— Эрта, — вздохнула Элика. Неужели провидица тронулась рассудком, что несла такую несуразицу? — О чем ты говоришь? Чья песня крови?!

— Воин света и стихии рядом, положивший к ногам свое сердце, но не знать ему твоей любви, ибо сердца слились с иным воином в единении крови навеки! Ибо лишь для него пылает твое пламя, лишь его призывает твоя душа независимо от твоих стремлений, и мучительно медлить и ждать, отгородившись огнем и стрелами, что минует вас участь вечного объединения! Дрогнет твоя рука, ибо смерть одного из вас ведет к смерти другого в тот же миг... Не допустит этого перст Священного Антала! Не знать тебе иной любви, кроме его чувства, не желать тебе иной судьбы, кроме принадлежности лишь ему, тому, кто, презрев свою веру, однажды отнял тебя у цепких объятий неминуемой смерти ценой своей крови! Он дарующий жизнь и несущий тьму, но не тебе бежать и скрываться от него, ибо боги все решили заранее!

— Но я никогда... — Элика сжала виски. — Это невозможно! Спасибо, Эрта. Война будет выиграна, я узнала, что хотела. Спасибо тебе.

— Узы крови, узы чувства, и ты можешь говорить с ним на огромном расстоянии, и никакая беда не коснется тебя, ибо его кровь хранит тебя навечно! — визгливо выпалила провидица вслед изумленной, но скептически настроенной матриарх.

А спустя три дня, с восходом солнца, военная армия под предводительством королевы Непримируемой, ее единоутробного брата и полководицы, получившей титул Беспощадной, начала свой триумфальный путь к Кассиопее.

Путь смерти и победы. Путь мстителей и завоевателей. Путь воинов.

— Много горожан отбыли с рассветом к берегам Спаркалии? — смочив пересохшее горло ключевой водой из граненого именного кубка, осведомился Кассий, царь Кассиопейской империи.

Жажда действия обуревала мужчину, но, сохраняя лицо, он по-царски восседал на троне, выслушивая доклады полководца, легата и других чиновников. План по спасению мирного населения сейчас достиг апогея своего воплощения.

— Семьи кланов Артанов и Схоласта уже отбыли. Кратуллы отправили женщин и детей, как и большинство достойных мужей, чтобы вскоре взять в руки мечи, — Домиций Лентул выглядел утомленным. — Спустя три круговорота солнца мирные жители покинут столицу. Мирные аграрии едва не подняли бунт.

— Каким образом?

— Урожай. Пора сбора. Не хотят покидать свои владения и оставлять все на милость врага.

— Так поясни им популярно, что атлантам плевать на их корнеплоды и плоды цитринов! Если им удастся прорвать оборону, Непримируемая не станет разбираться, воины перед ней или мирные землепашцы! Это не шутки! На нас идет войной великая держава, и шансы выстоять относительны. Я забочусь о благе своего народа, но, похоже, они не понимают очевидных вещей!

— Слушаюсь, повелитель, — спокойно отозвался Домиций.

— Подожди, — Кассий поднялся, окинув взглядом зал. — Доблестные братья, дайте мне ответ. Ваши жены, сыновья — младенцы, матери, сестры и дочери покинули столицу?

Нестройный хор голосов. Да, отбыли еще до рассвета. В безопасности

— Дом, а ты почему промолчал?

— Повелитель...

— Отвечай. На что рассчитывает леди Керра?! Что ей удастся благодаря благосклонности Эл выжить в этом аду?! Подруги до скончания мира?! Объятия и распитие женского вина на костях моих людей?! Это не та Элика, которая льнула к ней в поисках отрады и совета! Да она без смущения перережет ей горло, если это позволит выбить тебя из строя! Заставь ее уехать, или, клянусь, я нацеплю на нее ошейник рабыни и силком кину в трюм одного из кораблей! Если не хочет жить, пусть хоть тебя этим не расстраивает!

— Касс, позволь ей остаться. Это ее решение. Ты же знаешь, что у нее есть дар говорить с миражами. И Непримируемая не посмеет причинить ей вреда. Прощу тебя... Мой царь.

Кассий встретил его взгляд.

За несколько напряженных круговоротов в ожидании войны усталость и апатия от неразделенного чувства словно покинула его. Казалось, предвкушение неизбежного зарядило правителя неумемной энергией, которая передавалась всем вокруг. Морщины усталости вокруг ледяных глаз разгладились, черты заострились, придавая лицу властную невозмутимость, даже плечи стали шире, результат ежедневных длительных тренировок.

Он знал о предполагаемой численности атланской армии. Он знал также и о том, что выстоять против них у него никаких шансов. Но никто из окружения не видел этих сомнений. Они словно загорались на его не на чем не обоснованной вере в победу и бесстрашии. Даже спасательную миссию по эвакуации женщин и детей в готовую оказать помощь Спаркалию провел словно играючи, доверительно заявив воинам на плацу:

— Развлечемся, братья? Чтобы жены не терзали наш боевой дух в предстоящей схватке! И не путались под ногами, позволяя врагу использовать против нас же нашу слабость!

Спаркалия предлагала боевую поддержку с моря, но затребовала за свою помощь копи слез пустыни. Кассий отмахнулся о них. Стервятники! Слишком многое возомнила о себе империя Аларикса Фланигуса. Но решительным отказом не ответил, понимая, что, вероятно, атланские захватчики не оставят ему никакого выбора.

Когда военачальники во главе с легатом покинули тронную залу, Кассий снова обратился к главному полководцу и своему первому советнику.

— Домиций, брат мой, — наедине он мог позволить себе отступление от субординации. — Бунт был подавлен? Или еще остались те, кто утверждает, что я втянул Кассиопею в войну в угоду своим чувственным желаниям?

— Истреблены все зачинщики, Касс, — Лентул опустил на скамью. — Но зреет новый протест. Культ служителей Лаки не собирается покидать столицу под угрозой смерти. Если раньше Эдер был везде, в каждом храме, сейчас деятельность почитателей Тьмы стала слишком явной.

— Пожалуй, мне стоит выступить с речью. Мы должны сплотиться перед нависшей над империей угрозой, а не разрываться междоусобными конфликтами!

— Твой указ о захвате матриарх живой тоже смутил многие умы, — с сожалением сказал Лентул.

— Эти умы не столь сильны, раз уж не видят в этом выгоды! — сжал кулаки Кассий. — Любую, даже самую сильную армию всегда нужно лишить вожака! Но не посредством его смерти, нет. Они сами сложат свое оружие, когда Эл попадет ко мне в руки!

— Многие считают это твоей блажью и желанием заполучить экзотическую заложницу совсем для иных целей.

— Значит, стоит им пояснить мои истинные мотивы. Домиций, сделай сегодня объявление. За ее голову назначена очень большая награда. Она должна быть схвачена живой! Только тогда ее братец и эта сука Беспощадная умерят свой пыл!

— Как скажешь, мой царь, — поклонился полководец.

— И еще. Вели сегодня же обрушить своды подземных пещер. Я не могу рисковать — вдруг им известно об их существовании? Этим мы решаем две проблемы одновременно. Исключаем возможность дезертирства, и оставляем себе выход к морю, блокируя пути к горному хребту. Выполняй!

Когда шаги советника затихли вдали, Кассий медленно поднялся и вышел на широкую лоджию. Когда-то он так горячо целовал здесь ЕЕ, и косые струи дождя молчаливо благословляли этот невозможный, казалось бы, союз.

Погладив свернутый кольцом кнут, висевший на поясе, Кассий беспощадно ухмыльнулся своим мыслям.

— Скоро, коронованная сука, скоро...

Небольшое государство Лассирия, суверенная, независимая держава площадью всего в двадцати окружных миль, пала ниц перед экспансией Кассиопеи еще при правлении царя Актия. Такова участь всех мирных земель, лишенных поддержки союзников и численности войск. Ныне почивший вождь Лассирии Оригатон в свое время миролюбиво, но решительно отверг пропозицию матриарх Справедливой о заключении пакта на присоединение этой земли к величественной Атланте. Дважды матриарх обычно не предлагала своей защиты, так и случилось на этот раз. Производство шелка, которым славилась Лассирия, практически не входило в круг ее интересов. Иное дело оружие, корабли и новые технологии во всем, что могло упростить быт атлантов и приумножить их величие!

Лаэртия нейтрально наблюдала, как быстро взяла Кассиопея эту приближенную державу в кольцо, установив там свою власть. Единственное, что сделала — это доходчиво пояснила Актию, что в случае даже элементарного посягательства на границы Атланты или запретов торговли в Лассирии, как и излишних репрессий в отношении мирных горожан, заставит его жестоко пожалеть о своем невмешательстве в военный захват. Оригатон спустя время тайно удостоился аудиенции матриарх, но Лаэртия решительно отказала в помощи. Иногда стоило быть жесткой и непримиримой. После его гибели во время восстания больше никто не пытался восстать против кассиопейской власти. Такой порядок вещей не доставлял ни малейшего беспокойства Атланте; они покупали у них прекрасные лассирийские шелка, пользуясь тем, что Актій, возвысив налоги, установил для Атланты гораздо более заниженную цену — в отличие от сына, он испытывал к белокурой королеве уважение и симпатию, понимая, каким сильным противником она бы могла стать, настрой он ее словом либо делом против себя.

...Была глубокая ночь, когда многочисленное войско новой матриарх великой Атланты, Элики Непримиримой, достигло места назначения. Еще при правлении Актия была выстроена высокая гранитная стена, кольцом охватившая павшее государство, зажатое между Атлантой и Кассиопеей. Металлические ворота венчали эту неприступную цитадель, но не столь крепок был этот металл, чтобы не покориться тарану. Предположения Латимы оправдались — захваченная Лассирия не отнеслась серьезно к атаке атлантов, вернее, Кассий не счел нужным бросать свои силы на укрепление экспансированной державы, сосредоточив оплот военной мощи в Кассиопее.

Несмотря на усталость, вызванную суточным походом, армия находилась в азартном ожидании, предвкушая первый бой. Лагерь был разбит за короткий временной отрезок, выставлены дозорные в ожидании рассвета и начала боя. Сама матриарх не стала почивать на мягких шелках — заставила арьергард лучников и пехоту облачиться в неуязвимые для стрел латы и шлемы, спасибо Фланигусу и его драгоценным дарам, обменянным на амуницию. Сама приготовила в походном котле черный эликсир из лучшего сорта кофейных зерен, которые раньше подавались исключительно к королевскому столу, — боеспособность армии поднялась до заоблачных высот.

Рассвет не застал их врасплох, как и готовность армии кассиопейского наместника. Не вступая в переговоры, прокравшись на закрепленные башенные позиции, лучники обрушили первый град стрел, моментально отрикошетивших от широких щитов атлантов. Копьеносцы уложили первых нападающих выверенными ловкими ударами. Не имея возможности

удержаться на ногах, они падали по обе стороны стены, оглушая кровавое утро криками и наполняя прохладный воздух запахом крови.

Отправляя солдат на верную смерть, сам наместник и командирский состав не спешили бросаться в омут головой. Неуважение, трусость, глупость — Эл было плевать на их мотивы. Они не заслуживали иной участи, кроме смерти.

До зенита солнцестояния атланская армия уничтожила почти три сотни лучников. Их же потери были эквивалентны трем — одной из Пантер вражеская стрела пробила незащищенную шею при перезарядке арбалета, а двое копьеносцев на передовой самонадеянно сорвали шлемы, когда под прицелом беспощадного солнца пот начал застилать им глаза. Вражеские лучники только этого и ждали, уложив их на месте. Доведенная почти до безумия обилием смертей и численным превосходством противника, армия немногочисленных кассиопейцев была близка к панике.

Появление наместника и семи офицеров на зубчатой стене было делом недолгого времени. Уже оглушительно звенел титановый таран, расшатывая металлические ворота, под прикрытием щитов — тактическое изобретение Латимы Беспощадной, прозванное "Кожа Саламандры". Ни копья, ни стрелы не причиняли никакого вреда. Да и запас чужого вооружения неотвратимо таял.

Тогда кассиопейцы пошли на крайние меры, в которых не было ничего от чести. На войне, по их пониманию, были все средства хороши.

— Непримируемая! — подняв усиливающий мощь голоса рог из океанской раковины, провозгласил наместник Старкул, крупный от сытой жизни и возлияний мужчина, в котором не было ни намека на стать воина. — Я намерен говорить с тобой!

Флаг минутного перемирия натянули с трудом. Элика неохотно велела приостановить атаку. Приняв из рук Латимы подобный витой рог, но из металла, делающего голос еще более громким и устрашающим, королева, изогнув губы в беспощадной улыбке, поднесла его к губам.

— О, никак это великий воин Старкул, мастер сминания шелковых покрывал и роскошного чревоугодия! Что же заставило тебя так поздно засвидетельствовать мне свое почтение? Звон мечей и крики павших, что потревожили твой глубокий сон?!

В толпе раздались смешки и аплодисменты, восхваляющие остроумие матриарх. Сама же Эл могла поклясться, что улыбнулись даже двое из кассиопейских офицеров на стенах башен.

— Я не позволю вам войти в город! — запинаясь от оскорбления, прорычал кассиопеец. — Ты, женщина, любишь детей! Пойдешь ли ты по их телам, Непримируемая?!

Приложив ладонь к глазам, чтобы защититься от ослепляющего солнца, Элика взглядела в фигуры врагов. И только сейчас заметила, что возле каждого из них мелькали детские фигурки. Ветер донес перепуганный плач.

Арктический лед прошиб позвоночник Элики при виде подлой жестокости кассиопейцев. Они не перед чем не собирались останавливаться в отчаянном стремлении спасти свою шкуру! Боль и страх перепуганных детей ощущались кожей даже на расстоянии в восемь метров, семь из которых занимала высота стены укрепления. Сжав зубы, матриарх гордо выпрямилась в седле.

— Что ты намерен делать, трусливый шакал?

— О, а королева-то теряет свое величие, когда дело касается мирного коренного населения! — торжествующе изрек Старкул. Его мерзкое хихиканье напомнило смех

гиены. — Одна стрела, и один из лассирийских ублюдков отправится в свободный полет с этой стены! И поверь, их тут наберется предостаточно! А потом дойдет очередь до женщин. Надеюсь, ты получишь удовольствие от представления не меньшее, чем от жезла нашего царя!

Проигнорировав оскорбленный ропот в сплоченных рядах, девушка храбро поинтересовалась:

— Не боишься ли ты, Старкул, что при взятии города я та же точно поступлю с твоими детьми и супругой?

— Ты не войдешь в стены столицы! Зато их оборвавшиеся жизни будут на твоей совести.

— Не трогай их, — королева, отрешенно вздохнув, приложила ладонь ко лбу. — Я готова к переговорам.

— Эл! — забыв о правилах субординации, потрясенно выдохнул Лэндал. Недоумение промелькнуло даже на каменном лице Латимы. Юная матриарх опустила рог. Была ли она готова к подобному повороту? Более, чем. У кассиопейцев понятие чести страдало, и, если она намеревалась победить, ей следовало моментами влезть в их шкуру, чтобы осознать мотивы поступков и сыграть по их правилам... Или же их отсутствию.

Не убирая ладони ото лба, она кинула быстрый взгляд на Беспощадную.

— Дарка сюда! И тех десятерых Пантер, что не так давно под его руководством освоили владение кнутом!

Приказ незаметно прошелестел по шеренге воинов, а сама Эл жестами велела сделать несколько шагов назад, затем вновь подняла рог, оглядывая вершины угрожающе безмолвных, не считая плача детворы, стен.

— Твои требования, Старкул — наше отступление?

— Именно! Убирайся отсюда, прошли времена, когда вы могли так просто захватить Лассирию! Если будешь упорствовать — получишь пустую державу, ибо я истреблю всех перед твоим вторжением!

— Ха, ты полагаешь, мне есть до них дело? — внезапно делано, а от того еще более угрожающе расхохоталась королева. — Если вместе с этим я накормлю Лакедона кровью кассиопейских нечестивцев, это не столь большая цена за победу! Лучники!

Не успел наместник Лассирии осознать сказанное, как ловко выпущенная стрела, сверкнув вспышкой в луче солнца, чуть ли не до основания вошла в его лоб. Но, видимо, за миг до смерти он все понял и все же успел столкнуть фигуру ребенка в белом вниз.

Элика не раздумывала ни секунды. Кнут с оглушительным свистом взметнулся ввысь, миг — и захлест "ласкового касания" обвился вокруг тела мальчика всего в двух метрах от земли. Тотчас же усилие кисти матриарх моментально развернуло опутанное лассо детское тельце, вновь подбросив в воздух, описав дугу в противоположную сторону — первая шеренга солдат, рассредоточившись, отставила щиты, приняв на себя вес ребенка. Трое, не устояв на ногах, все же повалились на землю — хоть они и молниеносно среагировали, поняв намерение королевы, времени все же было мало для более безупречной тактики. Но тотчас щиты сотоварищей сомкнулись над ними. Спасенного мальчишку освободили от захлеста, и Эл поспешно потянула кнут обратно, в броске сложив его втрое.

На укрепленной стене началась паника. Кассиопейцы просто опешили от ловкого маневра их главного врага, наверное, даже больше, чем от гибели наместника Старкула.

— Лучники, удар! — закричала Эл. — Стрелять на поражение, беречь детей!

Тотчас же град стрел из арбалетов лучших воительниц империи обрушился на дезориентированных вражеских воинов. Постигшие искусство нового для Атланты оружия десять Пантер под предводительством великолепного Дарка заняли позиции у подножия крепостной стены, ловко защищаясь щитами от града пущенного почти наугад, вслепую, вражеских стрел. Лассирийские детки, оценив ситуацию, с визгом бросились наутек, один из них, особо смелый и отважный, прыгнул на спину кассиопейского офицера, вонзив тому в шею зубы. Уже раненый в плечо и колено двумя стрелами, тот с безумным ревом перекинул ребенка через голову, но паренек не успел пролететь даже метра — кнут Дарка нашел свою цель, захлестнув в воздухе и отбросив по замедленно выполненной дуге в ряд готовой принять на себя пехоты. Да, кнут причинял сильную боль, на детских телах неминуемо останутся шрамы, которые будут сходить долго, но это была незначительная цена за жизнь!

Большинство детей-заложников боя разбежались, еще трех поймали захлестами Дарк и две Пантеры. Не прошло и пяти мгновений, как все кассиопейские офицеры были истреблены, практически не причинив вреда армии Элики Непримируемой. Погибших больше не было — лишь раненые, но ранения не были столь серьезными, еще одна воительница копьа вывихнула плечо в попытке поймать первого из спасенных лассирийских мальчиков. Но, не закричав и не поморщившись, с улыбкой позволила Латиме вправить предплечье в сустав. Лишь крупный пот и временная бледность выдала ее настоящие страдания.

К сожалению, одну из лассирийских девочек спасти не удалось — захлест Пантеры сорвался в тот самый миг, когда слепая стрела поразила ее руку выше запястья. Хоть груда погибших вражеских лучников и смягчила падение, древко копьа, торчащее из беспорядочно сваленных тел, пробило ее грудную клетку.

Элика под охраной копьеносцев в кольце из щитов подняла истекающую кровью малышку на руки. Слезы застили ей глаза, когда девочка, посмотрев на нее, слабо улыбнулась, узрев лик невиданной красоты, явившейся спасти ее родную землю от гнета Кассиопеи. Лекарю хватило беглого взгляда. Его плечи поникли, и он с сожалением покачал головой, давая понять, что спасти невозможно.

— Моя храбрая малышка, — сглотнув предательские слезы, ласково прошептала королева, стараясь не замечать, как пропитывается горячей детской кровью ее кожаный корсет. — Не бойся... Ты знаешь, тебя ждут уже. Антал все видел и шепнул мне, что сделает тебя своей самой приближенной воительницей... Ты станешь такой, как я! Там хорошо. Там дуют ласковые ветра, никогда не бывает палящего зноя и жалящих ливней, а воздух так упоительно свеж... Там никогда не дуют шквальные ураганы и небесный огонь никогда не воспламеняет прекрасные деревья, на которых зреют сочные плоды, дарящие покой, силу и величие... Сам бог добр и великодушен, ты обретишь в его лице брата и друга!

Малышка с такой же грустно-восхищенной улыбкой приоткрыла губы, намереваясь что-то сказать, убаюканная теплыми и ласковыми словами, казалось, самой Криспиды. А потом струйка багровой крови стекла по ее щеке, по телу пробежала предсмертная судорога. Элика, увидев промелькнувший в детских глазах испуг, прижала ее к себе, поцеловав в лоб, и зашептала успокаивающие слова, провожая в чертоги Антала. Дернувшись в ее руках, девочка покинула этот мир.

Слезы душили Элику. Дрожащими пальцами она опустила ее веки, баюкая, словно младенца, не замечая, что колени подогнулись. Но даже не ощутила острых камней земной твердыни.

— Антал всемогущий, прими ее дух в свою свиту, надели ее силой и радостью взамен на подаренную тебе жизнь, оборвавшуюся волей приспешников Лакедона! Прояви же к ней доброту, какую всегда проявляешь ко мне, ибо чиста ее душа и светлыми были ее мысли и стремления!

Одинокие слезинки скатились по щекам королевы, смешиваясь с кровавыми струйками, все еще бегущими из губ девочки, которую покинула жизнь. Как жаль, что они не смогли вернуть ее к жизни! Воцарилась пугающая тишина, которую вскоре нарушили каркающие крики грифов, слетевшихся на запах крови вражеских лучников. На стенах укрепления больше никто так и не появился. Элика с трудом уняла подступающие к горлу рыдания, хотя, заплачь она в голос, все бы без исключения поняли ее боль и не посмели б ни на миг усомниться в ее авторитете. Лэндал незаметно потер переносицу, останавливая слезы, Латима тихо отдала распоряжение, и вскоре двое воинов поднесли отрез белоснежного шелка.

— Мы предадим ее земле в стенах родного города с почестями, достойными воительницы! — совладав с собой, прошептала Эл. — Ее смерть подсказала нам путь. Возьмите город и убейте каждого, кто посмеет оказать сопротивление! Вперед, гордые воины, оплот нашей великой империи!

Высокие стены глушили возбужденный гул голосов за воротами, которые сейчас неистово расшатывал титановый таран — в отличие от гранитного или деревянного, он мог крушить даже самые толстые стены. Никто не препятствовал атлантам в этом — первые меры масла определили дальнейший ход боя. Сотни погибших лучников и копьеметателей, затем нелепая смерть Старкула и предшественников. Тяжелые навесные засовы были сбиты. Лучники вовремя заметили две таящиеся тени на зубцах стены, пытающиеся поджечь спрессованный шар из сухостоя, но стрелы помешали воплощению этой затеи.

Еще спустя четверть меры масла ворота распахнулись, а правая створка, вылетев из массивных петель, обрушилась на землю. Стоило атланской пехоте шагнуть на лассирийскую почву, как моментально завязался бой не на жизнь, а на смерть. Сверкали мечи и клинки, лилась кровь, вопли раненных еще долго звучали в полуденных безмолвных, равнодушных небесах. Исход поединка был предрешен. Солнце преодолело дугу зенита, отбрасывая удлиненные тени, когда матриарх с приближенными верхом на Захватчице Ветра триумфально въехала в освобожденную столицу Лассирии.

Стоны раненых, тяжелый запах крови, горы тел. Кассиопейцы были истреблены полностью, отряд зачистки, рассредоточившись по узким улочкам окруженной стенами столицы, безжалостно добивал остатки вражеской армии. Зловещая тишина воцарилась в захваченной — но уже спасительной армией, — державе. На данном этапе Непримирая строжайше запретила своим воином мародерство и вандализм. Для этого еще будет время.

В центре города размещались богатые усадьбы и дворец свергнутого короля Оригатона, в котором после его смерти обосновался наместник с приближенными. Другие роскошные строения были отданы офицерскому составу, после того, как их коренных хозяев истребили или же изгнали прочь. Здесь царило обманчивое спокойствие — основные силы противника пали на подходах у ворот.

Спешившись и дождавшись доклада предводительницы разведотряда, юная завоевательница в компании Лэндала, Латимы Беспощадной, Дарка, предводительницы легиона Пантер и других военачальников ступила на розовые мраморные плиты дворца. Войдя в тронную залу, устало упала в высокое кресло, уложив руки на богато

инкрустированные подлокотники.

— Семья этого шакала скрылась? — поинтересовалась у Амарилис, курирующей отряд разведки и зачистки. Мужеподобная атланка с короткими светлыми волосами утерла кровь с оцарапанной груди и хищно осклабилась.

— Нет, они здесь! Этот сын гиены всерьез рассчитывал на победу, прикрываясь телами детей!

— Тащите их сюда, — предвкушая развлечение и горя жадой мести за немногочисленных павших воинов своей армии, как и за пролитую кровь невинного ребенка, жестоко усмехнулась Элика.

Тронный зал постепенно заполнялся ее свитой. Кто-то из лучников втащил в помещение двух перепуганных девушек в ошейниках рабынь. У одной была смуглая кожа и серые глаза. Матриарх закусила губы.

— Девушки, принесите бочонок лучшего сока хмельного винограда и кубки для всех! И да, кто-нибудь, снимите с их шеи эти унижительные ожерелья.

Перепуганные рабыни, втайне приготовившиеся к смерти, сперва опешили, и лишь когда воины справились с их ошейниками, освобождая шеи и выбрасывая куски презренного металла прочь, с восхищением и обожанием уставились на матриарх Атланты. Наверняка их тут запугали ее нечеловеческой жестокостью. Позже Эл поняла их изумление — по Лассирии ползли слухи, что вместо вина она пьет кровь младенцев, поэтому столь прекрасна и непобедима.

Бочонки вина вкатили сильные и крепкие рабы, невольницы же с восторгом наполняли кубки, но прежде Лэндал велел испробовать вино одного из захваченных кассиопейских солдат, чтобы исключить угрозу отравления.

Лассирия славилась, помимо шелка, также и своими виноделами. Рабы, получившие внезапную свободу, по собственной инициативе принесли кресла для Лэндала с Латимой и скамьи для всех остальных. Элика пригубила кубок умопомрачительно вкусного светлого вина, когда двое широкоплечих воинов, ухмыляясь, втащили в зал членов семьи Старкула — супругу, сублильного отрока и двух мальчишек, зим пяти-семи на вид. Матриарх склонила голову, оскорбительным взглядом, отличительной чертой атланток, изучая новоприбывших.

Супруга, похожая на самого наместника, была тучной матроной со вторым подбородком и пустыми, как у рыбы, серыми глазами навывкате, увешанная массивными украшениями из солнечного металла, под которыми чудом только не согнулась ее широкая шея. Многослойное одеяние из самого лучшего лассирийского шелка на таком теле смотрелось донельзя комично. "Как женщина могла превратиться в такого монстра?" — подумала Эл. В ее армии не все могли похвалиться мускулистыми и при этом женственными телами, но до таких невероятных размеров распустить себя?! Это казалось невероятным. Взгляд девушки отметил мешки под ее глазами. Все понятно. Страсть к чревоугодию и возлияниям, обстановка роскошной лени и отсутствие хоть какого-то движения. Потеряв к ней интерес, она скользнула взглядом по подростку с жестоким выражением в таких же рыбьих глазах. Парень наверняка никогда в жизни не держал в руках меча! Несмотря на трусливый ужас перед захватчиками, он иногда позволял себе мерзкую улыбку, оглядывая освобожденных от ошейников рабынь, отчего те, забыв о новом статусе, сжимались от страха. Что ж, Эл увидела достаточно, чтобы сделать выводы. Перевела взгляд на двух маленьких мальчиков и кожей ощутила какое-то непонятное волнение среди челяди. Эти детки были одеты немногим лучше некоторых слуг. В их внешности не было ничего от Старкула и его

безобразной супруги — да и держались они едва ли не с вызовом, а старший неосознанно пытался прикрыть собой младшего братика.

— Ты, назови свое имя! — грубо велела Эл наместнице. Та, посмотрев на нее с ненавистью, тут же отвела глаза.

— Катина, — еще один полный злости взгляд, но уже направленный на бочонки вина.

— Знаешь ли ты, прекрасная Катина, — с издевкой произнесла Элика, жестом остановив смех при выделенном слове "прекрасная". — Что твой погибший смертью труса дражайший муж сотворил на стенах столицы?

Ответа не последовало. Матриарх жестом велела подвести младших детей поближе.

— Он сбрасывал со стен ни в чем не повинных сыновей и дочерей Лассирии, которые были слишком малы, чтобы защищаться. Я пообещала ему так же поступить с его собственными детьми. Готова полюбоваться на это представление?

Подбородок Катины заколыхался от какой-то радости и облегчения одновременно.

— Мне все равно! Могу и посмотреть!

Элика удивленно сдвинула брови. Но тут вперед вышел высокий немолодой мужчина и преклонил колени у ног королевы.

— Госпожа, пощади их! Да, это его сыновья, но он взял леди Анику, их мать, силой, после чего содержал в нижнем уровне, используя ее тело для своих грязных нужд. Подлая Катина свела ее в могилу и наверняка бы уничтожила плоть от ее крови, но мы, как могли, оберегали мальчиков от столь ужасной участи!

— Так это не твои дети! — улыбчиво протянула матриарх, поворачиваясь к супруге Старкула. — Поэтому ты так обрадовалась! Как я могла подумать, что у столь презренной и подлой женщины могли родиться такие сыновья! Но этот хилый парнишка наверняка плоть от твоей крови, не так ли? — она подала знак, и воины, заломив ему руки, нагнули к полу. Подросток завыл и затрясся, оглядываясь на мать.

— А твой сын летать умеет? — продолжала резвиться Эл, сбрасывая напряжение последних часов. — Наверняка, северо-западные ветра подхватят столь невесомую статую и унесут высоко!

Ответом ей был смех. Но Катина утратила свою спесь и некрасиво захныкала. Отхлебнув вина, Элика ощутила, что проголодалась. Пора было заканчивать эту комедию.

— Кто-нибудь из вас, достойные горожане, пострадал от рук этого слабака?

Вопрос был, скорее, риторическим, но Элика опешила от посылавшихся на нее жалоб и откровений. Одна из рабынь после недолгих колебаний продемонстрировала следы каленого железа на груди, другой же отпрыск наместника забавы ради отрезал язык. Элика краем глаза наблюдала за его матерью и видела лишь гордость за своего сыночка, никакой жалости к пострадавшим девушкам — ведь они были бесправными рабынями, вдобавок по всему, молодыми и красивыми.

— Соорудите не площади крест с колодками, — ласково проворковала Элика. — Этого ублюдка лишить одежды, заковать руки и ноги прогибом через перекладину. Он такой худой, что сойдет за молодую женщину. Насилуйте его все, кто пожелает, это мой дар горожанам в честь победы! Если случайно от любовных ласк испустит дух — виновного в этом не наказывать! — затем указала пальцем на Катину. — Кто-нибудь ее хочет?

Сейчас напряжение боя сошло на «нет», активировав злорадное чувство юмора. Все в зале без исключения расхохотались при последних словах матриарх. Катина побагровела, пытаясь вырвать руки из захвата и прикрыть свою грудь, наивно полагая, что найдутся

желающие испробовать ее тело.

— Мне известно, что неподалеку всегда ошиваются работорговцы из Черных Земель, — усмехнулась королева. — Их мы сотрем с лица земли уже скоро, но пока пусть послужат нам на благо. Лишите эту даму одежды и доставьте в таком виде в их стан, а там продайте как пахотную рабыню, которая будет вспахивать огород в упряжи вместо лошади! Да, и чтобы там не было никаких сомнений, поставьте ей рабское клеймо! Если сын Старкула будет еще жив к вечеру следующего солнечного круговорота, продайте его им же, как рабыню для улады! Средства позволяю оставить себе и разделить по-братски!

Вопящую жену и скулящего сына жестокого кассиопейского наместника убрали с глаз долой. Элика повернулась к мужчине, бросившимся на защиту незаконнорожденных сыновей наместника.

— Будешь ли ты заботиться о них до их взросления? В память о погибшей благородной леди? — получив согласие, улыбнулась все еще напуганным деткам. Глядя на то, с каким чувством кинулись мальчишки к домоуправителю и кухарке, и какой теплотой сияли глаза челяди, поняла, что приняла идеальное решение. Старший, повернувшись к ней, низко поклонился. В его глазах не было ненависти. И он изрек свои слова, поразив матриарх их горячностью.

— Спасибо что забрала жизнь тирана, который никогда не был нам отцом! Мы больше не будем терпеть его побои и пытки этой... этой... его жены!

Велев подготовить вечерний пир, матриарх распорядилась предать земле погибших соратников и маленькую девочку, чья кровь еще алела на ее коже. Невзирая на усталость, королева наравне со всеми разрывала землю, провожая своих воинов в последний путь.

— Как ее звали? — ласково спросила она у спасенных при падении со стен мальчиков, чьи раны от кнута успели обработать.

— Варелла, моя королева, — отозвался один из них.

— Варелла... Даже ее имя заключает в себе судьбу воительницы! — грустно проговорила Элика.

Она завернула тельце девочки в отрезы белого шелка, вложила в холодные пальцы клинок, молчаливая мольба Анталу сделать ее воительницей. Могилу убрала белоснежными цветами, в знак чистоты и невинности малышки. После чего вернулась во дворец, где, как оказалось, уже ожидали непредвиденные гости.

Воины взяли в плотное кольцо отряд из двадцати мужчин в одеяниях зеленого цвета. Почти под цвет... Листвы? Нечто похожее Элика видела на той самой реалистично нарисованной самым талантливым художником картине, где был изображен ее отец.

— Матриарх Непримируемая! — воскликнул высокий мужчина с длинными, до плеч, темными волосами, кланяясь почти до земли. — Мое имя Кратон, сын Оригатона!

— Чем я могу быть тебе полезна, Кратон, сын Оригатона? — несмотря на усталость, обворожительно улыбнулась Элика.

— Мы отряд ополчения Лассирии, борцы против кассиопейской тирании! Долгие зимы мы вели подпольную борьбу, но всегда кассиопейцы выслеживали нас и истребляли, часто отыгрываясь на наших женах и детях. Я потерял свою супругу, они забрали моего сына, чтобы вести на смерть, но...

— Отец! — раздался радостный детский крик, и спасенный ею мальчик, растолкав толпу, кинулся в объятия сына погибшего вождя Лассирии. — Отец, эта прекрасная и добрая воительница сама спасла меня от верной смерти, а еще она посадила тому жирному борову

стрелу прямо в лоб!

— Сын мой! — потрясенно прошептал мужчина. Воины расступились, не мешая их объятиям. — Ты ранен, у тебя кровь?

— Отец, мне не больно, это заживет! — смущенно опустив глаза — больше от теплой улыбки восхитительной Элики, восторженно поделился малец. — Она поймала меня такой длинной-длинной плеткой, а потом так размахнулась, что я взлетел очень высоко и увидел даже шпиль дворца, а когда приземлился, там все попадали, а у одной амазонки треснуло плечо, но она все равно улыбалась!!!

Кратон встретился глазами с Эл. В его темных омутах блеснули слезы.

— Непримируемая, я обязан тебе жизнью. Мой сын — единственное, что у меня осталось! Презренный Старкул держал его заложником во дворце, а я не имел сил, словно связанный по рукам и ногам, дать отпор, опасаясь за его жизнь! Молю, заberi все, что пожелаешь, ибо лучшей участи для нас с Маруном и для народа Лассирии быть не могло!

— Ты сын вождя, верно?

— Да. У меня сохранились необходимые бумаги, но, если ты не пожелаешь видеть меня его преемником, я сожгу их сей же миг, ибо твое желание теперь стоит выше любого из моих стремлений!

— Кратон, приглашаю тебя в тронную залу обсудить наше дальнейшее взаимодействие. После чего будет пир, ты и твои братья — почетные гости!

Глядя на то, с каким восторгом лассирийцы приветствуют своего непризнанного вождя, Элика еще раз поразила крепости подобных уз. В зале Кратон замешкался, и нахмурилась:

— Ты не хочешь занять свой трон, правитель?

— Он твой, гордая воительница, — решительно отказался лидер народного ополчения. Элика настойчиво потребовала занять кресло рядом.

— Мои воины потребуют вознаграждения, — начала она с малоприятных новостей. — Мои легионеры нашли подробную карту столицы. Я попрошу тебя отметить крестами дома, которые были заняты кассиопейцами с семьями. Прошу сделать это очень тщательно, я не могу допустить, чтобы в ходе разграбления погибли или лишились скарба мирные жители Лассирии. И отметь те дома, что ранее принадлежали твоим братьям по оружию — их не тронут. Как и дворец.

— Я понимаю это, божественная Непримируемая, — согласился Кратон, приступая к работе над картой. — Я готов принести тебе присягу на верность, как и мои люди. Ибо я не встречал еще благороднее женщины... Разве что твою мать!

После разговора с вождем Элика отпустила его к сыну и отряду, и, собрав недолгий совет среди военачальников, продемонстрировала карту.

— Времени до следующего заката на разграбление. Члены семей — ваши, но проявите великодушие к невинным детям и младенцам. Дайте право выбора — смерть либо рабство. Учитывайте, что пожары могут перекинуться на дворец и дома лассирийцев, поэтому, как говорится — не играйте с огнем!

Воины и так перебивали в нетерпении, а до начала пира оставалось еще около трех мер масла. Используя это время, они метнулись реализовывать свое право победителя.

Наспех съев плод цитрина, чтобы унять голод, Элика велела приготовить себе ванную. Вода окрасилась в цвет крови погибшей Вареллы, но матриарх, уняв слезы, отпустила эту боль. Она обязана быть сильной. Ей предстоит пережить еще не одну гибель близких людей. Почти каждый солдат ее армии был для нее родным, а ведь на войне потери неизбежны.

Если душевные терзания перевесят, они обречены на поражение даже с превосходящей численностью воинов.

Облачившись в платье из алого шелка, так приятно ласкающее кожу после жесткого поцелуя лат, королева спустилась в зал, подняв вместе с братом и полководицей кубок за долгожданную победу. Одну из первых на их пути.

Воины непобедимой атланской армии, несмотря на вседозволенность, с легкой руки санкционированную Эликой Непримиримой, поступили с домами кассиопейцев благородно — без разрушений и неоправданных зверств. Были убиты двое чиновников, прятавшихся в подвалах роскошных имений; взяли лишь оружие да монеты солнечного металла — тащить роскошный скарб в Кассиопею не имело смысла. К тому же, многие реликвии принадлежали лассирийским патрициям до захвата.

Супруги и дети захватчиков сдались в рабство без долгих колебаний. Рабы, познавшие жестокость своих хозяев, лишались ошейников прямо на месте, поле того, как пленные узурпаторы под острием меча подписывали им освободительные бумаги. В доме одного из кассиопейских офицеров была спасена юная атланская невольница, которую содержали в жестоких условиях. Сам хозяин дома отбыл в Кассиопею декаду тому согласно распоряжению Кассия. По словам девушки, он никогда не был с ней особо жесток. Ужесточением же условий своего содержания она была обязана его супруге и дочери. Злобные женщины не смогли ей простить тех чувств, что она вызвала в супруге и отце. Только за ним закрылись ворота, как хозяйка дома поместила ее в темницу. Но главной мучительницей оказалась семнадцатилетняя дочь, почти ровесница. Элика, сжимая пальцы от негодования, слушала рассказ смелой соотечественницы, которую пытки не сломили. Юная атланка держалась гордо, несмотря на усталость и истощение, и даже шутила периодически. Поступок же дочери кассиопейца оставил в душе Элики мерзкий осадок. По словам Натии, спасенной девушки, юная дочь особо извращенно издевалась над ней при молчаливом одобрении матери — заставляла удовлетворять себя при помощи ласки рабыни, а, получив отказ, жестоко насильовала пленницу, используя посторонние предметы и вовлекая в эти игры стражников и слуг. Вердикт Непримиримой был безжалостен — она, не смотря на слезы и мольбы, отдала мучительницу своим солдатам на всю ночь. Утром окончательно сломленную и полуживую девчонку заковали в тяжелые цепи и обнаженную погнали за повозкой в одной упряжке с Катиной и ее полуживым отпрыском к стану работорговцев. Мать кассиопейки, не выдержав, разбила голову о каменные стены подземелья. К тем кассиопейцам, кто сдался в рабство добровольно, Эл проявила некое милосердие — велела продать на аукционе, где была большая вероятность лучшей участи.

Лассирийцы возвращались в свои имения, откуда их принудительно выселили, служили мессы Анталу за пришествие спасительницы Непримиримой. Впервые за долгое время радость и воодушевление воцарились по всей Лассирии — в ее отдаленных уголках местные жители лично уничтожали немногочисленных кассиопейцев.

Этой ночью, тая в крепких объятиях Дарка, Элика впервые ощутила, что ее желание боли и фанатичного унижения прошло; она извивалась в его нежных руках, тая под его поцелуями, поверив, наконец, что месть вернет ей рассудок окончательно, и она сможет уйти от ненормальной жажды чужой власти. Это воодушевило до невозможности.

Поутру она назначила предводителя одного из легионов исполняющим функции наместника Лассирии в равноправном союзе с Кантоном — она не собиралась лишать вождя его права, данного при рождении. Хотя он и изъявил желание пополнить ее армию и пойти

на Кассиопею, Элика решительно отказала — он был нужен здесь, настоящий лидер своего народа, дабы спасенное от экспансии государство не кануло в омут анархии.

Напоследок он поцеловал пальцы благородной и справедливой королевы, поймав ее взгляд.

— Ты очень похожа на него, — прошептал он. — И внешне, и характером. Дмитрий Иноземный был изумительным воином и стратегом. Он научил нас искусству, которое называл маскировкой, и мы смогли продержаться в лесах не найденными, а так же истреблять захватчиков легко и ловко. Да ниспошлет Антал дочери гордого воина дух абсолютной победы и долгие зимы жизни!..

А утром следующего солнечного круговорота армия Элики Непримиримой покинула освобожденную Лассирию, взяв курс на Кассиопею, которой выжить было не суждено...

...Нет и не было тебя и меня. В какой момент каждый из нас сорвался в пропасть с обрыва под названием Одержимость, даже не поняв этого? Когда последние костры на баррикадах рассудка запылали столь ярко, что могли сжечь нас обоих, не уничтожив, но опалив, прожигая до самого сердца, чтобы последней яркой вспышкой запылать во тьме, выбрасывая сноп искр, и окончательно капитулировать, превратившись в безжизненный, серый пепел? Ты был таким изначально. Завоевателем, разрушителем, агрессором, уничтожившим меня полностью, чтобы потом написать на чистом листе пергамента все свои ожидания. Тебе никогда не хотелось неба и мира пополам... Они неминуемо должны были достаться тебе одному, чтобы ты мог решать, делиться этим с кем-либо с высоты своего мнимого великодушия — или навсегда лишить этого света всех, кроме тебя самого.

Я не боюсь сейчас это признать. У тебя получилось. Разрушив до основания, создать именно то, что всегда хотел видеть. Ты думаешь, мое сердце отравлено ядом ненависти за весь ад, который ты заставил меня испытать на собственной шкуре? Так должно было быть, но как можно ненавидеть своего создателя?

Создавая желаемое, ты ведь не думал о том, что расколотишь в щепки? О созданной своими руками вещи заботятся. Восхищаются. Даже лишаются рассудка. Но хотеть ее поломки или смерти — невозможно.

Разница в том, что вещи лишены права голоса и эмоций. Неодушевленные предметы до банального предсказуемы. Некоторые люди — тоже. Ты считаешь, что я испытываю ненависть? Согласна, это было бы очень логично! Прикоснись к моим истинным тайным стремлениям, ты бы не скоро оправился от этого удара. Была ошеломлена даже моя мать. Никогда нам не сжечь себя в пламени ненависти по отношению друг к другу. Любовь прикончит нас гораздо быстрее.

Ветер кружил сухие травинки по земле, закручивая их в причудливый смерч, витые спирали, скользил, перемещаясь, между походными шатрами атланской армии, поспешно и с любопытством, словно надзиратель, перемещался вдоль молниеносно возводимого частокола форта на подходе к вражеской столице; опасно возвращался обратно, понимая, что, достигнув рва укрепления, погибнет, рассыплется, не сможет собрать себя воедино. Мог ли он это допустить?! Уж точно не сейчас, когда за ним наблюдала прекрасная молодая женщина в одеянии из черной кожи с инкрустацией металлом солнца. Аура непримиримости, воинственной решимости, в чем-то даже беспощадности, и вместе с тем располагающего величия манила и отталкивала одновременно, но не так давно рожденный смерч еще не понимал, что от такой стоило бежать, сломя голову, и с детским воодушевлением крутился вокруг, не приближаясь близко, но и не отдаляясь. Не могла столь прекрасная ликом красавица нести смерть и разрушение этой земле. Не ее тонкие руки держали арбалет, который неумолимо бил смертельными стрелами отряд стражей столицы, которые были застигнуты врасплох поспевшей раньше срока вражеской армией. Не могли эти смеющиеся зеленые глаза, два прекрасных озера, менять свой цвет, становясь почти черными при каждом взмахе меча в сильных и женственных одновременно ладонях.

Наверняка пустынному саммаму, морским бризам и величественным пассатам было что сказать по этому поводу заблуждающемуся младому ветерку — но поверил бы он их словам? Нет, столь прекрасная ликом девушка была создана для неги шелков, горячих поцелуев

влюбленного мужчины, для крепких детских объятий своих дочерей, для обожания толпы подданных, и уж никак не для несущего смерть нападения! Даже сейчас в ее взгляде скользило легкое удивление вместе с теплой улыбкой — она наблюдала за новорожденным вихрем с почти детским интересом, от этого взгляда так хотелось ластиться к ее стройным смуглым ногам, которые не могла скрыть длинная юбка из тонкой кожи с двумя разрезами от самого бедра.

Он еще не родился и не мог видеть кровавого боя, вспыхнувшего у стен Кассиопеи две с половиной меры масла тому. Выставленная полководцем Домицием Лентулом караульная служба хоть и была готова дать отпор перед тем, как прибудет подкрепление, но сомнения в скорости передвижения двигавшейся на них атланской армии сослужили плохую службу. Негласный закон любой войны — день есть день, ночь есть ночь. Так легко перешагивая барьеры чести, когда им это было выгодно, и так фанатично уверовав в это понятие, когда выгода сменилась — кассиопейцы расслабленно почивали на лаврах, не догадываясь, что армия Непримируемой прибудет к ним после полудня, а не глубокой ночью, как ожидалось. На дневное время военный закон не распространялся. Многие погибли, не успев прийти в себя, большинству удалось скрыться за стенами столицы, но они были так шокированы, что не могли даже предоставить полководцу сведения о численности и организации атлантов.

По-хорошему, бою обычно предшествовали переговоры. Но вести их с военными дозора — ничего глупее нельзя было придумать. Возбужденная и радостная после схватки с врагом, Элика велела возводить укрепления форта и разбивать походные шатры, дабы не терять времени в ожидании визита Амбитадора. Но таяли меры масла, клонилось к зениту солнце, угасала жара, пропитавшая воздух мерзким запахом крови, на которую слетелись грифы с высоких гор, — но безмолвными и пустыми оставались укрепления крепостных стен, ни гул голосов, ни топот коней, ни звон оружия не долетал до слуха матриарх. Трактовать это можно было по-разному — от обманного маневра, призванного усыпить бдительность, до открытого нарушения законов чести вследствие демонстрации неуважения. На деле же, скорее всего, Касс решил подстраховаться и отправить Амбитадора в ночное время, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что атланты не нападут, и, в зависимости от результата переговоров, иметь в запасе большую часть времени до утра. В войске, несмотря на четверых погибших в схватке, царило веселье — многие всерьез полагали, что Кассиопея трясется от страха, поэтому и прячутся ее воины за высотной стеной. Пришлось развеять их предположения — расслабляться не стоило. Завоеванию Кассиопеи ничто уже не сможет помешать, но матриарх не могла позволить гибнуть своим людям из-за недооцененной мощи армии патриархального государства. Это был далеко не первый бой царя Кассия, который превосходил ее этими знаниями, и недооценивать противника не стоило. Без знаний Латимы он мог разгромить ее в два счета.

Солнце неумолимо клонилось к закату. Бриз принес терпкий запах моря, крики грифов уже казались чуть ли не криками чаек — привыкнуть можно ко всему. Матриарх Непримируемая наслаждалась последними мерами масла умиротворяющего покоя. Завтра, с рассветом, начнется кровавая резня не на жизнь, а на смерть, неминуемо армия понесет потери перед тем, как безоговорочная победа разрушит вражескую державу, поставив окончательную точку в этом противостоянии. Закон ночи всегда соблюдался нерушимо, но ведь сама война началась именно из-за его несоблюдения.

С первыми фатальными ошибками Кассиопеи Элика столкнулась на пути сюда. Четыре круты (аналог сел и деревень) были обречены на смерть бездействием царя Кассия. Мужчин

насильно забрали в войско, тогда как в поселениях остались насмерть перепуганные, плачущие женщины, дети и старики. Он уже уступил духу обреченности перед наступлением вражеской армии. Только Непримируемая проявила мудрость и дипломатичное великодушие. От селян она узнала, что патрицианская верхушка империи, как и все мирные горожане, покинули Кассиопею, дабы переждать кровавую бойню в Спаркалии или на побережье Белого Безмолвия. Безопасность была обещала также всем обитателям крутов, но так и осталась пустым звуком на усах правителя. Утруждать себя их спасением Кассий был не намерен. Бунт аграриев столицы только ухудшил положение дел — мирных жителей, не имевших высокого положения, бросили на произвол судьбы.

Эл знала, что при захвате земель сам Кассий всегда бездушно расправлялся с жителями сел и столиц, не делая никакой скидки на их положение. Знала — но всегда глубоко презирала подобные методы. Оставив в крутах небольшое количество своих воинов, Элика провела с жителями переговоры. Напуганные до полусмерти селяне недоверчиво выслушали красавицу, ликом столь похожую на воительницу Лаки из легенд. В каждой круте было достигнуто мирное соглашение на поставку провианта атланской армии. Взамен гарантировалась безопасность граждан и запрет на мародерство. Позже этот тактический ход был назван в летописях жестом разумного великодушия, частично нивелировав кровавый ужас войны. Первой войны, в которой практически никто из мирных жителей не заплатил за огрехи своего царя. Амазонки всегда были выше штампов, и, если мир был не возможен, их войны никогда не забирали намеренно жизни невиновных.

Впрочем, когда царь Кассиопеи думал о последствиях, если в угоду своей страсти не допустил даже вероятности войны?..

Ласковые звезды зажглись в черном небе Кассиопеи — ласковая прелюдия предстоящего кровавого рассвета. Выставив усиленный дозор, Элика распорядилась напоить своих преданных соратников эликсиром кофейных зерен с высокогорных плато Атлионии, королевский сорт, — для своих верных бойцов она намеревалась не жалеть лучшего. Впрочем, в предвкушении сражения все без исключения были заряжены энергией воинственности и небывалым азартом. Один из копьеносцев, отбивая темп на походных барабанах, запел песню войны, которую подхватили все остальные. Матриарх расслабленно слушала его сильный голос и неудовлетворенно повела плечом, когда одна из Пантер поспешно приблизилась, отвлекая ее внимание.

— Замечены шестеро всадников, выехавшие из ворот Кассиопеи! Они движутся к нам!

— Стяг Амбитадора? — жестом остановив веселье, осведомилась Элика.

— Нет, моя королева. Не похоже, что он у них есть. Но... Королевские регалии. Лазурь и символ морского змея

— Лучники, на огневую позицию. Мои латы и шлем, седлайте Захватчицу Ветра, — она повернулась к брату. — Лэн, готовься, кортеж десяти меченосцев. Похоже, Касс лишился сна.

Латима Беспощадная, оценив ситуацию, моментально отдала необходимые распоряжения.

— Огонь только по приказу! — добавила Эл, затягивая крепления из неуязвимого для острия меча металла на высокой груди.

Незванные гости замерли на расстоянии пятидесяти метров от возведенного форта. Факелы озарили тьму, сопровождая выезд королевы в сопровождении брата и воинов охраны. Лишь когда пламя осветило лица пришельцев, молодая женщина ощутила

разочарование и злость.

— Домиций Лентул, великий полководец. Не скажу, что рада тебя приветствовать — ибо это будет далеко от правды.

Первый советник царя, выставив вперед ладони, показывая этим, что прибыл без оружия, поклонился, сдерживая поводья вороного жеребца. Элика, поколебавшись, сняла шлем. Сидящий по правую руку Лентула мужчина не сдержал вдоха восхищения и удивления, когда черные волосы волной рассыпались по плечам самой красивой женщины из всех, что ему прежде доводилось видеть. Второй спутник противно ухмыльнулся, шаря взглядом по ее статной фигуре.

— К сожалению, мне не ведомо имя воина, разум которого сейчас временно находится между его чресел, — едва удостоив наглеца взглядом, холодно сказала Элика. Ее взгляд встретился с серыми, спокойными глазами Дома. — Как и та причина, по которой ваш царь предпочел отсиживаться в стенах дворца и использовать закон ночи для получения дополнительных сведений.

— Юлий Кантун, самоуверенная сука! — процедил наглец, подпрыгивая в седле.

— Наслышана, — не разрывая зрительного контакта с Лентулом, небрежно бросила Элика. — Легат, не гнушающийся ничем ради собственной выгоды, к тому же, лишенный чести, достоинства и элементарного воспитания. Роковая ошибка красавчика Кассия. Ты? — на миг кивнув третьему мужчине, мягче спросила матриарх.

— Флавий Кавр, министр межгосударственных соглашений, — он выглядел смущенным. Королева Атланты потеряла к нему интерес почти сразу.

— Домиций, мне не понятно, почему вы решили использовать право ночи для переговоров. Но поскольку мы встретились, я готова тебя выслушать. Трусость Кассия пусть останется на его совести.

— Все не так, Элика...

— Мне это малоинтересно. И впредь, если ты сам инициатор переговоров, соблюдай регламент. Мы давно не друзья. Чего ты хочешь?

— Королева, — проглотив замечание, уверенно проговорил полководец. — Я буду тебя просить от имени царя лишь о том, чтобы в ходе военных действий не пострадали мирные граждане и здания.

— Мирные граждане? — вступил в разговор Лэндал. — Они покинули столицу! Или вы себя имеете в виду?

— Ты оскорбляешь меня попыткой обмана, — улыбнулась Элика. — Каждый, кто станет на нашем пути, будет уничтожен. Беречь камни ваших строений, рискуя жизнью, не станет никто. Или вы решили сдаться без боя? За подобную трусость я перережу вас лично.

— Обещаю тебе. Я отправлю ее на родную землю, если она не захочет иначе. Но знай, если это ловушка — я ее не пощажу. Как и вас всех — если твоя трусливая сущность позволяет использовать женщин именно с такой целью. Пришли ее в мой лагерь в ближайшие дни — ибо я не могу гарантировать, что при взятии столицы она не пострадает.

— Мы принимаем бой, Непримиримая, — Лентул, подумав, вновь храбро встретил ее взгляд. — И у меня будет просьба личного характера. Ты вправе отказать, но я не могу ее не озвучить.

— Я не оставлю Кассия в живых. Это война, Лентул. И знай, на поле боя ты мой заклятый враг, и я убью тебя, не раздумывая. Наши долги друг другу оплачены сполна. Ничто не изменит того факта, что мы по разные стороны баррикад.

— Я не сомневаюсь, матриарх, — гордо ответил Домиций. — Но моя просьба не касается ни Кассия, ни меня. Леди Керра не пожелала уехать в Спаркалию. Я знаю, что вы были близки, прошу лишь об одном — оставь ей жизнь. Она никогда не принадлежала нашему миру. Наверное, никогда не любила Кассиопею, которую боги ей навязали. Спасибо, Непримируемая, — Лентул кивнул хмурому Лэндалу, но прерывать переговоры не спешил. — Пусть победит сильнейший. Исход боя в руках богов.

Матриарх поднесла руку к глазам. Над высокими стенами Кассиопеи вспыхнуло алое зарево, а слабый ветер доносил запах дыма. Девушка вопросительно подняла брови.

— Жертвенные костры, королева, — кланяясь на прощание произнес Лентул.

— Прощай, Домиций. И да помогут вам ваши боги.

Она еще долго смотрела вслед отбывающей процессии. Зарево стало ярче. Может, кассиопейцы готовы были сами сжечь столицу, дабы уменьшить бесчестие? Что ж, ей меньше работы будет.

... В полночь песни и танцы боя прекратились. Утомленные переходом, но воодушевленные завтрашним предстоящим сражением, атланты погрузились в омут чуткого сна. Дозорные несли вахту на укреплениях частокола, у немногочисленных костров и в походных шатрах — благородству кассиопейцев здесь не доверяли. Обсудив с Латимой и полководцами последние детали, Элика, допив эликсир кофейных зерен, направилась к своему шатру. Но войти не спешила — подняв голову, залюбовалась прекрасным звездным покрывалом кассиопейской ночи. Такие яркие и огромные звезды, как в Лазурийской пустыне перед рассветом. Путь Белой Киссеи (Млечный Путь) безмолвно наблюдал за притихшим ночным лагерем, пояс Антала замер низко над горизонтом. Небесные огни вспыхивали, прочерчивая бликами небосвод, и сгорали, не достигая земли. Равнодушные звезды, им было все равно, кому дарить свой холодный свет — героям или трусам.

Внезапно ночь озарилась беспокойными криками и суетой. Моментально выхватив меч, Элика повернулась на звук возмущения. С такого расстояния было трудно что-либо разобрать, но вот костры запылали ярче, десятки факелов озарили тьму, и девушка заметила высокую фигуру в длинном плаще и капюшоне, с белым флагом и алеющими на нем литерами А М. Амбитадор. "Быстро Лентул отправил ко мне Керру" — подумала она, предвкушая радостную и беспокойную одновременно встречу с подругой. Подошла ближе, и в тот же миг кто-то сорвал с головы пришельца капюшон.

Наверное, вся жизнь пролетела у нее перед глазами в этот момент. Кровь отхлынула от лица, сердце замедлило бег, пропустив два оглушительных удара, и уже в следующий миг кровь побежала по венам, учатив судорожное дыхание.

Внешне все осталось прежним, недоступным посторонним взглядам — ни один мускул не дрогнул на ее лице, даже кисти рук, сжимающие меч, остались расслабленными. А потом хищная улыбка изогнула пухлые губы королевы, тонкие брови взметнулись вверх, а утонченный жест ладони велел стражам опустить мечи.

— Приветствую тебя, посланник мира, — вкрадчиво проворковала девушка. — Хотя мне никогда не понять вашего царя, который страшится высылать амбитадора при свете солнца. Либо он труслив, либо не различает ночи и дня!

Но напрасно она старалась задеть его словами. Нерушимым остался лед в этих ледяных глазах, в которых плясали отблески огня, горячие искры, которым никогда не растопить этого обледенения. Руки мужчины поднялись вверх. Все так же, не отводя испытывающего взгляда, он позволил атланским воинам убедиться в том, что не имеет при себе оружия.

Вы..би тебя Лаки, против воли повторила про себя матриарх кассиопейское высказывание. Сколько бы времени не прошло, это замкнутый круг, и снова мы в нем. Богам-интриганом все равно, что давно сменились роли и стремления. Они заняли удобные скамьи в своих небесных и подземных чертогах и, потирая руки от нетерпения, приготовились наблюдать за этим противостоянием. И как бы ты не хотела лишить их зрелища, третьего не дано. Смириться и отыграть уготованную роль, либо же сопротивляться и потом сдаться, окончательно проигрывая.

— Добро пожаловать в мой шатер, чужестранец, — взяв себя в руки, миролюбиво проговорила Элика, но от этого обманчивого тона уже не в первый раз стыла в жилах кровь целого войска. Никто из них так и не понял, кто перед ними. Лэндал отправился спать, Латима — тоже. Решения королевы не подлежали обсуждению, сколь сильно не переживали бы за нее подданные.

Не оборачиваясь, девушка раздвинула створки и вошла в шатер, казалось — ей было все равно, последует ли за ней неожиданный гость. Сколько усилий ей понадобилось, чтобы не бежать, было известно лишь Анталу. Сняв меч с перевязи, она незаметно сжала ладонью рукоять кнута, — похоже, только этот предмет удерживал ее уверенность и остатки самоконтроля в узде.

Надолго ли? Низ живота уже скрутило тугой жаркой спиралью, сладчайшая боль аукнулась в усталых ступнях, стук сердца, казалось, может разбудить весь уснувший лагерь. Тьма ночи, рассеянная почти дневным светом "холодного факела", сгустилась, став почти осязаемой, отрезая их двоих от прочего мира, стирая условные ролевые грани. Сейчас не было нападающих и отбивающихся. Агрессоров и жертв. Превосходящих и уступающих. Тонкие огненные нити шокирующе сильной взаимосвязи молниеносно сплели свою невидимую паутину, так легко осязаемую, но разорвать которую — было невозможно.

Лед во взгляде? Нет. Скорее, серая благодать истомленного жарким полуднем небосвода, дарящая прохладу и ожидание спасительного дождя.

Цунами мощной силы подсвеченной солнцем океанской воды, угрожающей снести и затопить города до основания? Нет. Жизненная сила омытой дождем листвы, испившей эту жизнетворящую энергию воды.

Ненависть? Нет. Ни у кого из них. Впервые без страха, впервые равны. Впервые взгляд не несет в себе обещания боли и страдания, впервые второй не испытывает страха и смущения.

— Здравствуй, Эл, — его голос не нарушил хрупкой атмосферы непонятного, логически, казалось бы, невозможного очарования. — Я польщен, моя девочка. Ради меня ты подняла на ноги всю империю.

— Оставь свои иллюзии, Касс, — мягко ответила Элика. — Мне нужна твоя земля. Твои непревзойденные слезы пустыни. Твоя безоговорочная капитуляция. И уж точно, не ты сам.

— Эл... хватит воевать. Ты можешь обманывать саму себя. Свой народ. Своих богов. Но меня обмануть не удастся — ты не похоронишь свои чувства на поле боя. Загляни в свои потаенные уголки души и пойми, что я прав. Ничего не изменилось. Кто мы такие, чтобы противиться тому, что происходит между нами?

— Что это, Касс? — злорадная улыбка изогнула ее губы. — Тебе страшно, великий воин и правитель? Численность моего войска сперва удерживала тебя в стенах города, затем заставила искать иные пути бесславной мольбы? Прекрасная новая тактика! Не противиться. Только знаешь, никого это уже не спасет. Потому что слабаков я истреблю первыми!

— Не беги от себя. Моя смерть не принесет тебе счастья, — на миг серые глаза мужчины полыхнули призрачно-голубым светом. Но даже этой кратковременной метаморфозе не удалось нарушить атмосферу мечущихся чувственных искр. Она затягивала, лишая смысла любые слова, любые поступки, будь то простой жест ладони или же война на поражение.

— Ты понимаешь, что можешь совсем не выйти отсюда? — шокирующая, первобытная жажда близости уже завладела рассудком Элики, еще чуть-чуть — и контролировать ее будет невозможно. — Сейчас царит закон ночного времени... нет — военным действиям, нет — переговорам... Твой приход, он вне закона. Это либо отчаянная безрассудность, либо глупость. Что же это? Я очень хочу знать.

— Переговоры, Эл. Завтра же на рассвете. И ты поблаговаришь меня впоследствии за это. В тебе есть свет и любовь, ты сломаешься после войны. Сможешь ли ты спокойно наблюдать гибель империи и столь большого количества людей? Я, загреби тебя Лаки, пришел, чтобы тебя спасти! — резкая перемена в голосе, одновременно с решительным шагом вперед... Все произошло мгновенно.

— Стоять на месте! — прошипела Элика, вскидывая ладонь с зажатым в ней кнутом. Захват "ласкового касания", в который было вложено куда больше усилий, чем требовалось. Кожаная полоса кнута обхватила в жалящем поцелуе запястье мужчины, разрывая кожу, перебивая поверхностные сосуды, неся ломающую, обжигающую боль. Рывок — петля затянулась сильнее, усилив эти ощущения до максимума.

Ни один мускул не дрогнул в волевом лице Кассия. Он даже не отвел взгляда, словно не было этого маневра. Движение рукой — кнут натянулся между ними тугой тетивой, словно укрепляя неистребимую связь. Элика сглотнула, заметив ручейки крови, брызнувшие из-под оборота на мужском запястье. Но он словно этого не заметил!

— Ты преуспела, — ровный, спокойный голос. Ни малейшего намека на страдание. — Давай, Эл. Давай, отрада моего сердца. Сделай это снова. Тебе же хочется. Давай.

— Думаешь, не смогу?... — внезапная слабость подкосила ноги девушки, она поспешно уперлась о резную столешницу стола, сметая карты и планы наступления. Кассий был неумолим.

— Давай. Станет легче... Почему так боишься сделать следующий шаг? Ты же хотела моей крови. Какая разница, как? Здесь, сейчас? Лучше не медлить. Потому что у меня своя война, и, если ты проиграешь, ты никогда не простишь себе сегодняшнего бездействия! Не получается? Да признайся себе в том, в чем боишься. Ты просто не можешь!

Словно в полусне, Элика наблюдала за его крадущимся, неспешным приближением. Неотвратимо. Безжалостно. С замиранием сердца — но в этом хаотичном трепете больше не было первобытного страха. Дрожащие пальцы разжались, словно им в этом помогла некая невидимая сила, выронив рукоять кнута. В то же время мужская ладонь, залитая кровью от захлеста, перехватила его в падении. Элика встретила его взгляд, и небеса раскололись надвое, унося в сладкую пучину безумия.

Горячие губы скользнули по ее шее, мимоходом, слишком стремительно, перед тем, как накрыть ее губы в утверждающем свою власть поцелуе, безжалостном и невероятно нежным одновременно, выплеснув в этом священном единении всю ненависть, страх, тоску и ожидание. Сильные руки опалили пламенем, подхватив, усадив на стол, уже освобожденный от лишних бумаг, одним беспощадным рывком ухватив кожаные полы ее юбки. С треском она разорвалась надвое, открывая ее тело горящему взгляду Хищника, перехватившего

первенство одним движением.

— Моя! — прошипел Кассий в ее губы. — Полностью, без исключения!

Робкая попытка возразить, но из пересохшего горла не вырвалось ни звука. Ток по коже, вместе с касаниями его ладоней, все выше и выше, безжалостно, ломая барьеры ее крепостных стен одними выверенными движениями — от прикосновения пальцев Элика застонала, забыв обо всем на свете, резко толкая бедра вперед, принимая в себя его пальцы. Хриплый стон, похожий на отчаянное рыдание экстаза.

— Отпусти себя... Забудь обо всем...

Она уже не осознала, прозвучали ли эти слова, и если прозвучали, то кто же именно их произнес. Страсть завладела полностью ее воспаленным сознанием, срывая покровы со всех без исключения задавленных в себе желаний, освобождая истинную сущность. Лишь на один миг открыла зажмуренные глаза, отметив, как должное, что ее кнут зажат в его ладони — но сейчас этот порядок вещей был настолько закономерным, что руки сами собой обвили его тело, прижимаясь ближе в немом порыве, требуя большего.

— Моя! — прорычал Кассий.

— Хозяин... — выдохнула Элика, перед тем, как рассудок окончательно померк, вручая скипетр правления бесконтрольной страсти. Каскады сладких судорог сотрясали ее, словно подбрасывая, овладевая, вытесняя долгие дни ожидания и ужасную взаимозаменяемость этим военным походом, призванным лишь унять боль истерзанного сердца. Кровь из раненого запястья Кассия окрашивала ее кожу в алые узоры, готовые по одному велению мысли написать новую историю этого неподдающегося никаким законам вожделения, которое, прими она его полностью, навсегда решило бы ход истории.

Жаркие поцелуи... Следы безжалостных пальцев на нежной коже... Словно огненные крылья держали ее в полете под сильной властью мужчины, в котором был заключен весь смысл бытия — не только в данный момент... Изначально и навсегда. Она отдалась его абсолютному владению, податливая и покорная в этих сильных руках, которые с легкостью могли ее уничтожить, но, она знала — никогда бы этого не сделали. Скользила по его коже, послушная и истекающая от страсти, столь сильной, что ни одна клеточка, ни один участок любимого и желанного тела не остался без поцелуя... Руки сами тянулись навстречу, жаждущие абсолютного порабощения, даже если сейчас на них сомкнутся тяжелые оковы — не заметит... Только выше воспарит от этого долгожданного единения, безоружная и трепещущая от только больше усиленного противостоянием экстаза...

— Моя! — который раз за последнюю меру масла прошептал Кассий, содрогнувшись от яркого оргазма, и только тогда Элика услышала его крик. Тот, что не могла выбить боль — от кнута ли, от ее потери после расставания, — все равно.

Им было хорошо. Недолгое время. А когда рассудок вновь вступил в свои права, Элика, обернув вокруг талии полы разорванной юбки, поспешно перепоясала тело тем самым поясом с кристаллами пустыни, что был призван напомнить воинам об одной из целей их похода.

Руки Кассия все еще держали ее плечи.

— Моя атланская девочка... Ты же понимаешь, что делаешь ошибку. Как и я в свое время. Отмени бой. Я готов к переговорам. Если ты хочешь земли или рудники — забирай, это малая часть того, что я готов тебе дать. Ты же понимаешь, что иначе никак?!

Элика слабо улыбнулась. Затем, отпив глоток воды из чудом устоявшего на столе кубка, шумно выдохнула.

— Царь, отправляйся домой. Выпей лучшего вина, приголубь покорную и готовую на все рабыню, или отдайся объятиям сна. Завтра мы встретимся снова на поле боя, и выживет только один. И это буду я.

— Эл?.. — впервые за вечер его глаза расширились от удивления и потрясения.

"Больше не ледяные... В них даже лазурь утренних небес, если присмотреться", — подумала матриарх перед тем, как поставить окончательную точку в разговоре.

— Да, Касс. Ты думал иначе? Думал, что твой член повредит мне разум настолько, что я забуду, кто я, и зачем сюда пришла? Ты думал, что полет к чертогам Криспиды сможет остановить войну? Если это так...я тобой восхищаюсь, но мне тебя жаль!

— Что ж, это только еще больше укрепляет меня в правильности моих помыслов, — затянув шнуровку брюк, ответил овладевший собой мужчина. — Берегись, правительница. Потому что я заберу тебя обратно, мой трофей и мою законную добычу. Ты думаешь, тебе было плохо в нашу вторую встречу? Скоро это покажется тебе лаской. Ты не встанешь с колен до конца своей жизни. Обещаю тебе.

— Ты знаешь, что я скорее умру, чем позволю тебе это, — пригладив спутанные волосы, ответила Элика. — А сейчас уходи. Я провожу, чтобы тебя не прикончили раньше времени. Не могу же я лишиться свой народ обещанной войны!

Переступив порог шатра и выйдя вслед за Кассием в безлунную ночь, королева сразу заметила десятки солдат и обеспокоенного Лэндала. Переведя взгляд на безоружного царя ненавистной Кассиопеи с флагом Амбитадора, пропитавшегося кровью от удара кнутом, тот сперва пораженно замер, затем потянулся к мечу, но сестра жестом остановила его. Она была...довольной? Нет, подсказал инстинкт кровного родства. Удовлетворенной. Счастливой. И влюбленной, но — Непримиримой до конца.

Кассий, повернувшись, встретил взгляд Дарка. Но не удивился. А Элика впервые пожалела, что он стоял так далеко от нее.

— Сестра? — спросил Лэндал, когда широкие ворота форта задвинули за ушедшим посланником мира.

— Завтра в бой, и принеси мне его голову, — облизнула пухлые губы счастливая, но безжалостная королева, улыбнувшись брату.

Далекие — и такие близкие одновременно острые звезды, манящие за собой в непроглядную тьму, казалось, протяни руку — коснешься, удержишься, впуская в кровь их холодный, ядовитый поцелуй, который опалит льдом неотвратимости бытия, этой безжалостной реальности, созданной своими же руками... Равнодушные и лишенные способности чувствовать, ощущать, но, даже если бы были наделены этим даром — все так же спокойно наблюдали бы за суетливыми людьми, с долей сарказма и беспощадного любопытства. Прекрасные и недостижимые в своем великолепии, многочисленные царицы ночи, правящие свой бал в отсутствие полноправного царя Фебуса, этой ночью могли видеть предостаточно — не помеха им тканые стены королевского шатра, они, при желании, могут видеть даже больше, безошибочно читать в человеческих сердцах.

Кометы падали и сгорали, прочерчивая ночной небосвод мгновенно исчезающим пунктиром, такие стремительные... И так похожие на горящие смертоносные стрелы, град которых вскоре обрушится на стены вражеской столицы... Совсем скоро, с первыми лучами рассвета.

Но сейчас, под покровом чарующей ночи, время словно замедлило свой бег, казалось — будь его воля, остановилось бы совсем, сгустило маслоклепсидр, стало стеной на защиту ночи пред горизонтом, который совсем скоро прошьют безжалостные солнечные лучи. Ласковые, согревающие и дарящие жизнь, они утратят истинный смысл своего назначения этим утром. Они станут первым предвестником смерти, самого первого боя не на жизнь, а на смерть...

Твердая земная поверхность — такая разительная альтернатива шелкам и мехам ложа королевы в ее шатре — сейчас словно подпитывала ее силы, не собираясь позволять отсутствию сна помешать днем вершить свой бой. То ли излишек кофейного эликсира, то ли возбуждение, вызванное предстоящим сражением, придали Элике Непримиримой силу, пошатнуть которую была не в состоянии даже бессонница.

Боевой меч, верный товарищ, исполнитель воли ее ладоней, словно неприступный страж, покоился рядом, до половины вошедший в землю легким нажимом руки. Руки же его обладательницы были раскинуты в стороны, лицо — безмятежно и спокойно, можно было подумать, что она спит, если бы не открытые глаза, устремленные в панораму звездной россыпи.

Королева Атланты уже давно перестала удивляться тому, что так часто слышит его голос. Сперва списывала все это на разыгравшееся воображение, потом — на сопротивление рассудка внезапно вспыхнувшему чувству, но, в итоге, приняла это как неизбежность с долей сарказма, часто мысленно обращаясь к нему, своему врагу... И самому желанному из всех мужчин, когда-либо ступавших на эту землю.

Образы, обрывки воспоминаний, жалящие наконечники когда-то сказанных... А может, так и не сказанных фраз атаковали внезапно, не выбирая подходящего времени, не спрашивая позволения рассудка — раньше она редко испытывала нечто подобное. Разве что по отношению к Лэндалу — но, если это объяснялось их теснейшей родственной связью, пояснить непонятную эмпатию по отношению к Кассию она не могла. Слова провидицы Эрты прошли мимо ее сознания — она не восприняла их всерьез ни на миг. Чем же тогда можно было все это объяснить? Может, такой вот близостью стен ненавистной Кассиопеи?

Иногда лучше честно признать правду, чем угасать в паутине лжи. Она полюбила. Того, кого сама же обрекла на смерть — но почему-то об этом не жалела.

Еще горели, выжигая безжалостные отметины принадлежности, жаркие поцелуи любимого врага на ее коже, еще пульсировала кровь, ускорившая свой бег от его желанных, болезненно-сладких объятий, и не желала покидать ее сознание совсем иная картина... Эти серые глаза, которые неуловимо и, казалось, навсегда изменили свой оттенок стали и льда, словно открывая этим страницу иного пути, не было в них больше привычной ярости и ненависти. Могла ли она врать самой себе?.. Нет. Жалела ли о своих произнесенных под безжалостным прицелом страсти словах?.. Пройди мелкими шагами события последних мер масла, все было бы так же. До каждого крика. До каждой сладкой судороги. До каждого отчаянного вдоха.

"Моя..."

"Хозяин..."

Неужели было глупостью бежать от этого с самого начала? Элика выгнула спину, зажмурившись, ощутив собственное дыхание, бег возбужденной, разбавленной чувством эйфории крови... Звуки ночи словно утихли на миг, погасли холодные звезды, замерло само сознание в ожидании отклика... Который не заставил себя долго ждать.

"Ты ошиблась. После того, что произошло, я уже не позволю так легко себя уничтожить. Ты сегодня дала мне крылья. Я благодарен тебе за это, но, возможно, это во многом решит твою участь, когда я получу тебя обратно..."

"Не льсти себе, Касс. Ваша империя падет. До утра у тебя есть возможность — садись на один из своих кораблей и плыви туда, где я тебя никогда не отыщу. Только оставь мне ключи от городских стен. Это мой подарок тебе за плотское удовольствие."

"Кого ты пытаешься обмануть, моя атланская малышка? Отголоски твоей крови говорят во мне. И не скрыть метаний твоего рассудка. В моих руках, сегодня ночью, ты познала счастье. Я не осуждаю тебя за твои последующие слова... Прекрасно понимаю — ни войско, ни свита, ни родня тебя бы не поняли... Но я убедился в том, что знал всегда, с первой нашей встречи. Ты — моя. Думать, что я этого не понял — несерьезно."

Элика открыла глаза и резко выпрямилась, безжалостно отсекая эти режущие своей достоверностью слова. Вокруг — та же ночь, непроглядная тьма, холодные кассиопейские звезды.

— В...би тебя Лаки, Кассий, — в сердцах произнесла матриарх. От долгого лежания на земле затекла шея. Да, Лаки. И сделай это неоднократно. Потому что он прав во всем, от первого до последнего слова.

Этой ночью Эл так и не уснула. Чтобы хоть чем-то занять себя, устроилась у затухающего костра, подбросив веток, которые через миг озарили все вокруг ярким пламенем. Бездумно водила по острию меча шлифовальным камнем, заточив его грани до такой степени, что, казалось, можно было резать воздух. Сон так и не пришел к ней в эту ночь, не в состоянии пробить броню кипящей энергии. А с первыми серыми проблесками на далеком горизонте матриарх поспешно окунулась в ледяную ключевую воду, облачилась в черно-красные кожаные латы, закрепила тиару на заплетенных в косы темных волосах. Перед началом боя предупредила всех воинов:

— Если мы сегодня возьмем город, слушайте мой приказ. Во дворце живет прекрасная женщина с редким именем Керра. У нее белоснежная кожа, роскошные волосы цвета эликсира кофейных зерен и черные, как ночь, глаза. Ни один волос не должен упасть с ее

головы! Вы обязаны вывести ее оттуда и доставить в форт.

Пехота, лучники, конница, непобедимая армия великой Атланты, встретили рассвет во всеоружии, готовые к бою. Позади остался укрепленный форт. Королева выступала в передовой фаланге, не желая прятаться за спинами бойцов, — бесстрашная, решительная и прекрасная, но сегодня эта красота несла с собой смерть. Под покровом ночи четыре шеренги меченосцев и невидимых лучников (аналог снайперов) тайком отправились к карстовым пещерам, чтобы занять там оборонительные позиции; отряд лучших копьemetателей держал засаду на подступах к горным хребтам, готовые дать бой на месте отрядам кассиопейских диверсантов, если такие захотят подобраться к ним с незащищенного фланга.

Широкая, но беспощадная улыбка озарила красивое лицо Элики при виде Кассия, перенявшего ее собственную тактику — лицом к лицу, не убегая от смерти и неизбежности. Царская корона еще ни на ком из знакомых ей правителей не сидела так идеально и гармонично. Широкий голубой плащ, национальный цвет Кассиопеи, небрежно переброшенный через плечи, не скрывал великолепного тела, которое словно налилось еще большей силой играющих мускулов. Испытывая злорадство и восхищение одновременно, Элика грациозно поднесла к губам стальную спираль.

— Приветствую тебя, царь Кассий. Ключи или бой, достойный воин?

— Приветствую дочь непобедимых атлантов на своей земле, — спокойно ответил самый желанный враг. Приятная дрожь предвкушения пробежала по позвоночнику Эл при звуке его усиленного раковины голоса. — Кассиопея никогда добровольно не отдаст ключи от своих стен. Приди и возьми, великолепная матриарх, если сможешь выстоять в бою!

— Пусть победит достойный, — произнесла девушка ритуальную фразу, передавая витой рог оруженосцу. — Лучники, бой! Щиты!

На войне дорога каждая капля масла. Каждое промедление может стать роковым. Поразительная, аналогичная организованность таких похожих, сильных, отважных, но волею судьбы оказавшихся по разные стороны баррикад армий словно повторяла действия противника, самым непостижимым образом.

Купол щитов моментально выстроил стальную оборону, прикрывая королевскую троицу, принимая в блестящий в лучах утреннего солнца металл каскад горящих стрел. Ответная атака натолкнулась на такую же непробиваемую стену защиты.

— Копье! — хладнокровно распорядилась матриарх, принимая стальное оружие смерти из рук одной из Пантер. Латима было неодобрительно свела брови — не подобало правительнице самой выполнять работу солдат! — но уже в следующий момент, вдохновленная бесстрашием юной королевы, хищно ухмыльнулась, заправляя арбалет, втайне радуясь возможности непосредственного участия в сражении. Лэндал, развернув коня, направился к левому флагу, где готовились нанести свой удар метательные орудия, чтобы удержать ситуацию под контролем и отдать последние распоряжения.

Элика, взвесив копье в тонкой ладони, поднесла руку ко лбу, прикрывая глаза от слепящего солнца. Фигура Кассия была перед ней, так далеко и близко одновременно. Он пренебрег защитным шлемом, так же, как и она с целью вдохновить воинов своим бесстрашием — или же просто иметь возможность смотреть в глаза своему врагу. Он пошел даже дальше — защитные латы не скрывали его тела, демонстрируя бесстрашие перед уязвимостью и невероятную уверенность в своих силах одновременно.

Взмах руки, и копье, вырвавшись из тисков тонких пальцев, со свистом рассекло

сгустившийся, жаркий воздух, полетев навстречу своей цели.

"Увернись!!!" — мысленно закричала Эл, не отдавая себе отчета в этом непонятном поступке... Но этот ментальный посыл предупреждения опередил полет орудия смерти, Кассий оскорбительно медленно уклонился в сторону, позволяя кому-то из воинов переднего фланга принять смерть вместо себя. С такой же легкостью взметнувшийся щит, ослепив отблеском солнца на отполированной стали, отбил разрывающую стрелу Латимы Беспощадной.

— В позицию наблюдения! — оценив обстановку, распорядилась Элика, не сдержав вздоха облегчения, когда совершенно невредимый Кассий с гортанным криком поднял над головой широкий меч. Но мудрая полководица все прекрасно поняла — не будет этот солнечный круговорот решающим днем битвы, не нужна юной матриарх мгновенная победа, которой легко можно было достичь одной лишь смертью царя Кассиопеи. И не было осуждения в ее затянутой пеленой жажды крови прекрасных голубых глазах, наоборот — некое грустное понимание...

Тень упала на землю, тень тысячи щитов, тысячи взметнувшихся вверх рук лучников и копьеметателей, и эта мнимая тень тьмы словно создала фантасмагоричный фон для последующей атаки пехоты и конницы. Звон тысячи мечей, скрестившихся в смертельном поединке; крики раненых и умирающих, которые легко можно было разобрать и даже понять, кто их испустил, в зависимости от имени Антала или же Эдера. Направив Захватчицу Ветра, матриарх заняла позицию на пригорке вместе с Латимой, чтобы оттуда наблюдать за дальнейшим ходом сражения.

— Из того, что мы увидели, могу сделать вывод, что не легат, а именно полководец Домиций Лентул руководит всей военной стратегией, — заключила Латима. — Роль легата мне вообще не понятна. Его можно снять одним из первых.

— Не стоит, Лати, — загадочно улыбнулась Элика, вздрогнув, когда одна из Пантер в высоком шлеме с алой кистью, не успев бросить копье, упала, пораженная горячей стрелой в незащищенную шею. Тотчас же ряды конницы сомкнулись над ней, лишая малейшего шанса на жизнь. Потеряв мысль, матриарх, зажмурившись, сделала жест, словно прикрывающий веки павшей воительницы, и горячо зашептала слова молитвы, направляющей соотечественницу в чертоги Антала.

— Камия, да примет ее наш бог в свое воинство великих воительниц, — Латима за свою долгую жизнь привыкла к смерти, поэтому ее слова, казалось, были лишены эмоций. Чтобы отвлечь королеву, она поспешила переменить тему. — Моя матриарх, Юлий Кантун, стало быть...

— Его голова обещана, — сглатывая комок, ответила Элика.

— Дарк Несломленный, верно? — помедлив, полководица кивнула. — Это достойное решение. Для самого достойного кассиопейца, может, после царя Актя. С твоего позволения, я прошу жизнь достойного соперника. Полководца.

— Лентул твой, Лати. — Это война. Иногда приходится жертвовать и теми, кто когда-то был к тебе добр. Даже теми, кто какое-то время мог звать себя твоим другом. Может, он и до сих пор не утратил в ее сердце этого звания — как знать? Но война расставила все фигуры вместо них. Враги. Противники. Их можно уважать. Можно любить. Можно даже пролить скупую слезу над их могилами, погрузив о том, что не дано было им волей богов встретиться при иных обстоятельствах... — Я прошу тебя лишь об одном, — ей ничего не стоило отдать приказ, которому бы Беспощадная подчинилась, не раздумывая. Но крепкая,

почти родственная связь, несмотря на новый статус, не позволяла видеть в гордой воительнице всего лишь исполнительницу роли. — Пусть его смерть будет быстрой. И именно смерть. Он заслужил почета и славы в чертогах своего бога, а не жалкого существования источника улады в рабских цепях. Это не жизнь для воина.

— Любое желание моей королевы — закон, — приложив руку к сердцу, пообещала Беспощадная. И, чтобы разрядить обстановку, широко улыбнулась. — Мое сердце принадлежит их послу. Как и цепи у подножия моего ложа. Они так и не дождались Аларикса Фланигуса.

— Мои тоже не удержат моего главного врага, — задумчиво произнесла Эл. Чувство юмора Латимы всегда действовало на нее умиротворяюще...

"Яркое светило сей уставшей земли не могло пробить пелены павшей на землю тьмы, которую несла в своих руках прекрасная, но жестокая и беспощадная завоевательница Элика Непримириная; все последующие ночи лик Фебуса был скрыт от глаз обреченных на смерть детей великой Кассиопеи, словно удалившись в долину забвения, жалкий и лишенный возможности помочь.

Начавшийся с первой утренней зарей кровопролитный бой длился до самого заката. И дрогнуло сильное, сплоченное войско династии Кассиев под напором армии бесстрашных амазонок Атлантиды, ибо не уступали они в своем умении владения мечом, копьями, стрелами и ножами достойным мужам империи. Горящие стрелы неумолимо находили свою цель, неся смерть прославленным воинам, неоднократно проклинаям свою излишнюю самонадеянность; не было возможности в пылу жестокого истребления обратиться к всемилостивому Эдеру, который отвернулся от них в этот кровавый круговорот, подобно лику Фебуса. Бесстрашие правителя Кассия лишь незримо удерживало обреченное на поражение войско на пороге неминуемой паники, но количество павших бойцов неумолимо приумножалось, тесня ряды армии к оборонительным стенам агонизирующей столицы.

Немногочисленные отряды, посланные к подножиям высоких гор, были безжалостно истреблены армией Непримириной; их тела безбожно осквернили, отняв головы ударом меча, и оставив подвешенными к ветвям горных кипарисов как назидание подоспевшему было подкреплению, которое спустя несколько мучительных мер масла постигла та же участь.

У разветвленного лабиринта пещер Эдера, приказом царя заваленных горами непроходимых камней, атланским отрядам не без потерь, но все же удалось миновать засады, оставшиеся воины Кассиопеи были обращены в бегство. К закату дневного светила воздух наполнился запахом крови, криками умирающих, песнями победы грифов и горных орлов, спустившихся с вершин в предвкушении кровавого пира. Словно насмехаясь над кассиопейской армией, прекрасная королева Непримириная нанесла сокрушительные удары совершенными, неизвестными прежде воинам сей земли баллистами, ударяя на поражение не по стенам столицы, а прямо в сосредоточение фаланг царской армии, посеяв в их рядах настоящую панику. Казалось, что разрушение крепостных стен вовсе не входило в ее кровавые планы на данном этапе, и безжалостная королева забавлялась, демонстрируя свое превосходство, прежде всего великому правителю.

До сей поры не поддается разумению, отчего предводители армий не истребили друг друга в тот смертельный круговорот; оставшиеся в живых участники тех давних событий, до того еще, как нашли свою кончину в последующем бою, утверждали, что между жестокой декой Атлантиды и их царем был установлен негласный договор о ненападении до

определенного момента. Говорили также, что он готов был позволить пасть всей своей армии за одно лишь право взять ее живой во время кровопролитных сражений. Под страхом трибунала было запрещено учинять ей какой-либо вред, потому и миновали бесстрашную красавицу огненные стрелы и клинки, о чем не раз, наверняка, правителю Кассиопеи пришлось жестоко пожалеть. Росло недовольство в рядах его войска, множились бесславные смерти великих воинов, но никто не посмел пойти против воли своего царя.

С последними проблесками заката, игрою богов окрасивших небо в цвета алой крови, избитая, униженная армия Кассиопеи скрылась за высокими стенами столицы, не имея возможности забрать с поля боя павших товарищей, и придать их земле с достойными почестями. Лишь с пришествием тьмы, воспользовавшись нерушимым правом ночи, непреложным военным законом, смогли они опустить тела сотоварищей в братскую могилу, не опасаясь стрелы из укрепленного форта противника. Погребальные костры озаряли тьму, было светло, словно в разгар солнцестояния, многострадальная земля не могла принять столь огромного количества павших.

А за укрепленными стенами Кассиопеи так же ярко пылали иные костры — пламя жертвенных алтарей, и не менее ярко — иное пламя, огонь анархии, паники, возмущения и недовольства.

Пред лицом общей беды царь Кассиопеи уравниал в правах служителей культов Эдера и Лаки, запретив междоусобные столкновения, что лишь усилило недовольство горожан. Между двух огней, на пороге краха, правитель Кассий, тем не менее, держался храбро и с достоинством, но лишь Эдеру Великому было известно, на сколь долгие меры масла хватит его умения удерживать готовых к восстанию горожан на мирных позициях..."

Из летописи сказателя соития прошлого с грядущим, мудрого старца Эфорита.

...Кровавый закат, так похожий на закат Лазурийской пустыни, окрасил горизонт в цвета смерти и славы, злорадное завершение жестокого дня и жаркого боя. Сегодня все они растворились в адском дне. Павшие и выжившие, раненые и не получившие ни единой ссадины, завоеватели и обороняющиеся. Уставшая, но, несмотря ни на что, внешне невозмутимая и бодрая Элика велела трубить в рог, знаменуя завершение боя на сегодня. Дождавшись ответного гласа противника, удовлетворенно улыбнулась, понимая, что в силу своей неумной гордости, несмотря на потери, кассиопейцы вряд ли предприняли бы этот шаг первыми.

Время подводить итоги и считать потери. Невозмутимо наблюдала она, как пошатнувшееся вражеское войско исчезло за воротами крепостной стены, унося с собою раненых и, возможно, тех убитых, у кого была привилегия предания земле в стенах доживающей последние круговороты империи.

Можно было со всей достоверностью утверждать, что сегодняшний бой был безоговорочной победой Атланты, стоило лишь внимательнее приглядеться к песчаному плато перед стенами, усеянному телами павших врагов. Грифы, вороны и орлы кружились над ними бесшумными тенями, правя свой пир над погибшими людьми. Гасли кровавые всполохи заката, мнимый покой вместе с тьмой ночи спускался на землю, возобновилась привычная уже жизнь в стенах форта. Королева, задавив в себе желание смыть пыль жаркого боя с тела, выслушала подробный отчет об итогах первого дня войны.

Их потери, по сравнению с потерями врага, не были столь многочисленны, и составили приблизительно четыреста восемьдесят человек. Сто из них, не ожидая засады, сложили головы у карстовых пещер, как оказалось, потерявших свое стратегическое назначение в силу

спланированного противником каменного обвала. Остальные были истреблены в разгар боя, но, умирая, унося с собой подчистую ни одного, а нескольких врагов. Эти потери, по хладнокровному тактическому расчету Латимы Беспощадной, оказались в разы ниже установленного предела, что говорило о великолепной организованности и мощи армии атлантов.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Почти всех павших боевых товарищей удалось унести с поля боя. Матриарх, презрев усталость, лично прочла молитвы Анталу над их окровавленными, израненными телами, невозмутимо, наравне со всеми, копала братскую могилу за стегами форта, куда опустили вскоре павших товарищей, погибших во славу великой империи.

— Госпожа, — обратился к ней предводитель одного из легионов, — на расстоянии мили разбиты шатры работорговцев Черных Земель.

— Падальщики, — процедила сквозь зубы Латима Беспощадная. — Моя королева, прикажешь уничтожить?

— На этих трусливых шакалов даже не распространяется закон ночного перемирия, — осторожно намекнул Лэндал.

Элика, утерев тыльной стороной кисти пот со лба, опустошила кубок с ключевой водой.

— Их время тоже скоро настанет, но не стоит торопиться. Мне известно, что есть военнопленные?

— Одиннадцать солдат, великая матриарх. Их офицеров и предводителей легиона не было на передовой.

— Они сказали что-то ценное для нас?

— Ничего из того, что бы не было нам известно, моя королева. Разве что о вспыхнувших в столице акциях протеста против царя. И... Может, это стоит услышать тебе, самой... — замялся легионер.

— Говори, — властно велела Элика.

— Тому, кто доставит тебя к этому варварскому правителю живой, обещаны несметные богатства. Прости, госпожа!

— Оставь, — улыбнулась девушка смущенному мужчине. — И вправду... Ничего нового. Царь Кассий почти свихнулся в своих романтических бреднях. Постарайтесь вытянуть из них как можно больше информации, о численности оставшихся войск, о путях отхода, вооружении, о том, кто бастует в столице и по какому поводу. Потом вели обрить им головы и отвезти в лагерь работорговцев. Только проследят пусть, что каждый из них получил метку раба на месте! Теперь их не выкупят, у нашего правителя предвзятое отношение к рабам!

Глубокой ночью, вымывшись в ключевой воде горных родников, которую специально доставили в шатры королевы и ее приближенных, Элика облачилась в простое синее платье, но, соответственно положению, из самого качественного лассирийского шелка, и, пригласив Латиму, и еще шестерых женщин, предводительниц легионов, самолично заварила напиток кофейных зерен, щедро приправив его соком хмельной коры. Лэндал отправился спать, решив не устраивать свои посиделки с мужской частью армии — мужчины без позволения не могли присутствовать на собраниях привилегированной женской касты матриархальной империи. Элика все же выразила желание видеть их там, предоставив право выбора, которым те не воспользовались. Немного понаблюдав с укрепленного поста за пылающими погребальными кострами кассиопейцев у стен столицы, не замечая противного запаха

горелого мяса и густого дымного смога, матриарх присоединилась к женщинам, выпила с ними кубок хмельного сока за погибших атлантов, традиционно пущенный по кругу, затем с удовольствием вытянулась на шкурах, слушая их рассказы о подробностях боя, забавляясь тем, как теряли голову от изумления воины Кассиопеи за миг до своей гибели, узрев прекрасных ликом дев и недооценив их военной подготовки. Когда затрубил рог тревоги, Элика, проклиная возмутителей спокойствия, вскочила на ноги, опрокинув кубок, растолкала окруживших ее воительниц, которые выстроили живую стену с намерением защитить королеву.

— Что там стряслось?

К ним уже бежал предводитель легиона лучников.

— Амбитадор, моя королева! — он выглядел ошеломленным.

— В...би его Лаки, — смачно выругалась немного захмелевшая матриарх. — Красавчик Кассий решил, что его постельные подвиги в состоянии положить конец войне. Поаплодируем такому крепкому мужчине, достойные девы? У него легла добрая половина армии, а ему хоть бы что, под правом ночи!

Она особо не делала секрета из того, что произошло ночью между ней и загадочным пришельцем, в котором тогда мало кто признал Кассия, многие впервые узрели его сегодня во время сражения. Латима понимающе ухмыльнулась, за ней, помявшись в нерешительности, рассмеялись остальные воительницы.

— Враги днем, любовники ночью, — продолжила веселиться Эл, сжимая кинжалы в ладонях и храбро шагая навстречу ночному гостю. — Я вам говорю, наши потомки будут заливаться краской смущения, читая эти летописи!

На этот раз, еще не отошедшие от азарта боя воины держали визитера, закутанного в голубой плащ, за руки.

— Откройте ему лицо! — велела королева, безжалостно переступая через упавший на землю флаг Амбитадора.

Сегодня судьба намеревалась продемонстрировать свое чувство юмора, обманув ожидания.

— Керра! — ахнула матриарх, когда плащ голубым облаком опустился на землю подле флага. Чувство радости и восхищения на миг замерло в ее сознании, безжалостно вытесняемое иным... Чувством вины? Опасением, что вместо дружеского поцелуя она может получить плевков? Подойдя ближе, Элика бесстрашно заглянула в черные глаза подруги, готовая увидеть в них осуждение, ненависть и презрение. Но все ее опасения оказались напрасны.

— Моя королева, — поклонилась северянка. Ее глаза горели восторгом и искренней радостью от встречи.

— Керра! — счастливо выдохнула Эл, заключая ее в объятия.

Факелы отбрасывали причудливые блики на мраморные стены тронной залы. Неестественная тишина дворца была моментально нарушена, сперва тяжелой поступью повелителя и его сопровождения, затем — громкими голосами, звоном оружия и перепуганными вздохами не успевших разбежаться немногочисленных слуг.

Кассий ворвался в тронную залу, на ходу отбрасывая меч в угол, разрывая завязки плаща у шеи, не замечая, что вновь открылось кровотечение на запястье — рана, оставленная кнутом Элики, не желала затягиваться.

— Я не собираюсь отменять свое решение! Ни один волос не упадет с головы этой дерзкой королевы! До тех пор, по крайней мере, пока я не начну выколачивать из нее Лаки!

Подойдя к огромной чаше, наполненной водой, Кассий зачерпнул ее обеими ладонями, смывая брызги крови и пыли с лица, затем, махнув рукой, поднял эту чашу над головой, переворачивая. Еще холодная вода окатила разгоряченное сильное тело, принося вместе с этим прояснение уставшему сознанию.

Лентул, поискав взглядом отрез шелка, подхватил его и бросил другу, который ловко перехватил его в полете.

— Я принял решение. Тщеславие совсем отравило рассудок Кантуна, раз он считает, что мы выстоим. Не выстоим, ты сам это понимаешь. И эту суку не взять голыми руками, сколько бы она не храбрилась, бегая по передовому флангу! Ее берегут, как святыню! Нет уж. У нас не осталось выбора, кроме как пойти на этот шаг...

— Касс, шахты...

— Если мы будем медлить, от них ничего не останется! Я заручаюсь поддержкой Фланигуса, пока наши стены еще стоят! И помни — ничего не выйдет за пределы этой комнаты!

Далекий грохот заставил мужчин замереть, прислушиваясь.

— Эл чтит закон ночи, — печально констатировал царь Кассиопеи. — В отличие от этих...

— Касс, ты обязан пообещать им, что она будет мертва... Иначе, анархия убьет нас гораздо быстрее! Восстания разрушают до основания...

— Конечно, — Кассий ухмыльнулся. — Я выйду к ним вскоре. Но сначала... Сначала я приглашу сюда весь боевой флот Спаркалии!

— Это мудрое решение, Касс.

— Не понимаю, как ты решился отправить Керру к ним в лагерь. Элика уже не та, что прежде. Она, не дрогнув, использует ее в войне против тебя...

— Нет. У меня есть ее слово. Атланцы никогда не были бесчестны, а Керра... Здесь она в опасности. Как и все, если ты не уймешь эти беспорядки на религиозной почве.

— Само собой, — отбросив мокрую ткань, мужчина подошел к столу, взяв чистый сверток папируса. — Дом, зови гонца — послание будет кратким...

— Наверное, мне просто не дано понять, как бремя власти и ответственности держится на хрупких женских плечах! — развела руками Керра, опираясь локтем на шелковые подушки и потягивая из кубка черный эликсир, щедро приправленный медом — его терпкая горечь была непривычна для северянки.

— Нет того, с чем бы мы с тобой не справились, — несмотря на усталость, Элика продолжала улыбаться.

Приятный летний вечер упал на притихший после еще одного круговорота ожесточенного сражения форт. Кассиопейцы погибали сотнями, но держали оборону до последнего. Наверное, завтра придется пустить в ход катапульты... Как бы не хотела матриарх Непримирая выжать максимум удовлетворения от этого кровавого противостояния, ее люди тоже погибали в безжалостной войне. Сегодня в чертоги Антала ушла Авантия, предводительница легиона Пантер. Копье, пущенное умелой рукой Домиция Лентула, не оставило ей ни малейшего шанса. Допусти вражеский полководец оплошность — Кассия бы больше не было в живых, ибо смерть настигла бесстрашную Пантеру с мечом, занесенным над головой царя.

Отважную воительницу предали земле с почестями, достойными особы королевской крови. Девушки-легионеры отказались от вина, они скорбели по своей предводительнице, от их песен печали и мести стыла кровь в жилах кассиопейцев, которые отчетливо слышали этот реквием даже сквозь мощные стены укрепления. Впервые Эл ощутила пустоту и сомнения в своих действиях. Королевские приказы и поступки не подлежат обсуждению, но еще совсем недавно она, не стесняясь, делила ночью постель с их общим врагом... Но на поле боя это не имело никакого значения.

— Я говорила, что убью его сама, — сообщила она воительницам. — Я беру свои слова обратно. Он ваш. Хотите — убейте сразу, хотите — затащите на аркане в свой шатер. И мне все равно, что вы там с ним сделаете, я не приближусь ни на шаг, ни словом, ни делом не помешаю вам вершить вашу месть. Смерть Авантии не останется неотомщенной!

Девушки восторгались мудростью, непримиримостью и жестокостью матриарх, а сама Элика ощущала странное опустошение. Кассиопея медленно умирала, но была готова сражаться до последнего. Обреченная империя задыхалась в пламени битвы, как за стенами столицы, так и в их пределах — информация о вспыхивающих восстаниях против Кассия Кассиопейского и его заведомо провальной военной политики подтвердилась. Непонятно было, что убьет великую некогда империю быстрее.

Дым погребальных костров смешивался с дымом костров жертвоприношений. Пленных солдат допрашивали со всей строгостью, нередко — с применением пыток, и их слова позволяли составить полную картину того, что происходило за тяжелыми воротами столицы, после чего продавали в рабство курсирующим поблизости торговцам Черных Земель, но чаще всего просто убивали.

Междоусобицы вспыхивали, словно сухая трава под тлеющей искрой. Религиозная разобщенность привела к кровавым сутолокам на улицах столицы. Приказом Кассия был легализован культ Лаки под патронатом Эланы, Служительницы Тьмы, что категорически не понравилось многочисленным адептам Эдера. "Оба бога отвернулись от нас навсегда!" — такие слухи ширились по всей империи, участились случаи дезертирства и предательства.

Шокированная таким бесчестным поведением своих врагов, — ведь для них предательство было чуть ли не обыденным делом! — Элика отдала приказ уничтожать их на месте, перед этим выудив побольше информации. Эта война не будет долгой. И это, наверное, хорошо — как бы не стремилась великая правительница Атланты насытить свой зов крови, ее люди погибали во благо этой недопустимой блажи.

Сегодня кассиопейцы бились отчаянно, почти иступленно. Расслабляться не стоило, ведь теперь им было нечего терять, а в таком состоянии человек пойдет на все. И Эл, и Кассий сегодня не участвовали в непосредственном сражении, заняв оборонительно-наблюдательные посты. Свистели стрелы, находя свои цели, сверкали на солнце металлические клинки мечей, рассекали жаркий, наполненный запахом крови и смерти воздух копья. Ржание лошадей, звон скрестившегося в поединке металла, крики раненых, отрывистые приказы — ее мир отныне был именно таким, беспощадным, шокирующим, ужасным, кого слабее он бы сломил до основания, но только не ее, королеву, прошедшую босыми ногами чертоги Лакедона, похоронившую себя и свои слабости в пламени адского противостояния, когда беспощадная власть превосходящей силы угрожала уничтожить и расколоть на сотни осколков. Она выстояла. Воскресла из этого пепла, чтобы принести с собой пламя мести, в разы превосходящее тот жестокий отрезок жизни, заставивший неминуемо повзрослеть. Теперь их роли поменялись. Ее армия превосходила численностью его войско, ее оружие было самым новым и совершенным, а сплоченность атланской армии — нерушимой и непреступной.

С высоты она видела все. Видела, как погибали на поле боя ее люди. Погибали за свой народ, за свою королеву, во имя мести, исповедуя волю священного Антала. Ни один мускул не дрогнул на красивом, аристократическом лице королевы. Пассивное наблюдение позволило ей сделать много полезных выводов и открытий. А еще — удостовериться в том, что не хочет она больше долго тянувшейся мучительной почти рутины. Пора заканчивать. Убить вражеского царя и занять свое кресло матриарх — мирные жители Атланты толком и не узрели свою королеву на троне.

Латима Беспощадная сегодня осталась довольна исходом боя, хоть и пустила скупую слезу по так рано ушедшей Авантии, одной из своих лучших учениц. По ее расчетам, потери могли быть гораздо больше, но разъединенность кассиопейского войска играла им только на руку. Лэндал получил не опасное ранение в ключицу — на подступах к горным тропам на них напали два объединенных партизанских отряда воинов гор. Но уже к закату их головы украсили собой бивни серых скал и безжизненные, сухие ветви немногочисленных деревьев.

Прошлой ночью Элика явно ощутила на себе недостаток сна — потому, разместив Керру в шатре, отправилась в объятия Морфея. Осторожность сейчас сопровождала ее по пятам, поэтому она распорядилась обеспечить наблюдение за подругой, дабы точно удостовериться, что ее намерения чисты. Керра не покидала свой шатер в течение дня, и вечером Элика, уладив все дела, пришла ее навестить.

Войдя, она замерла на пороге. В кожаном корсете, короткой юбке, едва прикрывающей бедра, с невысокой короной в черных, разметавшихся волосах, решительная и прекрасная, несмотря на усталость.

— Моя королева, — склонилась было в поклоне растерянная северянка, но Элика не позволила ей этого.

Молча подошла, осторожно сжала плечи, заглянула в глаза. Кто они теперь друг другу? Друзья? Но она пошла войной на империю ее вольного спутника. Враги? Но Керра

бесправной рабыней попала в эту чуждую ей империю в свое время, так же поклявшись отомстить за кошмар боли и унижений. Говорящая с Миражами сама ответила Непримиримой на невысказанный вопрос, отбросив ненужные сейчас ритуалы придворного церемониала и просто, бесхитростно открыв свои объятия.

— Эл!..

— Да, Керра. Да, милая. Для тебя я все та же Эл. Может, не такая напуганная размером мужского жезла и насильственными ласками, но все же — та самая.

— Как же это... Неужели пророчества сбываются... Все, что я увидела... Пришествие воительницы Лаки в черном одеянии... — Керра выдохнула и покачала головой. — Я ведь это знала, с самого начала. Но могла ли я тогда подумать?

— Ты сама говорила, что твои видения не приходят просто так.

— Иногда образы играют со мной... Изначально было два пути. Но приспешник Эдера перешагнул допустимую грань, после которой возврат был уже невозможен!

— Забавно, правда? У тебя есть возможность поговорить с твоим сбывшимся пророчеством! — засмеялась Элика. — Я слышала, что мирные жители покинули Кассиопею... Почему ты не уплыла с ними?

— Мой путь писан свыше, Эл, — легкая улыбка тронула губы северянки. — Не в пыльных холмах Спаркалии моя судьба, нет. Персты богов чертят мой путь в Атланту, подле тебя. Не мне избегать их воли — этот дар дан был не случайно.

— А Амина?..

— С одним из первых кораблей. Кассий не мог на нее спокойно смотреть. Ее присутствие всегда напоминало ему о тебе.

В шатер вошла молодая девушка с символикой отряда Пантер на плече, разлила по кубкам черный эликсир, расставила на столике фрукты, мед и вино. Поклонившись, исчезла.

— Я скучала за этим вкусом, — Керра сделала глоток и, поморщившись, влила жидкого меда. — Так гораздо лучше. Ты знаешь, что произошло с Кассием после твоего отъезда?

— Догадываюсь, — пожала плечами Эл. — Он рвал и метал, потому что меня отпустили живой. Что он там сделал с этим Марком? Четвертовал? Жаль, что я этого не видела. Легат не смог справиться с хрупкой девчонкой! Мыслимо ли?

Керра недоуменно отставила кубок.

— Убить тебя?! О боги, Эл! Как ты могла подумать?

— Не убить — вновь вернуть в цепи, какая разница? Но Марк хотел моей смерти. Верная Фаби приняла смертельный удар на себя. Касс сам подписал свой приговор. Он послал легата не затем, чтобы тот освещал мне факелом путь в ночи!

— Так ты ничего не знаешь... — Керра выглядела ошеломленной. — Это был бунт в рядах стражи. Заговор. Марк и еще четверо — он не простил тебе смерть Териды. Я была там, когда Касс и Дом не смогли отыскать легата и его приближенных. Тогда мы поняли все. Домиций сразу поскакал на помощь, но опоздал... Эл, Кассий не посылал никого с целью тебя удержать! Он был уничтожен. Разбит. Я давно не видела его таким, кроме обря... Кроме как тогда. Это едва не свело его с ума, но он унял свою боль и позволил тебе уйти... Ради своих чувств к тебе. Только ради них...

— Я не верю тебе.

— Когда он узнал... Все были шокированы. Полагали, что он убьет Марка быстро, а не обречет на столь мучительную смерть... Он заказал мессу по Фабии у леди Эланы в храме. У служительницы Лаки, Эл!

— Потому что его сестра у меня, — отрезала матриарх. — Испугался, что я протащу ее в ответ по чертогам Лакедона! Поэтому поверь — все не так, как кажется!

— Ты многого не знаешь, моя милая подруга, — Керра отставила кубок. Ее глаза потемнели, она явно колебалась. — Скажи, слышишь ли ты его голос иногда сквозь дальние расстояния, сквозь колеса беспощадного времени, так близко, и так непостижимо далеко одновременно? Чувствуешь на себе безжалостное давление его ярости и вместе с тем твердую уверенность в том, что никогда она больше не причинит тебе вреда?

— Я вообще не думаю о нем, Керра. Хотя нет, обманываю. Иногда я ощущаю на своих руках его кровь, и в это время Антал словно целует меня в темя, одобряя мои стремления!

— Не может Лаки направить твой путь таким образом, — решительно заявила северянка. — Это уничтожит вас обоих. Уверена ли ты, что видишь именно то, что тебе предначертано?

— Его стараниями, я там была.

— Я знаю это, Эл.

— Я не устану тебя благодарить за то, что ты тогда спасла мне жизнь. За то, что твои травы изгнали яд из моей крови. Оставайся со мной рядом. В Атланте тебя ждет аристократический титул и безбедная жизнь, я умею ценить добро.

— Мой путь подле тебя... Но ты введена в заблуждение. Вовсе не мои травы вдохнули тогда жизнь в твое тело. Ты не можешь этого помнить, ты ощущала на себе дыхание смерти...

— Не умаляй своего подвига, милая подруга, — Элика разлила по кубкам вино. — Знаешь, я не жалею, что начала эту войну. Но есть обстоятельство, которое смущает мое сознание, но я не знаю, в состоянии ли это изменить... Я не хочу причинить тебе страдания. Но в то же время, у меня нет выбора...

Тьма покинула взгляд северянки. Пригубив из кубка, та, грустно улыбнувшись, покачала головой.

— Не думай об этом, Эл. Наши пути с Домицием Лентулом неминуемо должны были разойтись рано или поздно. Я не смею идти наперекор воле богов. Он был для меня многим. Тихой гаванью в кошмаре моего нового положения. Защитой от темной стороны того, кто сейчас во имя любви к тебе сгорает в огне вашей вражды и разлуки. Моей верой в то, что моя жизнь войдет в мирное русло, и никогда отголоски событий юности больше не омрачат мое лицо печалью. Ты никогда не думала, почему я не привела в свет его наследников?

— Зелье, — не в силах скрыть потрясения, выговорила Элика.

— Это лишь средство. Задумывалась ли ты о причинах, по которым я не желала этого? Все очень просто. Миражи говорят со мной. Они убедили меня в том, что этому не суждено произойти, как и в том, что... — Керра вздрогнула и махнула рукой. — Его время в моей судьбе подошло к завершению. Не спрашивай меня о том, что ждет меня дальше, со временем мы узнаем об этом сами...

— Это война... Он может не вернуться...

— Он воин, и этим все сказано, — улыбнулась северянка, давая понять, что не желает больше развивать ту тему. — В первый день, с городских стен, я видела тебя в бою. Видела полет твоего копья. Чувствовала, как отводят боги твою руку... Не заставляй себя. Они все давно решили за вас. Это их забава — кровопролитная война во имя любви. Вы никогда не могли любить друг друга по-иному. А теперь — особенно. Вы связаны такими цепями, которые не разрубить даже мечу Лаки.

— Не говори мне больше о цепях. Никогда.

— Мои слова не в силах изменить действительность. Ты никогда не задавалась вопросом — почему? Что заставляет тебя так чувствовать его, читать его мысли... говорить с ним? Неужели ты думаешь, это случайно?

— Я не знаю, почему так происходит, Керра. Но это не меняет ничего.

Северянка не выдержала. Вздохнув, допила кубок до дна. Элика который раз за вечер поразила, как часто и с какой поспешностью ее глаза меняют свой оттенок, от нежного, разбавленного водой кофейного эликсира, до насыщенности его черной гущи на дне кубка.

— В твоих жилах его кровь, Эл. Он — пульс в твоих венах. Он — осколки льда твоего сознания. Этого не изменить.

— О чем ты говоришь?!

— Ты выжила только благодаря ему тогда. Он отдал тебе свою кровь, не раздумывая. Это древний и, зачастую, несовместимый с жизнью обряд Заклинателей Тьмы, вольных жителей Лазурийской пустыни...

— Керра, — Элику бросило в жар. — О чем ты сейчас? Ты... Ты его жалеешь, я знаю. Не понимаю, почему. Но не приписывай ему своих заслуг! Я тебе не верю!

— Посмотри на свое запястье, — просто ответила молодая женщина.

— Это ничего не значит!

— У него такой же. Он отдал тебе свою кровь. Он готов был отдать даже жизнь, если понадобится!

— Он остался жив, — упрямо ответила матриарх. — Стало быть, не велик риск! Я ничего не хочу знать!

— После обряда крови выживают немногие. Вождь тирасов Элана сразу ему об этом сказала тогда. Я была там... Эл, он не колебался ни секунды. Настоял на том, чтобы его не жалели и взяли столько крови, сколько понадобится, даже если его это убьет. Он отписал леди Элане часть Лазурийской пустыни. Он присягнул богу Лаки и узаконил его культ в империи лишь ради того, чтобы спасти тебя!

Элика выдохнула, шокированная словами подруги. Непонятно. И рушится мир. Она пришла забрать жизнь того, кто хотел умереть ради нее?! Вгляделась в лицо Керры, с ужасом осознавая, что та не врет. Растерянно погладила шрам на запястье. Вспомнила пророчество старой Эрты, поначалу показавшееся ей таким нелогичным... Его кровь, в ее венах... Нет одного без другого... Смерть кого-то из них повлечет за собой смерть противника... Его слова, обращенные к ней, когда она думала, что бредит...

"Ток моей крови, он в тебе..."

Реальность оглушила, словно ледяная волна. Он спас ей жизнь, но, если бы она не оказалась в его власти, то спасти бы ее не пришлось, так ведь?..

— Мне жаль, Керра. Но это ничего не меняет. Абсолютно.

— Элика?

— Не его кровь дала мне жизнь. Это Я хотела жить! Подумай, могла ли я дать себе умереть, зная, что вскоре вернусь домой, что теперь свободна, и что меня ждет корона?! Знаешь, в этом лишь моя заслуга. Если бы это случилось со мной в первые дни моего пребывания в Кассиопее... Знаешь, Керра, сколько раз я тогда просила у Антала смерти? Умоляла сжечь меня небесным огнем или замедлить бег моего сердца, лишь бы никогда не знать его ярости и извращенной ласки? Плакала от бессилия и нашего запрета на самоубийство, завидуя тем, кто был волен распоряжаться своей жизнью? У человека можно

отнять жизнь, но ни у кого, кроме нас, нельзя отнять Смерть! Так вот, выпей я глоток яда тогда, он бы ценой всей своей крови не смог меня спасти! Я бы не держалась за жизнь, обреченную на боль и страдания в его руках. Я бы никогда не вернулась с небесных чертогов, я была бы благодарна за подобный дар богов! Теперь ты понимаешь, что моя жизнь только в моих руках? И выжить — это был только мой выбор! Ради того, чтобы отомстить за каждый поцелуй боли и железа. За то, что моя жизнь изменилась бесповоротно... И я вынуждена нести смерть и боль, вместо того, чтобы восседать на троне в королевских покоях и подписывать указы о мире и содружестве! Нет! Я бы выжила и без его жертвы. И этот его якобы благородный поступок никогда не перечеркнет того, что он со мной сделал. Я могла познать иную любовь. В которой бы не было боли, страха и насилия. Как посмел он лишить меня этого?! Не дрогнет моя рука в пламени битвы! Мне мало его крови. Я заберу ее всю. До последней капли. Вместе с его варварской империей, и, поверь, это случится очень и очень скоро!!!

Керра смотрела на подругу и не узнавала ее. Что в ней осталось от той перепуганной, разбитой, сломленной маленькой девочки, познавшей боль и, тем не менее, не утратившей чувства собственного достоинства?! Ничего. Любовь Зверя ожесточила ее окончательно. Его кровь не принесла ей ничего, кроме жажды разрушения и мести... И при всем этом, это тоже называлось Любовью. И — Взаимной.

— Завтра снова бой, и мне нужен сон и ясность разума, — произнесла матриарх. Она задыхалась от последнего откровения северянки. — Мы увидимся на рассвете снова. Выпьем кубок черного эликсира за благоприятный исход. Да ниспошлют боги тебе спокойный и животворительный сон!..

... Ласковый рассвет занимался над Кассиопеей, словно спокойное предисловие к пламени кровопролитного противостояния. Элика была на ногах задолго до того, как первые лучи солнца окрасили небесный свод в нежные краски зари. Вчера она полагала, что, после слов Керры, не сможет уснуть, но усталость взяла свое, подарив спокойные и глубокие меры масла сна. Правда, без всяких сновидений...

Сегодня матриарх была великолепна. Корсет и юбка из белоснежной кожи подчеркивали смуглый оттенок кожи, блестела в волосах простая, укороченная тиара из металла Фебуса, на поясе покоился меч в черных стальных ножнах, клинок и свернутый в кольцо кнут, одно из самых любимых видов оружия. Во всей своей красоте безжалостная воительница Элика Непримируемая появилась в шатре немного сонной Керры, и вскоре темный эликсир прогнал остатки сна, зарядив неумной энергией.

Обе девушки избегали возвращения к вчерашней теме разговора. Северянка восхищалась прекрасным нарядом матриарх, и Элика велела подручным отыскать для нее нечто похожее. Когда же Керра вышла проводить свою подругу на поле сражения, рядом уже замерла в ожидании Латима Беспощадная. Лэндал гордо сидел в седле, делая вид, что ему нет никакого дела до любовницы кассиопейского полководца. Лати была настроена более миролюбиво — приветственно кивнула белокожей брюнетке, уважая дружественный выбор своей королевы.

Керра улыбнулась в ответ, но Элика заметила, как она побледнела, и как вдруг разом сникли ее плечи. Полагая, что подруга испугалась воительницы, о жестокости которой ходили легенды, матриарх подошла к ней, намереваясь успокоить. Темные глаза Керры были полны слез.

— Я прощаю тебя.

— Керра?..

— Я прощаю вас за то, что сегодня произойдет. Это путь богов, и нет в этом вашей вины.

— О чем ты? Я не понимаю тебя...

— Мой путь ответвился от его пути. Знай... Я прощаю, как не больно мне...

— Все будет хорошо. Вечером мы увидимся снова, — Элика вскочила на Захватчицу Ветра и улыбнулась. — Встретимся на закате!

...Сегодня кассиопейская армия активировала свои скрытые резервы. Численность войска умножилась — это было видно даже невооруженным взглядом. Лэндал выразил свою обеспокоенность этим фактом, но Латима осталась довольна.

— Они берегли подкрепление для финального боя.... Но силы слишком не равны, и пехоту пришлось задействовать преждевременно. Они терпят поражение гораздо быстрее, чем себе это представляли.

Элику же беспокоило иное. Сегодня она не видела Кассия ни на одном из передовых флангов. Ничего удивительного в этом не было — всегда особ королевской крови на поле боя охраняли, не многие имели отвагу биться в первых рядах, обычно занимая позиции наблюдателя. Промелькнула мысль, что его ранили, но это было маловероятно, ведь ей бы об этом сообщили. О том, что в то время царем был подавлен бунт аграриев в стенах империи — грубо, жестоко, по закону военного времени — Эл узнала лишь к вечеру. Латима отпустила унижительную шутку о его трусости, но надо было знать царя Кассиопеи лично, чтобы понять, что подобный юмор лишен оснований.

Бой начался. В кровопролитной схватке, казалось, пылали земля, небо и воздух. Тактическое построение "Серп Фебуса" зажало армию противника в тиски, не оставляя им ни малейшего шанса. Левый и правый фланг атланской армии, сомкнувшись дугообразной фалангой от стен Кассиопеи до сплоченных шеренг авангарда, отрезал врагу любые пути отступления. Звон мечей и крики звучали все громче и отчетливее, кассиопейцы подверглись безжалостной атаке, посеявшей панику в их рядах, доведя отчаявшихся воинов почти до безумия. В панике солдаты сами кидались на острия мечей и древки копий, и лишь руководство Домиция Лентула могло хоть немного, но образумить большинство из них.

Он сегодня занял место Кассия на передовой. Элика редко наблюдала его в бою и сейчас почти с восхищением отметила патрицианское спокойствие полководца, так легко, словно играючи, парировавшего атаки меча, отбивающего щитом смертоносные стрелы, отправляющего ее не самых слабых воинов в чертоги безмолвных небес. Захваченная несокрушимой волей этого человека, который ранее носил звание его друга, матриарх сама не пожелала оставаться в стороне от самого пекла баталии. Ее меч не знал пощады, сражая обезумевших врагов, кнут со свистом рассекал сначала воздух, а затем кожу нападающих, сминая броню, ломая позвоночник, разрывая мышечную ткань, перехватывая горловины в красивом и безжалостном поцелуе смерти. Ее белый костюм окрасился в капли вражеской крови, они сверкали в солнечных лучах, сворачиваясь, застывая в абстрактно-гротескном рисунке.

Она поздно заметила летящую в нее стрелу — Юлий Кантун подловил момент безошибочно, — но ловко, вытянув ладонь, перехватила ее в полете, даже не поморщившись от боли в окровавленном запястье, которое словно прожгло раскаленным железом. Она отлично владела как правой, так и левой рукой, поэтому эта отчасти бравада не нанесла серьезного урона ее боеспособности.

Меч Лэндала пронзил грудь защитника полководца, как оказалось — последнего.

И тут перед Эл развернулась отчаянная картина, заставившая ее пошатнуться в седле.

Быстрота и бесстрашие Латимы не зря были легендарными. Часть армии была оттеснена на три метра. Кантун метнулся к третьей шеренге, и матриарх упустила его из виду. Но это больше ее не волновало. Сперва она заметила белоснежный круп коня полководца. Без седока. Перевела взгляд на пропитанную кровью землю подле ног Захватчицы Ветра.

Страх смерти? Нет. Отчаяние? Тоже нет. Великий воин оставался таким до конца. Даже перед лицом смерти. Но почему он не поднимается?!

Элика тут же поняла, почему. Кровь заливала его ноги, а перерезанные мечом Беспощадной сухожилия не позволяли встать на ноги и продолжить бой. Матриарх ощутила головокружение и перевела взгляд на полководицу.

От улыбки Латимы кровь, казалось, похолодела в венах. Ее взгляд оценивающим, хищным пробегом скользил по сильному телу поверженного противника, но она не спешила его убивать. Внезапно Элика поняла значение этой улыбки... Как и то, почему атланка нанесла ему именно такой удар.

Она не собиралась его убивать. Желание обладать достойным врагом грозило пересилить их договоренности. То, что плескалось в ее красивых голубых глазах, было желанием. Извращенным, безжалостным, ненормальным.

Будь на месте Домиция кто другой, Элика бы позволила ей это. Но сейчас ее сердце сжалось, осознавая недопустимость происходящего.

— Лати, нет! — как эхо, выдохнула она. — Прощу тебя. Это не жизнь для воина.

Время, казалось, замерло. Очень медленно Латима спрыгнула с лошади на землю. Крадущимися шагами приблизилась к полководцу, чья отвага и умение так восхитили ее в первый день сражения. Элика с остывающим сердцем следила, как она легко, словно играючи, поставила ногу ему на грудь. Минутное колебание... Лентул потянулся за клинком, намереваясь дорого продать свою жизнь, но Латима с издевательским смехом занесла меч над головой и проткнула его ладонь.

Полководец Кассиопеи даже не закричал. Беспощадная с видимым сожалением повернулась к своей королеве.

— Убей... Не дай ему сойти с ума от ужаса неволи...

Вряд ли она могла ее услышать — но поняла все. Взмах меча... Удар...

Одинокая слеза пробежала по щеке Непримиримой матриарх. Все кончено. Соскочив с лошади, Элика медленно приблизилась на негнущихся ногах.

"Элика, верь мне. Разве я хоть раз чем-то обидел тебя?.."

"Твоя боль — моя боль..."

"Я не позволю ему причинить тебе боль..."

"Я буду рядом... Насколько хватит моих сил и моего влияния..."

...Латима убрала меч в ножны. Вожделение и беспощадный азарт в ее глазах сменились грустью. Но не печалью от того, что ее лишили живой игрушки. Элика поняла это по ее последним словам.

— Он умер героем. Почему такие мужчины рождены Кассиопеей, а не Атлантой?

Матриарх опустилась на колени в окропленную кровью пыль земли. Ее пальцы легли на веки самого уважаемого врага и медленно опустили их. Латима поняла все.

— Возьми, моя королева. Это его меч.

Элика, сложив его ладони на груди, вложила в безвольные пальцы рукоять меча. Никто и никогда еще не удосуживался жеста уважения, настолько сильного и трогательного по своей сути.

— Антал милосердный, он был и умер великим воином. Сотри же грани вражды в своих чертогах, и возвысь его согласно его отваге и мудрости!..

"Исход четвертого дня боя ознаменовался потерей великого полководца и советника царя Кассиопеии, прославленного воина Домиция Лентула. Он пал от рук жестокой и презренной воительницы Атланты Латимы Беспощадной, о жестокости которой слагали легенды даже в империи атланских амазонок.

Очевидцы утверждали, что безумная полководица перед смертью назвала его героем и восхитилась его отвагой — но это, скорее всего, были слухи. Как и то, что жестокая королева Непримируемая опустила его веки и прочла молитву, умоляя своего бога направить его посмертный путь.

Царь Кассий был убит горем. Утверждали, что он плакал над его могилой во время погребения. Как и то, что он поклялся превратить жизнь королевы Атлантов в ад, но лишить ее права смерти во имя возмездия... "

Из летописи.

Яркое оранжевое пламя неистово рвалось в черное ночное небо. Непокорное, беспокойное, наделенное властью испепелять дотла в своем ярком безумии, но лишенное одного — свободы оторваться от земли и взмыть туда, вверх, к холодным звездам, словно повлиять на их цинично-равнодушное безмолвие, озарить алыми всполохами эту непоколебимую завесу тьмы, передать хоть искру праведного возмущения... Не дано им было права испытать глоток этой беспечной свободы. Оттого так яростно лобызали языки огня деревянные подмости погребального костра в разрушающем поцелуе, испепеляя своими смертельными объятиями тело самого великого и достойного воина империи.

Треск огня, заунывный бит барабанов, провожающих его в чертоги Эдера, и на контрасте с этим — пугающее, угнетающее молчание воинов, собравшихся отдать великому полководцу дань уважения перед его последним походом в эти безмолвные небеса. Наверное, именно сегодня каждый из них осознал весь ужас разразившейся войны в полном объеме.

Сноп алых искр — ярких, завораживающе-красивых, взметнулся ввысь, жалкая попытка пламени презреть закон земного тяготения. Вопреки всему, этот искрящийся сверкающий вихрь не погас в тот же миг, стойко преодолел значительное расстояние, чтобы там, в высоте, погаснув, раствориться в небытие. Наверное, вместе с этими яркими огоньками душа Домиция Лентула устремилась в небесные чертоги, на встречу спокойной и величественной неизвестности... Своего конца.

Блики погребального костра освещали все вокруг, плескались огненной лавой в глазах правителя этой обреченной земли, но даже они не могли растопить лед его взгляда, смягчить игрой света застывшие черты лица, иссушить своим теплом слезы горя от потери лучшего друга, которые он не считал нужным скрывать.

Что он раньше знал о значении слова "потеря"? Абсолютно ничего. Даже боль от потери любимой женщины не оставила столь сильных рубцов на сердце. Пока она была жива, пока ловко плела свои кровавые сети военных тактик и интриг, которым, он сейчас это осознавал, в не малой доле поспособствовал бег его собственной крови в ее венах, он не прочувствовал их разлуку в полной мере. Особенно сейчас, когда она была так близка и далека одновременно — его рок, каменный идол, остывшее сердце, самая непростительная — и самая чудесная ошибка из всех, что он совершил в своей жизни.

Да, она пришла отнять у него все. Власть. Империю. Жизнь. Но даже после этого он не смог ее возненавидеть. В глубине души понимал — никуда не денется, ничто не потеряно окончательно, пока она здесь, на расстоянии вытянутой руки. Мятежная амазонка, вовлекшая себя в круговорот беспросветной тьмы, и до конца не осознавшая, что это сломает ее вскоре сильнее его недавнего диктата. Отрицающая его помощь — помощь человека, который это видел и подсознательно пытался оградить от последствий. Именно это стремление подарило ему крепкие крылья, позволив мыслить ясно и логично, зарядить оптимизмом армию — пусть не все в это поверили, но большинство уж точно.

Сегодня его внутренний мир оказался до основания разрушен безжалостным ударом судьбы. Умом он понимал — не время сейчас замыкаться в себе и опускать руки, в условиях непрекращающегося противостояния не на жизнь, а на смерть его разум и воля к победе быстро разрушит недопустимые оковы отчаяния и боли, воссоздав его заново, более

сильного, чем прежде, решительного и беспощадного. Все это будет, и очень скоро. Но сейчас он, не мигая, вглядывался в танец неистового пламени, с печатью страдания и недоверия на волевом лице, словно надеясь, что все это было лишь кошмарным сном, и ничего не изменилось... Что по возвращению во дворец он так же, как и прежде, осушит с первым советником и великим полководцем кубок огненного эликсира, почтив этим смерть павших и торжествуя иллюзорную победу от пусть немногочисленных, но все же павших в бою атлантов. Услышит ценный совет касательно так неуместных сейчас восстаний в столице, сперва решительно откажется ему последовать, затем, поразмыслив, все же признает его правоту и сможет успокоить непокорную толпу недовольных собственной излишней дипломатией. Аккуратно, словно балансируя на лезвии меча, верный друг и молочный брат тактично намекнет, что пора бы уже осознать, что за стенами столицы разбиты шатры вовсе не соотечественников любимой женщины, а беспощадных агрессоров, жаждущих крови и мести, и что сама Элика Непримируемая получила сей титул неспроста. И он, вместо того, чтобы строго осадить советника, просто промолчит, сжав губы, уже после, ворочаясь на остывшей постели без сна, утомленный попытками воспроизвести в воображении ее гибель, останется при своем. При нелогичном, неправильном мнении — она будет жить. В цепях подле его ног или на троне рядом — пути Эдера непредсказуемы...

Все закончилось. Никогда больше никто не будет разделять с ним горечь поражений и сладость побед. Никогда больше ценный дипломатический совет не прольет свет на беспросветную тьму окружающего хаоса. Некому будет даже сдержать его внутреннего Хищника, когда Непримируемая снова окажется в его руках. Никто не защитит в бою его спину, теперь суждено остаться наедине с приспешниками, которые при неблагоприятном лично для них исходе всадят в эту самую спину нож. Домиций Лентул завершил свой земной путь.

Кассий не выглядел сломленным и подавленным в глазах своих воинов. Вовсе нет. Гордый разворот плеч. Немигающий взгляд серых глаз, решительный и непримиримый. Аура непреклонной власти и решительности, поразительной стойкости вопреки всему, окружала его практически осязаемым силовым полем. И только скупые мужские слезы, чертившие продольный рисунок на пыльных после боя скулах, выдавали всю боль его потери.

Гордые и в большинстве своем достойные воины империи не знали, каких сил ему стоило не сорваться в безутешные судорожные рыдания. Вряд ли они в полной мере могли понять, что их царь и предводитель чувствовал в этот момент. Атмосфера боли и грусти — но не отчаяния! — сгустила тьму безмолвных небес и раскалила ослепляющим светом пламя костра. Он вглядывался в этот жаркий танец, даже не вздрогнув, когда рухнули обуглившиеся опоры подмостков, а колючие искры, коснувшись его кожи и причинив мимолетную боль, угасли. Слишком поспешно. Он хотел этой боли. Сминающей, ослепляющей, неистовой, ибо лишь она была способна выжечь пусть малую часть его страданий, но и принести вместе с этим ясность разуму.

Одинок. Правитель целой империи, и, одновременно — лишенный всего. Некому было даже разделить с ним это горе в полной мере. Для большинства из его приближенных смерть несравненного полководца открывала пути возвышения в званиях и следующие за этим блага. Керра, единственная, кто могла бы быть с ним рядом, держать его за руку, передавая таким образом чувство локтя и плеча, покинула столицу. Домиций сам на этом настоял тогда. Сейчас Кассий понял двойственность намерений погибшего друга — он спасал свою любимую женщину от хаоса в столице, от грядущего разрушения крепостных стен и

нашествия вражеской армии, справедливо рассудив, что дружба матриарх великой империи и недавней рабыни убережет ее от смерти и насилия гораздо вероятнее, чем отплытие в Спаркалию. По сути, то же самое произошло и с Вирсавией... И только теперь Кассию стал понятен второй его мотив — он предвидел свою смерть и не желал, чтобы Керра видела это собственными глазами. Желал лишь одного — чтобы она запомнила его иным. Сильным, благородным, добрым и любящим. И — живым.

После появления Эл в его жизни острые углы между ним и женщиной, пострадавшей когда-то от его насилия, сгладились окончательно. По сути, его покинул еще один верный друг, который, будь сейчас рядом, поддержал бы его, поднял боевой дух, не осуждая и не презирая. Но Непримиимой было мало. Она отняла у него и этот оплот поддержки.

Метались языки пламени, последние всполохи догорающего погребального костра, и точно так же метались безрадостные мысли, сминая баррикады воспоминаний, поражая кристальной ясностью...

" Отец! Этому выскочке не место во дворце, рядом со мной и достойными будущими воинами аристократических семей! Он трус и подлец! Подумай только, он вчера свободно высказался в пользу дипломатических переговоров, а не нападения! Да кому еще, кроме презренных атланских нечестивиц, могло прийти такое в голову?.."

"Я будущий царь Кассиопеи! Когда я взойду на трон, ты, позор рода Лентулов, моментально лишишься головы за всю свою ересь!"

"Не понимаю, что ему делать в походе! Рассказывать покоренным горожанам Лассирии о мире во всем мире?!"

" Молочный брат? Невелика честь! Нам никогда не достигнуть взаимопонимания!!!!"

Казалось, Домиций был рядом. Незримо стоял подле, опустив руку на плечо лучшему другу.

"Да пошлет Светлый Эдер здоровья и великих свершений храброму Кассию Кассиопейскому, сыну великого царя Актя!"

"Я поражен! Как тебе удалось уговорить их сдать город без боя?!"

"Иногда мудрые слова оказываются куда действеннее меча и кинжала!"

"Властью, данную мне волей почившего в чертогах Эдера отца, великого царя Актя, назначаю тебя своим первым советником в государственных делах. Так же прошу принять титул полководца и взять мои легионы под свой нерушимый контроль!..."

" Может, пора уже признаться самому себе, что ты без памяти любишь эту девочку?.."

... Ни словом, ни жестом не выразил он всю тьму своего страдания. Гасло пламя, превращая головешки и прах павшего друга в сизый пепел, который сейчас казался более зловещим, чем прежде. Словно предупреждая о чем-то. В уставших, покрасневших от жара и слез глазах погасли алые отблески, но световые пятна долго преследовали его в абсолютной тьме, которую не могли прошить даже факелы. Ужасающая усталость сковала неотвратимым панцирем, но гордый, несломленный ударами судьбы до конца царь, держа голову высоко поднятой, безмолвно проследовал в прохладный холл своего дворца, стараясь не заикливаться на ощущении того, что находиться в этой благополучной роскоши ему остались считанные круговороты солнца.

Немногочисленные слуги и рабы, не пожелавшие покинуть империю с кораблями Спаркалии, сейчас стремились слиться воедино с мраморными колоннами, стать невидимыми для глаз своего повелителя, которого горе наверняка ожесточило до критической точки. Не далее как вчера хранитель покоев и помощник садовника просто

сбежали из дворца, но Кассий махнул на это рукой. Хаос в империи отразился на каждом его жителе. Но напрасно они прятались и поспешно исчезали с поля его зрения — меньше всего царя сейчас волновало их обеспокоенное поведение.

Опустевшая, казалось, навсегда тронная зала сейчас была даже не пристанищем, а чужеродной дворцу комнатой. Шаги мужчины отдавались гулким эхом от освещенных факелами стен, когда он неспешным шагом приближался к креслу правителя. Задумчиво погладил резные подлокотники.

Ты хотела занять это место. Но не тогда, когда я тебе это предлагал на равноценных началах. Ты надеешься войти сюда полноправной завоевательницей. Но такой возможности у тебя не будет больше никогда.

— Мой повелитель? — высокая фигура легата отделилась от стены. — Я только что провел рейд на портовой площади. Беспорядки утихли. Твой народ скорбит о смерти великого и бесстрашного Домиция Лентула.

Сомнительное утешение... Но так лучше, прежде всего для них, мятежных аграриев и религиозных фанатов Эдера. Примечательно, что служители культа Лаки никогда не ввязывались в анархичные конфронтации, вопреки своему служению хаосу. Наоборот, призывали к миру и сплоченности перед лицом военной угрозы. Конечно же. Покровитель атланских воительниц, проповедующих, подобно павшему Лентулу, мирное регулирование — и безжалостных и непримиримых убийц, в случае, если были задеты интересы их империи...

— Как? — тихо поинтересовался Кассий, опускаясь на трон, ничем не выдав своей усталости, грозящей сбить с ног.

Юлий Кантун сразу понял, что его царь имел ввиду вовсе не повстанцев.

— Я не присутствовал при этом — правый фланг атаковал двумя шеренгами, пришлось держать оборону. Сука королевской крови уклонилась от стрелы, — он умолчал о трюке с захватом "кометы смерти" ладонью, не желая приписывать ни капли отваги атланской захватчице. — Рядом с ней была эта презренная волчица, что пьет кровь младенцев на захваченных землях.

Кассий поморщился. Его легат жил в плену предрассудков и извращенных слухов.

— Кто из них?

— Солдаты обезумели в своих бреднях. Кто-то утверждает, что помощница презренной матриарх проявила милосердие, прервав страдания раненого полководца. Но говорят также, что она, разрезав ему горло, пила кровь, пока не насытилась, и наполнила походный кубок для своей королевы... — Кассий сжал подлокотники, с трудом сдержав желание ударить Кантуна, который свято верил в последнюю из произнесенной ахинеи.

— Все, что меня интересует — это кто из них лишил его жизни. Догадки и предпосылки мне нужны меньше всего. Ну?

Кантун с неохотой поведал также о тех свидетельствах солдат, которые отмел как негодные ему лично. О том, как схлестнулись в поединке Латима Беспощадная и Домиций Лентул, причем никто не уступал друг другу в силе, отваге и ловкости, и великий полководец Кассиопеи готовился было поразить шею своей противницы мечом при выполнении кругового прыжка на землю, но более опытная в силу возраста атланка подловила его в этом прыжке, полоснув двумя искривленными мечами по сухожилиям, и было件нятно, что такую рану нанесла намеренно. Дальше показания путались — говорили, что она тотчас добила его, безоружного, но новые, поспевшие следом очевидцы утверждали,

что там присутствовала "прекрасная, словно воительница Лаки", матриарх. Что именно она велела оборвать его жизнь, и, когда полководица исполнила ее волю, тут же, у тела поверженного врага, произнесла смутившие всех слова о том, что сожалеет, что столь великолепный воин вынужден сражаться не в их армии. А матриарх расплакалась, как девчонка, опуская Лентулу веки и что-то приговаривая.... Да, утверждают, что она настолько благородна, что не отпускает погибших врагов в смертельный путь без молитвы, но это, скорее всего, вымысел, и она просила своих презренных богов сжечь его в океане подземной лавы, а плакала от того, что умер он быстро, на поле боя, а не под пытками...

— Вода твои слезы, яд твои прикосновения... — прошептал Кассий, глядя в одну точку на стене. Он с легкостью отделил правду от вымысла. Достаточно было знать Элику, достаточно было один раз увидеть Беспощадную на приеме в Атланте, чтобы мозаика домысла и правды обрела свои истинные грани. Непримируемая благородна, и не ему осуждать ее за это... Возможно, она спасла Лентула от более ужасной и унижительной участи раба.

Но ведь это ничего не меняло. Абсолютно ничего... И когда она вновь окажется в его власти, он не проявит подобного благородства в виде благословенной смерти. Более того. Он сделает все, чтобы приблизить ее скорое неминуемое падение. И этого будет вполне достаточно. Не нужна ему кровь этой безумной Латимы, одержимой собственным адом и раем, который с ней никогда никто не разделит. Пусть живет на благо его послу, потерявшему голову от любви. Когда он заполучит Эл, им ничего другого не останется, кроме как прекратить сражение во благо своей королевы. Без вожака стая слепа и безопасна.

— Легионера-предводителя Артемисия ко мне, — велел Кассий, давая понять, что разговор окончен. Кантун помялся в дверях.

— Мне повторить?

Не пришлось. Вспыхнув от негодования, которое не осталось незамеченным, он покинул тронную залу. Да уж, достойная армия, каждый думает только о себе! Но боевое искусство Кантуна было непревзойденным.

Высокий светловолосый мужчина замер в дверях, отвесив царю ритуальный поклон. Кассий кивнул в ответ. Конечно, на эту роль больше подходил находчивый Зарт, однако он не забыл, с какой легкостью тот в свое время нашел общий язык с Эл. Не то. Подобная привязанность спутает все планы.

— Я призвал тебя, — начал Кассий, — чтобы доверить особое поручение.

— Мой повелитель, — покорно склонил голову мужчина. — Я выполню любой твой указ.

— Артемисий, достойный воин, — Кассий жестом указал ему на скамью, — считаю своим долгом предупредить, что ты можешь не вернуться. Миссия не будет легкой для тебя. Я отправляю тебя в лагерь противника. Но не для диверсии и не в качестве Амбитадора. Ты должен сдать армию Непримируемой. Сделать это так, чтобы тебя захватили, но не убили. Поэтому регалии и знаки легионера должны остаться при тебе.

Ни один мускул не дрогнул на волевом лице воина.

— Я сделаю все, как ты скажешь, мой царь.

— Я не ошибся в тебе, — сердце Кассия сжалось от необходимости использовать преданного соратника в качестве разменной монеты солнечного металла, но иного выхода остановить войну не было. — На допросе тебя наверняка подвергнут пыткам. Однако я не думаю, что заберут твою жизнь. Ни один из предводителей легионов еще не попал к ним в

руки. Мне известна страсть воительниц по сильным воинам, особенно тем, кто занимает определенное положение. Скорее всего, они оставят тебя живым в качестве раба для услады. Мне жаль, но это неотвратимо. Когда перевес будет на нашей стороне, я вызволю тебя из плена при первой же возможности.

Воин ничем не выдал своего беспокойства. Даже попытался улыбнуться.

— Атланки страстные женщины. Может, мне и не придется столь сильно страдать.

— На допросе ты должен потребовать присутствия Непримиримой. И разговора наедине. Молчи, пока она лично не согласится тебя выслушать, и только ей ты выдашь все то, что я тебе скажу сейчас. Какие бы методы допроса они не применили — не открывайся никому, кроме нее.

— Во имя империи, мой царь! — склонил голову Артемисий. Наполнив кубки вином самолично, демонстрируя свое уважение к храброму воину, Кассий неспешно приступил к детальному изложению своего плана...

На исходе полуночи Элика начала всерьез беспокоиться, что сердце Керры разорвется от боли.

Говорящая с миражами ни на миг не переставала плакать, сжимая пальцами шкуры своего ложа. Все это длилось уже шесть мер масла. Не помогало ничего. Ни успокаивающие слова Элики, ни откровенно жесткая лекция Латимы, которая трясла ее за плечи и пыталась привести в чувство легкими пощечинами.

— Немедленно прекрати! Ты действительно желала любимому мужчине подобной участи? Ты думаешь, тебе больно? А что бы ты испытывала, если бы я оставила его живым и притащила на аркане в форт? Желала ли ты, чтобы твоя боль сменилась разочарованием и отвращением, когда я сломала бы его до состояния забитого животного?! Когда бы он забыл о тебе, в страхе поднять глаза без моего приказа?

Керра продолжала плакать, поглядывая на Латиму без ненависти и осуждения, с пониманием, но неприятием.

— Он погиб героем. И отправится в иной мир с достойными его почестями. Я не отсекаю головы уважаемым мною противникам! И прекрати рыдать. Он наверняка в чертогах вашего бога сейчас наблюдает за тобой! Он ушел по воздушным сходням в мир покоя и почестей, а ты своими слезами заставляешь его испытывать боль!

— Лати, лучше покинь нас, — вздохнула Элика. — Ты собиралась удостовериться в том, что укрепления правого фланга у карстовых пещер абсолютны. Ночь на исходе, а нам с тобой еще будет нужен сон. Туда и так мера масла пути лишь в одну сторону!

— Королева, — приложила руку к сердцу Латима Беспощадная. — Принц Лэндал еще не вернулся с деревни. Вдруг кассиопейцы держали там засаду?

— Ох, ты что, не знаешь моего брата и не видела, сколь много там юных прелестниц, лишившихся супругов? Я чувствую, что ему сейчас хорошо. С ним двадцать воинов при полном вооружении.

— Иногда я сожалею, что мы не связаны узами родства, и я не смогу почувствовать, если ты будешь в опасности, — полководица поправила перевязь. Внезапно Керра, всхлипнув, подняла на нее глаза.

— Что еще! — раздраженно и жестко произнесла Латима, сдвинув брови.

— А ведь твоя потеря еще более сильна, великая воительница, и преследует тебя долгие зимы, но глядишь ты в эту тьму, не ведая страха. Бесшумной тенью идешь ты между

плывущих огней, чтобы утром покорно принять свой рок проходящей жизни без того, кто и жив, и мертв без тебя...

— Э... Моя королева, она лишилась рассудка, — губы Латимы дрогнули, в глазах впервые за вечер появилась растерянность. Ошеломленно поглядывая на Керру, чьи глаза сейчас могли своим цветом соперничать с тьмой ночи, женщина поспешно покинула шатер.

Плечи Керры бессильно поникли.

— Я не осуждаю ее. Мои видения ясно показали мне, что она собиралась с ним сделать, если бы захватила живым. Я даже... Я испытала облегчение... Эл, как же так?

— Не плачь, — матриарх обняла голову подруги и прижала к своему плечу, баюкая. — Ты сама говорила, что боги оттолкнули лучи ваших звезд в грядущем. Как и то, что новая любовь твоей жизни будет пылать пламенем до скончания зим. Ты знаешь, как тяжело на пороге перемен. Даже я, ведь ты все помнишь... И эта война... Я устала. Я очень устала. Я оказалась не готова видеть гибель своих людей в таком количестве. Я больше не вижу в этом смысла. Кассиопея обречена. Пора нанести решающий удар. Завтра падут их стены. Мы возьмем столицу, войдем в оставшиеся города, и война будет окончена. Я очень хочу вернуться в Атланту. Только выполню данное Лаки обещание...

Мокрые от слез ресницы Керры дрогнули. Она нерешительно скользнула взглядом по лицу Элики, удержав внимание на губах, и матриарх, готовая осушить ее слезы любым из возможных методов, приблизилась, завладевая губами расстроенной подруги. Прикосновение мягкого теплого шелка женских уст обдало ласковым ветром, казалось, она пьет боль Керры из этих податливых губ, очищая истерзанное сознание. Поцелуй женщины был иным. Лишенным агрессии и жажды подчинения, открытой конфронтации, вместо цунами крови он приносил с собой блаженное умиротворение. Но внезапно Керра со стоном оттолкнула Элику.

— Прости, — прошептала матриарх, поглаживая ее волосы. — Ты только что его потеряла... Это было плохой идеей.

— Нет, Эл, дело совсем не в этом... — сбивчиво заговорила Керра. — Я не могу понять... Иногда видения издеваются надо мной... Ты же сейчас отправишься спать?

— Да, моя дорогая подруга. Завтра очень ответственный день. Решающий виток войны. Я должна быть полна сил. Но если ты попросишь сегодня остаться с тобой...

— Н-нет... Тебе нужна ясность разума, которую подарит сон.

"Если голос Кассия снова не начнет звучать в моей голове" — подумала было Элика, и замерла, осознав, что их связь словно прервалась со вчерашней ночи. Она не слышала и не чувствовала его больше.

— Этот воин, Дарк... — сжав виски пальцами и тряхнув головой, прошептала Керра. — Ты будешь с ним?

— Нет. Сегодня у меня нет настроения. Может, завтра...

— Я просто не могу понять, что увидела... Но если ты просто будешь спать... — и махнула рукой. — Доброй ночи, Эл. И не беспокойся более... Со мной все хорошо.

...Матриарх уснула быстро. Но проспать ей удалось не более меры масла. Разбудила суэта у шатра и обеспокоенные голоса. Плеснув в лицо ключевой водой, чтобы окончательно проснуться, Элика натянула платье и вышла наружу, шурясь от света ярких факелов.

— Что здесь происходит, и как осмелились вы побеспокоить сон великой матриарх?!

Предводитель легиона лучников прервал свой жаркий спор с предводительницей Пантер, притихли остальные военачальники.

— Моя королева, — поклонился мужчина, с осуждением посмотрев на Пантеру. — Нам удалось взять в плен вражеского легионера. На нем знаки предводителя.

— Это благая весть. Латима Беспощадная вернулась уже?

— Нет, моя королева.

— Принц Лэндал?

— Воин его свиты принес весть, что он пробудет там до исхода ночи, и вернется на рассвете. Нам не оставалось иного выбора, кроме как прервать твой сон...

— Матриарх, он отказывается говорить с нами. Требуется тебя. Сказал, что все расскажет лишь Элике Непримируемой.

— Вас надо обучать методу допроса? — раздраженно процедила Эл. — А если он в обмен на свои слова потребует, чтобы ты, — кивок в сторону Пантеры, — возлегла с ним, ты пойдешь у пленного нечестивца на поводу?

— Пытки не сломили его, госпожа, — как-то странно смутившись, ответила глава женского легиона.

— Чего ты краснеешь так, словно узрела обнаженного мужчину? В чем дело?

— Моя королева, — осадив попытавшего возмутиться оппонента, ответила молодая женщина, — Мои воительницы уже бросают жребий, кому он достанется впоследствии... Высокое звание и поразительная стойкость...

— Да уж, лучше бы вы направляли свою энергию в тренировки, — Элика запахнула широкий пояс на платье. — Давай, показывай мне этого возмутителя женского спокойствия!

... Мужчина действительно оказался хорош собой. Только сейчас отпечаток боли в его серых глазах исказил волевые черты лица. Он судорожно дернулся в держащих его путах, уронив голову на грудь.

Пантеры постарались не нанести ему серьезных увечий, но Эл знала, что не оставляющие следов на теле пытки могут причинить гораздо больше боли.

— Убей... — прохрипел воин, с трудом подняв голову.

— Мало того, что ты заставил меня подняться с постели, ты еще указываешь, что мне делать? — раздраженно процедила Элика. — На смерть не надейся. Зачем тебе понадобилась я?

— Прекрати это, прошу, — его плечи затряслись, губы скривились от боли. — Я не проживу ночи. Они не знают пощады...

— Как и тот, кому ты служишь!

Просто прекрасно. Все придется делать самой.

— Зачем ты рыскал здесь?! Как посмел нарушить закон ночи?! Тебя привела сюда жажда наживы, которую так щедро пообещал Кассий?! Ну, вот я, рядом. Хватай и беги. А, не можешь... Ты же связан! — злорадно засмеялась девушка, ударив его кулаком в солнечное сплетение. — Хотел меня видеть? Думал, я приду вытирать твои слезы? Получай! — новый удар заставил мужчину охнуть.

Элика раздвинула полог шатра.

— Дарка сюда, пусть поработает кнутом... Давно я не наблюдала красоты танца этого орудия!..

... - Стоило ли молчать? — запрокинув голову пленника хваткой за волосы, ласково пропела Эл в его губы спустя четверть меры масла. — Видишь, как много всего ты знаешь. Вспомнил даже свою мать. Бесполезно, но забавно.

— Убей... — крупная дрожь сотрясала тело сломанного воина. Кнут не оставил на нем

ни следа, вряд ли повредил внутренние органы, но боль причинил просто запредельную. Дарку не понравилось быть палачом над тем, кого он знал по прошлой жизни, но ценные сведения стоили любых предпринятых мер.

— Вели седлать мою Захватчицу, отбери сорок воинов арбалета и меча, мы успеем застать его врасплох! — подпрыгивая от возбуждения, велела Элика Дарку. — Ты тоже со мной, — Дарк покинул шатер, а Элика продолжала улыбаться пленнику, как самому родному человеку. — Прости, забыла твое имя, но убивать тебя я не стану. Видишь ли, мои девушки несколько подавлены адом войны. Я пообещала им мужчин для развлечения. Стресс ведь тоже как-то надо снимать! — покинула шатер под его сдавленные стоны отчаяния, даже не задумавшись о том, с какой легкостью удалось его сломать. Да и некогда ей было этим заниматься сейчас. Время безжалостно утекало, словно песок сквозь пальцы, а застать врасплох Кассия, практически одного, не считая пятерки сопровождения, стало ее неоспоримым приоритетом этой ночью.

Какая находчивая идея! Поистине, она недооценила ум Кассия.

Организовать запасы вооружения в тоннеле скал горного хребта, чтобы в случае атаки метательными пылающими снарядами не было возможности ударить в ответ — тогда как преимущество Кассиопеи было бы абсолютным! Не бывать этому. Пленник сдал своего правителя, любого бы сломала подобная боль.

Чуть меньше меры масла, и все будет кончено. Она убьет его на месте. Гордого, уверенного в собственной безопасности, до тех самых пор, пока ее меч не окрасится его кровью. Что она увидит в его глазах перед тем, как из них навсегда уйдет жизнь? Вряд ли страх. Вряд ли мольбу. Вероятнее всего — восхищение ее превосходством и способностью просчитать все наперед.

Ее процессия не зажигала факелов, дабы не привлекать внимания. На горной тропе пришлось предусмотрительно перетянуть копыта лошадей плотными отрезами ткани, чтобы цокот копыт не выдал их приближения.

— Я должна сама, — закрепляя кнут на поясе подле меча и кинжала, ответила Элика Дарку, готовому двинуться вслед за ней. — Я беру пятерых с собой, остальные берут на себя сопровождающих Кассия. Если через четверть меры масла я не вернусь, открывайте бой.

Одинокое ржание лошади донеслось с возвышенного скального плато, где, как Эл показалось, мерцали блики огня.

— Снимите их очень тихо, — велела королева воинов. — Нас не должно здесь быть по закону Ночи. Но нарушение за нарушение!

Плевать ей было на закон ночи и честь. Эта война затянулась. Смерть Кассия уже очень скоро положит ей конец. Лентул мертв, никто больше не сможет столь мастерски управлять армией противника. Да и нужно ли это? Завтра ударят метательные орудия, дробя в пыль стены, сокрушая оплот патриархального господства, ринутся в захваченный город воины, уничтожая всех на своем пути... Максимум два солнечных круговорота, и все будет кончено.

... Ее ноги бесшумно касались гранитного, пыльного пола пещеры, которую удалось найти без труда. Уверенно шла она на свет, сжимая в руке меч. Скоро конец войне. Конец ее безумию под названием Любовь. Которая прикончит кого-то из них рано или поздно...

Сопровождающие царя воины погибли, не успев ничего понять — без звука и моментально. Следов пребывания других не было обнаружено — шесть коней, которых невозможно провести в изломанный туннель, да и смысла нет...

Свет стал ярче. Элика вышла в большую залу скальной пещеры, где горели факелы.

Огляделась.

Мечи. Луки. Сплетенные из ветвей с утяжелениями метательные шары. Подобие катапульты — но от того не ставшее менее опасным. Десятки, если не сотни. Кассий оказался не так прост.

— Вот мы и встретились, Хозяин, — с сарказмом бросила Эл в спину мужской фигуре, закутанной в голубой королевский плащ. — Готовься к смерти. Иначе я могу передумать и не проявить той милости, которой удостоился твой полководец.

Кассий обернулся в пол-оборота... И вдруг резкий шум за спиной, где должны были на расстоянии двадцати метров находиться сопровождающие ее солдаты, заставил подскочить и повернуться на этот шум.

Звон оружия. Крики. Гортанные хрипы... Очень знакомые.

Агония ее людей.

Кнут в женской руку резко взметнулся ввысь, но вдруг непонятная преграда остановила его полет. Время замерло. Элика в изумлении уставилась на сеть, сковавшую ее движения, потом в лицо того, кого приняла за Кассия.

Юлий Кантун, гребаный предатель! Легат этого пса!

— Не представляешь, как ты близка к истине, атланская сука, — прошипел он, приближаясь. Элика охнула от резкой боли в животе, когда его кулак впечатался в нее. Рухнула на колени, путаясь в сети, и боль в позвоночнике ознаменовала новый удар.

" Все спланировано!" — с горечью осознала матриарх, встретив презрительный взгляд Кантуна и слыша крики агонии своих воинов за спиной...

В первый раз, когда ее похитили работорговцы Черных Земель, она потеряла сознание от удара по голове. В это же раз, несмотря на беспощадные, ослепляющие болью удары Кантуна, сознание не желало уходить, казалось, наоборот, лишь прояснялось от каждой вспышки боли.

"Это не Касс, он не станет заботиться о ненарушении целостности твоей кожи", — подумала Эл, сдерживая крик, когда обутые в кожаные сандалии ноги легата кассиопейского правителя продолжали избивать ее, стянутую сетью без возможности дотянуться до кинжала и освободиться. Останавливаться он, судя по всему, не собирался... До тех пор, пока она не захлебнется в собственных криках. Боль была адская, но мышцы пресса стойко держали удары, а по лицу он намеренно не попадал. Тяга к прекрасному или особое распоряжение?

Элика стиснула зубы, сжала кулаки, так, что ногти впились в кожу, напоминая о главной цели — ни криком, ни стоном не показать врагу, как сильно она страдает. Ее молчание сводило Кантуна с ума. Наглая малолетка, на которой едва держалась корона, по возрасту годящаяся ему в дочери... Да будь его Лайла хоть каплю похожа на эту атланскую тварь — продал бы в рабство по достижению ею четырнадцати зим! Да что могло связывать его царя с этой гордой сукой?! Он не пояснял легату своих мотивов. Оставалось надеяться, что при прибытии в столицу и завершении войны Кассий, не раздумывая, разопнет эту смазливую матриарх на кресте.

Это был абсурд, и Кантун сам это прекрасно понимал. Поговаривали, его царь утратил рассудок от чувств к этой женщине. Распоряжение доставить ее в укрепленный на возвышенном плато секретный лагерь Кассиопеи было четким и безоговорочным: ни одного шрама на ее теле. Ничего из того, что могло бы ей повредить.

Злорадно усмехнувшись, легат хладнокровно нанес очередной улар по ее ребрам, с удовольствием отметив, как побледнело лицо девушки, вновь не проронившей ни звука. После этого жить будет. А что до Кассия — надо заготовить заранее душещипательную легенду о том, что она попыталась сбежать... Или нет. Даже не сбежать. Высосать его кровь и напоить свою орду. Атланки, они такие. Он обязан был защищаться!

— Попалась, тварь? — расхохотался легат. От размахивания ногами его дыхание сбилось, лицо покраснело. — Что ты хотела сделать?! Убить царя? Да ты со мной справишься, и то не в состоянии, тупая сука!

Элика не обратила внимания на его слова. Сейчас у нее есть время для передышки, пока этот напыщенный нечестивец занят разрушающим самолюбованием.

Ребра нещадно болели. Но дыханию это не препятствовало, значит, серьезных повреждений не было. Слава Анталу, что она так и не потеряла сознания! В прошлый раз это досадное недоразумение стоило ей свободы, обрекая на долгую декаду неволи. Пока они не достигли стен столицы, у нее нереально много возможностей для побега. Только бы это жестокое избиение не лишило ее последних сил!

Как можно было быть такой беспечной? Быстрые, так легко давшиеся победы на поле боя лишили ее привычной осторожности. Роковое тщеславие и уверенность в собственных силах! А ведь стоило задуматься, каким образом попал в их руки вражеский диверсант, почему Кассий послал воина столь высокого чина, и при этом, оставил на нем знаки принадлежности к военной элите? Почему ночью, вопреки Ночному Закону Военного

Времени? Без прикрытия и с минимумом вооружения? Подозрительно было уже то, что он столь быстро сломался именно в ее руках, словно получил на этот счет самые четкие указания... И было ли случайностью то обстоятельство, что рядом не было ни Латимы, ни Лэндала?..

Она это заслужила. Дорого же ей встала уверенность в том, что Антал всегда будет нянчить ее и вытаскивать из передраг. С судьбой не поспоришь. А эта самая судьба безжалостно закружила ее, вчерашнего ребенка, в своей беспощадной круговерти, заставив повзрослеть очень быстро. Где был Антал тогда? Потирал руки, расписывая путь ее взросления... Цинично наблюдая, как плясала плеть свой беспощадный танец на ее коже, как стирались в кровь колени, как препятствовали бегу крови шелковые путы, как металось в этой клетке затравленное сознание, не имея возможности вырваться на волю... Было недостаточно даже этого. Пришлось вмешать сюда Криспиду и ее стрелы любви. Кассиопейцы не были столь далеки от истины, дав Анталу имя Лаки и записав в императоры Тьмы.

"Что же ты еще от меня хочешь, Лаки?" — подумала Эл, пытаясь дотянуться до кинжала. Затея была обречена на провал.

Часть солдат погибла на подходе к пещерному гроту в его темных лабиринтах. Оставшаяся часть будет истреблена при попытке прорыва... Вряд ли Кантун, бесчестный предатель своего народа во имя собственной выгоды, пришел сюда один.

Сеть плотно спеленала ее, не позволяя опустить руки. Выбраться невозможно.

— Очухалась, атланская шлюха? — с гадкой улыбкой осведомился Кантун.

— В..би тебя Лаки, кассиопейская мразь, — не сдержалась Элика. Думай, девочка, думай! Второй раз ты не попадешься так просто. Не станешь пешкой в его игре. Пусть заберет твою жизнь, но война все равно завершится победой Атланты!

— Острый язычок, моя царица, — продолжал издеваться легат. — Ничего, скоро тебе заткнут глотку определенным предметом.

— Не завидуй, Юлий. Как знать, может, ты приглянешься кому из моих полководцев, и тебя не минует подобная участь?

— Тварь! — вышел из себя мужчина, пнув ее ногой в живот, и Эл едва не заскулила от боли, усиленной предыдущими ударами. — Ничего, ты пожалеешь, что не сдохла в его цепях, когда каждый из моего легиона будет сношать тебя раз за разом!

Град ударов, уже не видя цели, обрушился на ее спину. Сознание пошатнулось, но матриарх из последних сил держала себя в руках, отталкивая тьму забвения.

— Кантун! Что ты делаешь? Царь не велел к ней даже прикасаться!

— Ты, щенок, смеешь мне перечить? — взревел легат, на миг прекращая избиение. — Совсем страх потерял? Я тебе не Лентул, я не буду читать ей стихи!

— Остановись, иначе правитель Кассий узнает обо всем!

Элика пошевелилась, пытаясь разглядеть говорившего, но сеть не позволила ей поднять голову. Судя по последующему шуму, топоту ног и звяканью оружия, пещера заполнялась людьми. Сколько же их тут? Девушка сжала кулаки. Ее людям не выстоять. Их не менее трех десятков!

— Я не закончил с тобой, сука! — пнув ее по коленям, прошипел враг. — И с тобой тоже! — это, наверное, относилось к тому, кто пытался его остановить. — Тащите ее, и доложите Кассию, что миссия завершена успешно!

Элика все же не удержалась от стона, когда несколько пар рук, разрезав сеть и

распластав ее лицом к полу, отобрали кнут, кинжал и меч. Удерживаемая сильным захватом, она была не в состоянии им помешать. Вырываться не стала — это бы только обессилело ее окончательно. Едва не закашлялась, когда чьи-то руки затолкали кляп глубоко в горло, вспомнив циничные советы Кассия, вовремя расслабила восставшие связки. Стало легче. Грубые веревки стянули ее запястья и лодыжки, сразу две пары рук, схватив за волосы, рывком поставили на ноги. Удержать равновесие не удалось — она рухнула на колени, оцарапав ноги обломками сталактитов, которыми был усеян пол. Тогда кто-то подхватил ее на руки и начал быстрое движение в сторону, противоположную той, с которой она пришла.

Факелы захватчиков освещали темные лабиринты грота, она же видела лишь гранитный свод пещеры. Кристаллы слюды отражали свет. "Здесь, наверное, есть слезы пустыни, — мелькнула у нее совершенно неуместная мысль. — Надо потом начать их разработку".

Путь был недолгим. Вскоре свод скальной породы сменило покрывало усыпанного звездами ночного неба, ласковый ветерок заиграл ее волосами. Тот, кто ее нес, осторожно перебросил через круп коня, стянув веревкой запястья со щиколотками. Эл осторожно подняла голову, понимая, что от прилива крови сможет не удержаться в сознании. Насколько хватало угла обзора, кругом была незнакомая гористая местность. На востоке пылало алое зарево — отблеск жертвенных костров за стенами столицы. Мысли потекли потоком горной реки, журчание которой достигло ее ушей.

Итак, ее воины под предводительством Дарка живы. Сколько времени пройдет перед тем, как ее хватятся? Не столь много. Успеют ли догнать? Догадаться ли, что в пещере есть другой выход? Додумаются ли прочесать окрестности? Судя по всему, ее сразу не повезут в стены Кассиопеи — иначе не стали бы посылать за Кассием. Элика осторожно, сжимая зубы от боли в избитом теле, вглядывалась во тьму, запоминая детали ландшафта.

Ужаса не было. Не было даже страха. Она не та дрожащая девочка, что попала к нему в руки когда-то. Беспощадная воительница, пришедшая забрать его жизнь и империю. Такой она и останется, чего б это не стоило. Он не получит ее. Не в этот раз. Потому что теперь ее не испугать ни плеткой, ни цепями, ни мужским жезлом. Скорее, она получит от этого удовольствие. В этой войне она будет противостоять ему до конца! Кассиопея падет, даже если она сама погибнет под ее обломками. Кассий снова просчитался.

Спустя менее четверти меры масла неспешного хода лошадей по скальным выступам, перейдя вброд реку, которая освежила ее пылающее лицо брызгами ледяной воды, процессия добралась на отвесное плато, окруженное чахлым кустарником и обрывом с противоположной стороны. Лагерь. Семь шатров, небольшие костры, подобие частокола из ветвей. Даже отблески огня не могли быть заметны с той стороны входа в грот — это была словно обратная сторона Фебуса, скрытая от посторонних глаз.

Обитатели лагеря, улюлюкая, столпились вокруг них. Некоторые были изрядно пьяны. Те, кто ее привезли, едва успевали закрывать царственную пленницу от десятков рук, дергающих ее волосы и пытавшихся задрать юбку повыше. Орда приматов. Латима была права.

Но долго терпеть это Элике не пришлось. Перерезав ее веревки, воин сбросил ее на землю. Подняться она не могла — конечности затекли от туги затянутых пут.

— Опустит глаза, сука! — рявкнул Кантун, замахиваясь. — Ты побеждена!

Толпа загудела. Элика бесстрашно усмехнулась. Занесенная для пощечины рука легата оказалась перехвачена ладонью ее конвоира.

— Я повторяю! — ни малейшего раболепия в голосе. — Еще раз ослушаешься приказа

царя — я за себя не отвечаю! — гаркнул он, поднимая Элику на ноги. Грубо. За волосы. Второй мужчина подошел справа. Подхватив ее за руки, они поволокли девушку к красно-голубому шатру.

Внутри было уютно. Горели факелы в треногах, а пол был усыпан мягкими подушками. От кляпа ее освободили, и Эл сделала жадный вдох.

— Одежду? — холодно поинтересовался один у другого.

— Пусть Кассий сам это сделает. А то решит, что ею пользовались.

— Что дальше?

— Веревками к балке. В цепи сам ее закует.

— Я бы на это посмотрел!

— О, у него в последнее время тяга к публичным ритуалам. Может, потащит ее голую за колесницей!

Элика с трудом не поддавалась панике при этих словах. Быстро оглядела интерьер шатра. Ничего. Даже ножа. Что ж, будем ждать Кассия. Может, увидев ее, он утратит бдительность? Вероятно. У нее всегда останутся зубы и слова.

Несмотря на видимость абсолютного безразличия, вражеские воины просто поедали Элику глазами, но что-либо предпринимать опасались. В отличие от Кантуна, слово Кассия для них было законом. Руки девушки еще не отошли от предыдущих пут, как их снова скрутили, закрепив у опорного столба шатра.

— Воды, — велела Эл, перед тем, как занять удобное положение. Посовещавшись, ей все же поднесли к губам походную флягу. Похоже, морить ее жаждой никто не собирался. Хорошо или плохо?

Лишь когда за мужчинами опустился полог шатра, девушка наконец осознала, в каком ужасном положении оказалась. И чем может закончиться миссия по ее спасению, если Лэндал, почувствовав ее боль от побоев, сломя голову понесся на помощь, веря лишь в себя и силы десяти солдат. К тому же, от последних слов похитителей волосы зашевелились на затылке. В цепях, за колесницей? Да она лучше кинется на его меч. Закон Ист Верто будет приведен тут же в исполнение, смягчив тяжесть самоубийства — ведь ничто тогда не удержит ее брата от разрушения Кассиопеи.

Попалась. По глупости. По наивности. Беспечности. Что же делать?

Время тянулось медленно. Элика слышала всхрапывание лошадей, пьяный смех, бряцанье оружия за стенами шатра. Превосходная армия! Они не успели сдать захваченную пленницу своему предводителю, как принялись напиваться огненным эликсиром. Никто и никогда не позволял себе такого в атланском войске. После одного лишь небольшого кубка все заканчивалось — ее нация не признавала хмельных напитков в таком количестве. Много от них толку, если придется обороняться?!

Ожидание было мучительным. Наверное, она хотела, жаждала появления Кассия, чтобы, наконец, расставить все точки над и. Чего бы это ей не стоило — и что бы он с ней потом не сотворил. Но как не пыталась призвать его на мысленные переговоры, ничего не выходило. Словно закрылся, отгородился невидимой стеной. Вы. и его Лаки!

Спустя еще четверть меры масла запястья утратили чувствительность. Превосходно. Дай он ей в руки меч, она ничего с ним не сможет сделать. Время играло против, лишая сил в стремлении защитить себя и продать свою жизнь подороже.

Чуть позже к этому всему добавилась борьба со сном. Ничего запредельного в этом не было — реакция на стресс и способность организма сохранить силы. Только заснуть сейчас

— подобно смерти. Ну, почему она так летела, сломя голову, в эту западню, что даже пренебрегла кубком кофейного эликсира? Чтобы не уснуть, девушка до крови прокусила нижнюю губу. Постепенно боль отвлекла.

Несколько раз она вроде как услышала подозрительное шевеление у подножия шатра с той стороны, где шел откос от скалистого плато. Ночью в горах, не опасаясь людей, рыскали ночные хищники. Прекрасные белоснежные тигры, гипнотизирующие хищным взглядом не зеленых, а серых глаз... Так похожих на его глаза. Черные и пятнистые пантеры, грациозные и беспощадные, убивающие в прыжке... Какой иронией будет погибнуть от клыков хищников, не имея возможности защищаться! Им ничто не помешает раскрыть когтями ткань стен шатра.

Хохот, звон клинков и топот ног на какой-то миг отвлекли ее от попытки расслышать больше. Несколько человек. Они приближались. Элика подтянула ноги к груди, готовая, если понадобится, сражаться без рук, с трудом сжала и разжала бесчувственные пальцы.

Они ввалились в шатер, задев небольшой столик, который опрокинулся. Свитки пергамента разлетелись по полу. Кантун и двое пьяных солдат. Несмотря на ростки тревоги, Элика нагло улыбнулась легату.

— Соскучился, воин? Напрасно, добыча тебе не по зубам!

Один из солдат с опаской уставился на королеву вражеской империи. Кантун побагровел от ее дерзких слов и рванул было вперед, но руки сопровождающего неловко вцепились в его плечо.

— Легат, царь не спустит нам с рук...

— А мне плевать! Одним больше, одним меньше — от нее не убудет! Никогда еще не владел сукой королевских кровей!

— Я не буду в этом участвовать!

— Тогда выметайся, пока твоя трусливая голова не слетела с плеч! — рявкнул Кантун. Но сопровождение, несмотря на изрядный хмель в крови, вовсе не разделяло его наглой беспечности в предстоящем. Помявшись у порога, они трусливо покинули шатер.

— Тупые шакалы, — сплюнул на пол легат. — Ну, ничего. Пора тебе, атланская сука, познать настоящего мужчину!

Элика сглотнула, наблюдая, как решительно стянул он с себя перевязь, на которой крепился меч, оставшись обнаженным по пояс. В другое время она бы наверняка оценила сильное тело воина с бугристыми мышцами, но сейчас испытала лишь глубокое отвращение и надвигающуюся панику.

— Слабак, — презрительно процедила ему в лицо. — Тебе не хватает мужской силы взять женщину по обоюдному согласию?!

— У меня свой метод, тварь, — латы с глухим стуком упали на пол шатра. И в следующее мгновение Элика скривилась от боли. Удары, нанесенные его ногами в пещере, напомнили о себе, стоило ощутить навалившуюся тяжесть мужского тела... Резкая боль обожгла стянутые запястья. Все-таки они не потеряли чувствительность окончательно.

— Кто жарче любил тебя, шлюха? — выдохнул мужчина, наматывая ее волосы на кулак. — Я буду лучше нашего царя!

Колено грубо раздвинуло ее сомкнутые ноги, невзирая на сопротивление. Возбужденный до предела, враг не замечал ударов, до тех пор, пока они не достигли самого уязвимого места.

— Тварь! — прорычал он, замахиваясь, но вовремя удержал руку, которая хотела

ударить ее по лицу. — Ничего! Когда он с тобой закончит, я распишу твое прелестное личико в красный цвет!

Грубые пальцы сжали ее грудь, разрывая лиф легкого платья.

— Это все?! — не поддаваясь панике, презрительно засмеялась Эл. — Это что, ласки?! Ты давно спустился с гор, где совокуплялся с самками шакалов?!

Это была бравада. Но возбуждение предводителя вражеских легионов не поддавалось ее колким словам. Непонятно, что завело его сильнее — ее тело или же ощущение абсолютной власти. Рассудок прорвал стальные баррикады самоконтроля мысленный вопль вырвался в ночные небеса, без труда преодолев препятствие тканевого свода шатра.

"Касс, вы...и тебя Лаки, где ты ходишь?!"

От прикосновения чужой восставшей плоти к внутренней стороне бедер девушку замутило. Вес тела насильника усилился, отдаваясь болью в очагах недавних ударов. Боковым зрением Элика уловила колебание стены шатра по правую сторону, но тотчас потные ладони сжали ее лицо, выворачивая, а губы накрыло слюнявое подобие поцелуя, от которого замутило еще больше. "Держаться! Не терять сознания!" — из последних сил велела себе Элика, напрягая мышцы и пытаясь сбросить с себя мучителя. Внезапно поцелуй прервался, и в горло хлынул поток горячей жидкости, вызвав спазм. Вкусовые рецепторы безошибочно определили привкус крови.

"Что за..." — подумала Элика. Ее взгляд встретился с изумленным и безумным взглядом Кантуна. Тонкая тень упала на ее лицо. Что это? Меч?

Ее придавило весом обмякшего тела на один короткий миг, и уже в следующий момент стало легче дышать — Кантун скатился в сторону, слишком поспешно, будто с чьей-либо помощью. Мелькнула вспышка огня, отраженного в металлической глади, и ее освобожденные руки безвольно упали, онемевшие от отсутствия кровоснабжения.

— Моя королева! — чьи-то руки обхватили ее, прижимая, заставляя зажмуриться от боли в мышцах.

— Дарк... — облегченно прошептала матриарх, безвольно склоняя голову на его плечо. — Дарк! Ты здесь!

— Тише... Моя королева... Моя любимая девочка... Я не мог не прийти за тобой...

Элика задрожала, уткнувшись в сильную грудь своего защитника. Горло сдавили подступающие рыдания. Нет, так нельзя! Королевы не плачут. Любую боль и слабость — под кожу, так глубоко, что не добраться никому и никогда. Именно таких ненавидят и любят до последнего, пытаются свергнуть в пропасть — и превозносят одновременно. Их слез не увидеть, им дороже имя. Слезы в прошлом. Там, где она была еще совсем маленькой и не могла бороться. Но сейчас... Она восстала из пепла страданий. Появилась новая Эл. Матриарх великой державы, бесстрашная мстительница, готовая идти до последнего.

Пальцы рук атаковали острые иглы. Кровь толчками врывалась в освобожденные сосуды.

— Дарк, он мертв. Меч пробил позвоночник.

Элика вздрогнула. Голос был знакомым. Повернула голову, и подступившие слезы сменила искренняя улыбка.

— Зарт Стремительный!..

— Гордая воительница, — смущенно ответил воин, отводя взгляд от разорванного на груди платья.

— Зарт, но почему ты?..

— Во время нашего первого пути в Кассиопею, великая королева, я был поражен твоей отвагой и духом справедливости. И когда тебя отобрали у нас... Я знал, ходило много слухов о том, что тебе довелось испытать. Долгие дни я жалел, что не в моих силах повернуть колесо времени обратно, — ибо я спас бы тебя от уготованной участи. Как ты спасла прекрасную атланскую деву тогда... Ведома ли тебе ее дальнейшая судьба?

— Алтея, — вспомнила Элика, не сумев сдержать улыбку. — Именно благодаря ей меня вызволили из заточения впоследствии. Она жива, более того, моя сестра пригласила ее в свой дворец, восхищенная ее умением обращаться с цветами и фруктовыми угождениями... — девушка потерла руки. — Зарт, я очень ценю твой поступок. Но тебе нельзя здесь оставаться. Даже если Кассий спустит тебе с рук то, что ты помог нам — последствия боя будут катастрофическими. Погибнет большинство. Поверь, так и будет. Я бы предложила тебе перейти на мою сторону... Но не стану этого делать. Ты должен решить сам.

Дарк кивнул, соглашаясь со словами королевы, и принялся поспешно растирать ее онемевшие запястья.

— Элика, — посомневавшись, обратился к ней по имени воин. — Я не мог отказать в помощи ни тебе, ни самому прославленному воину кнута, недавнему оплоту Кассиопеи. Предательство Кантуна пошатнуло наши сплоченные ряды. Я давал присягу Дарку из рода Виктимов, и никому другому. Но мое место здесь. И завтра я вновь буду с мечом в руках защищать свою империю. Но сейчас, я выполнил свой последний долг.

— Условием было ненападение на лагерь ночью, — подтвердил Дарк.

— Он мертв, — перевела на Кантуна взгляд матриарх. — Дарк, мне жаль. Не так ты хотел его убить во имя Ист Верто...

— Он не заслужил честного поединка, — ответил Дарк. — Я жалею лишь об одном — что очень быстро.

— Но колесо времени играет против вас, — подтвердил Зарт. — Уходите по спуску с плато. Я смогу их отвлечь. Не привлекайте шума.

— Это будет не трудно.

— Ты пришел за мной один?! — не поверила Элика.

— Я знал об этом лагере на высокогорье, моя девочка. Обычно он пустовал, но не сейчас. Когда ты не явилась в положенное время, мы почувствовали неладное. Я оставил воинов отряда в миле внизу, мы к ним доберемся быстро, если поспешим.

— Уходите, и поможет вам Эдер, — оглядываясь, велел Зарт. — Мне пора обратно. Если хватятся — вам не уйти. Прощайте, — у Эл на миг сдавило горло, когда она увидела, как крепко обнялись они с Дарком. — Мой полководец. И не моя, но уважаемая мною королева, — кивок Элике.

Резкое ржание лошади прервало эту сцену.

— Что там? — с чувством надвигающейся беды встрепелась девушка. Зарт на цыпочках подошел к порогу и, выглянув в щель, тихо выругался.

— Повелитель. Все потеряно!

— Нет! — подняла вновь обретшую подвижность руку Элика. — Зарт, благодарю за все, выбирайся тем путем, каким пришел сюда.

— Но вы...

— Ты помог нам. Спасай себя!

Поколебавшись, воин отвесил поклон своему бывшему полководцу и осторожно протиснулся в щель шатра, оставив ее открытой доя отступления.

— Касс здесь! — прошептала Элика. — Почему, почему так рано?!

— Мы уйдем. Не бойся, моя королева!

Элика кивнула, ободренная его словами, и, приложив палец к губам, на цыпочках приблизилась к входу в шатер, раздвинув тканевую завесу. Дарк, выдернув меч из тела Кантуна, присел рядом. Элика обвела взглядом притихшую поляну.

Кассий прыгнул на землю, оглядев притихшую толпу. Презрительно хмыкнул, оценив последствия употребления хмельного зелья.

— Я вас всех отправлю на передовую с камнями вместо оружия! — громко, но спокойно объявил он. — Где легат?

Ему ответил нестройный хор голосов. Информация отличалась. Слава Анталу, никто не сказал, что он пошел в этот шатер!

Теплая волна залила позвоночник Элики, забывшей в тот же миг о присутствии Дарка. Как?! Как можно было после несостоявшегося насилия испытывать столь сильнее действие даже на дистанции? В горле пересохло. Не будь она столь напрядена, точно мотылек бы порхнула навстречу его объятиям, забыв обо всем... Обо всем...

Но то, что произошло уже в следующий момент, пресекло эти неуместные мысли на корню. Она все еще не могла отвести взгляд от фигуры своего самого любимого и желанного врага, жадно скользила глазами по его обнаженному торсу, не сопротивляясь вспыхнувшему желанию прижаться и ощутить каждой клеткой жар кожи и металл мускулов, чтобы потерять голову окончательно в сладком безумии... Как замороженная, отслеживала движения его рук. Вот ладонь уверенным жестом стянула что-то с крупа жеребца, швырнув в пыль у ног. Послышался оглушающий в тишине звон цепей со стальными браслетами.

Мир рухнул, сметая разом прежний сладкий вихрь вожделения. Не было ни малейшего сомнения в том, для чего понадобились эти цепи и кому они предназначались. Но не успело сознание справиться с этим жестоким шоком, как мужчина отцепил от перевязи длинный металлический стержень с резным полукругом на конце, подбросив его в воздух. Один из стоящих рядом воинов перехватил его в полете.

— Готовьте жаровню. Раскалить добела! — ужасающе спокойным тоном велел Кассий.

Вся кровь ударила Эл в лицо гораздо раньше, чем она осознала слова и поняла назначение этого предмета. Из последних сил сдержала девушка рвущийся стон, ощутив целую гамму чувств. Ноги подогнулись, и она без сил опустилась на колени, вздрогнув от боли — рассеченная кожа дала о себе знать.

Очень поздно поняла, что Дарк молчит и не пытается ей помочь. Перевела на него взгляд. Лицо мужчины было блее мела, кулаки сжаты, а плечи сотрясала яростная дрожь.

— Животное... — прохрипел он. — Тварь... Презренный шакал...

Из последних сил, прогоняя черное отчаяние от услышанного, Эл сумела овладеть собой.

— Дарк, нет! Уходим!

— Я убью его... Он не отметит тебя... Я заткну ему это прямо в глотку!

— Дарк, время!

Мужчина повернулся к ней. Его взгляд был безумным.

— Беги, моя девочка. Все будет хорошо. Я догоню тебя!

— Ты идешь со мной! — сдерживая истерику, повторила матриарх. — С каких пор ты мне перечишь?!

— Я свободен, Элика. Помнишь?

Не в силах сдерживать слезы бессильной злости, Элика метнулась в сторону проема, через который покинул шатер Зарт.

— Я останусь, Элика, — Дарк встал на ноги. — Я не смогу жить, зная, что он хотел с тобой сделать, и не попытавшись убить его. Даже не Ист Верто. Только во имя моей матриарх!

— Дарк, прошу, — сглотнула девушка. — Завтра я велю запустить Поцелуй Смерти. Он будет мертв. Прощу, это дело недолгого времени! Давай уйдем вместе! Это не приказ твоей королевы. Ответь мне как женщине!

— Пойдем, я прикрою твое отступление. Но не проси меня. Пойдем.

Сжал безвольную ладонь девушки, увлекая за собой. Прохладный воздух ударил в пылающее лицо королевы, останавливая слезы, готовые хлынуть сплошным потоком. Внезапный топот копыт заставил ее вздрогнуть.

Один из кассиопейских солдат возвращался с дозора. Но заметить беглецов не успел. Взмах руки, и кинжал Дарка вонзился ему прямо в лоб.

— Эл, садись на лошадь и скачи во весь опор. Прощу тебя. В миле отсюда наши люди. Вам не выстоять, вражеские силы превышают в разы. Доберитесь до форта. Я вас догоню вскоре.

— Дарк... Ты же врешь мне. Они убьют тебя!

Тело ее не слушалось. Мысли путались. Сильные руки воина ловко подняли ее в воздух, усаживая на лошадь, лишившуюся седока.

— О, у него кнут, — Дарк указал на черные кольца кожи у луки седла. — Ты сможешь отбиваться. Прощай, моя девочка, — Эл вздрогнула, и мужчина поспешил исправиться. — Нет, до свидания! Завари мне темный эликсир, когда прибудешь, только приготовленный твоими руками, он дарит мне силы! Не усеет остыть, как я вернусь с его головой!

Внезапно ощущение чужого взгляда укололо в спину. Элика обернулась. И даже не удивилась, заметив Кассия. Что привлекло его? Шум возни? Ржание лошади?! Голос ее крови?

— Беги... — жарко прошептал Дарк, увидев врага всего в пятидесяти метрах. — Я люблю тебя. Просто помни, моя королева.

— Подожди... — не сводя взгляда с Кассия, Элика наклонилась и, не думая ни о чем, припала к губам Дарка в долгом, прощальном поцелуе.

Оба они знали, что никогда больше не встретятся. Смерть витала над головой достойного воина. Прервав поцелуй, Элика метнула в Кассия взгляд, полный боли. Дарк поспешно зашагал навстречу своему теперь уже врагу, бывшему повелителю, ни разу не обернувшись.

Почему она не бежала?

Почему смотрела, даже не смахивая жгучие слезы, как скрестились в поединке мечи двух мужчин, любивших ее без памяти, таких разных и похожих друг на друга одновременно...

Наверное, она по-разному любила их обоих. Или же эти слезы были от того, что она вновь столкнулась с беспощадной жестокостью Кассия? Или от того, что она знала, что не выстоять Дарку сейчас в этом отчаянном поединке? От того ли, что рушился ее мир, разбиваясь на осколки, лишенный выбора навеки. Выбора не было. Сгореть дотла и сжечь свое чувство у ног беспощадного тирана — или же обрести мир в руках достойного воина... В своих мыслях. Потому что добру не выжить в противостоянии со злом?..

Взмах... Хриплый крик... И вот уже Дарк, уронив меч, увяз коленями в пыли, ухватившись ладонями за острие меча, пронзившее его грудь...

Все кончено.

Нечеловеческий крик вырвался из груди матриарх. Вздрыгнул даже Кассий. Крик раненой пантеры, лишенной последней надежды... Слезы заливали ее лицо. Кнут уверенно лег в дрожавшую ладонь. Последний почет погибшему воину этого коварного оружия...

Далеко, недостаток — но, повинувшись безотчетному безумию, Элика взметнула ладонь, описав им полукруг, выбив пыль на месте соприкосновения его удара с землей. Затем, сохранив в памяти не поддающийся объяснению взгляд оставшегося в живых своего заклятого и любимого врага, натянула поводья, и, не разбирая дороги, направила коня в непроглядную тьму скалистой тропы...

Слезы застили ей глаза, рыдания разрывали грудь, мутная пелена не позволяла разобрать дороги.

В тот момент лишь Лаки, насмешливо улыбаясь, правил путь ее отступления.

Бог света — или Тьмы, что было вероятнее, — все же охранял ее путь, не позволив лошади вражеского солдата оступиться во тьме на каменистой тропе, сбросить свою наездницу и позволить прихвостням кассиопейского царя настигнуть ее.

Погони не было. Но сейчас Элика этого даже не осознавала. С разрывающимся от боли сердцем вглядывалась в темноту, не ведая страха, не пытаясь собрать рассыпающиеся осколки души воедино. В этом просто не было больше ни малейшего смысла.

Она лишилась не только Дарка, во имя любви к ней шагнувшего навстречу своей смерти. Сегодня она окончательно потеряла обоих мужчин, живших в ее сердце. И если одного она навсегда запомнит храбрым, человечным, благородным, нежным и достойным, переместившемся в чертоги Антала — второму же в ее сердце никогда больше не будет места. Даже маленького клочка. Как бы это не было тяжело, она вырвет его оттуда, если понадобится, раскаленными щипцами. Тем же методом, что он хотел уготовить ей...

Какое перемирие?! Какая забота о ней и о том, что груз ответственности сломает ее рано или поздно?! Чего стоили его слова о любви, уже не раз заставившие ее руку дрогнуть в бою, упустив возможность убить своего врага? Никаких чувств не было. Была только жестокость и жажда мести. Желание растоптать ее окончательно.

Цепи и раскаленное железо могли свидетельствовать о чем угодно, кроме любви. В своем стремлении уничтожить ее он был готов отобрать даже право на смерть. Ему всегда было мало. Не любить. Не гореть от безответного чувства. Только ломать и подчинять, вновь и вновь наказывая за то, что она в нем пробудила.

Она бы не выстояла, останься с ним наедине в этом лагере. Ее гордость была бы уничтожена окончательно. Сколько бы прошло времени перед тем, как от ее гордости не осталось бы следа, когда бы стерлись все грани, имеющие значение?.. Наверное, она бы начала умолять задолго до того, как вензель клейма раскалился добела. Понимая, что не дрогнет больше его рука, навсегда отмечая своим знаком, но заранее простив ему свое абсолютное уничтожение... С кем она собиралась играть в захватывающие игры с привкусом эротического безумия? Ничего не изменилось. Хищник априори был победителем во всем. Это она не желала его разрушения как личности в своих руках, заранее приготовившись подарить смерть уважаемому противнику. Он же был лишен любых проявлений морали и чести, как и вся его готовая рассыпаться по щелчку пальцев армия.

Воины сопровождения такой и увидели свою матриарх- с залитым слезами лицом, в разорванном платье, с поникшими плечами и пустым взглядом зеленых глаз, оттенок которых непостижимым образом был почти серым сейчас. Словно пепел, в котором сгорело все, чем она жила прежде. Задавать вопросы никто не решился. Только смерть бывшего кассиопейского воина, которого их королева возвысила до равного себе, могла вызвать такое сильное проявление эмоций.

— В форт... — пугающе спокойным тоном велела Эл, желая сейчас лишил одного — открыть глаза и проснуться, и никогда больше не прикасаться к безумию Хищника, похитившего ее сердце, не зная его убивающих планов на ее счет. Сегодня он в который раз показал ей свою истинную сущность. Нет, он пошел даже дальше. Разрушил все то хорошее, что она придумала себе в его отношении... А потом так же хладнокровно убил того, кто бы мог стать для нее лучом надежды и света и успокоить ее измученное сердце на исходе

кровавой войны.

Вот так, в один момент, она лишилась всего...

Слезы текли, не останавливаясь, падали горячими каплями на руки, безвольно сжимающие поводья, но молчало расколотое сердце, не испытывая больше боли. Только пугающую пустоту. И желание идти вперед, не ведая страха, по пути мести и разрушения.

Вскоре они достигли частокола форта. Но молчаливая и отстраненная, принимала Элика объятия брата, не замечая никого вокруг. Они все были счастливы, что она вернулась, и все обошлось... Никого не замечала. Вдруг ее погасший взгляд выхватил в толпе одного из Хранителей Поцелуя Смерти, и на миг неведомая ранее сталь подсветила изумруды леденящим кровь блеском.

— Мудрый Горацій, готовь наше оружие. Завтра этот презренный мир сгорит в огне!

Слезы, не останавливаясь, лились из ее глаз, руки безвольно повисли. Мелькнуло в стороне обеспокоенное лицо метнувшейся было к ней Керры, которую осторожно, но в то же время настойчиво, оттеснила Латима Беспощадная.

— Эл, пойдем со мной, — прозвучал ее властный, обволакивающий голос. — Все хорошо. Ты в безопасности.

— Матриарх ранена! — шелестела толпа.

— Я сама обработаю ее раны, — полководица подхватила свою юную королеву, оттеснив Керру. — Почему ты встала? Иди спать, дитя мое. Вы после сможете поговорить.

Лэндал попытался было возмутиться самоуправством Латимы, но та повелительно подняла ладонь:

— Принц, оставь нас вдвоем, я настаиваю!

Элика не замечала ничего вокруг. Лишь вздрогнула от боли в сбитых коленях, когда Беспощадная, осторожно уложив свою королеву, которую знала еще ребенком и обучала держать меч, на шкуры и, что-то успокаивающе приговаривая, принялась промывать раны отрезом ткани, смоченным в воде.

— Латима... — не сдерживаясь, разрыдалась Эл. — Он... Он чудовище. Я в страшном сне не могла предвидеть такого. Почему?! Как я могла испытывать к нему что-то?! Как?!

— Не плачь, Элика, — женщина поправила подушку, помогая опереться на нее локтями. — Мужской мир всегда жесток. Это не твоя вина. Главное, что ты спаслась. Все пройдет. Скоро мы завершим эту войну, — отжав ткань, осторожно прикоснулась к лицу, снимая слезы. — Дарк не вернулся, верно? Твое сердце болит также и за ним...

— Я потеряла сегодня их обоих... — всхлипывая, выдавила Эл. — Ему мало боли, что я вытерпела в его руках... Криспида безжалостна, она смеялась над моими чувствами, направляя свои стрелы! Почему я не хочу для него ужасной участи и готова подарить смерть, уважая его отвагу... Тогда как он намерен уничтожить меня полностью, оставив жизнь! Зачем?! Ты знаешь, что я поняла, когда увидела в его руках цепи и приспособление для клеймения?! Что я ошибалась. Что я могу быть счастлива только вдали от него. Счастлива с другим мужчиной этой земли, который стоит сотни тысяч таких, как Касс! Что лишь рядом с ним успокоится мое сердце. Пусть пока мои чувства были безлики, я бы научилась любить Дарка, как никогда прежде. Мой вольный спутник стал бы моей опорой и поддержкой! Но... Он лишил меня даже этого! Мало того... Когда его меч пронзил грудь Дарка... Он смотрел мне в глаза... Словно давая понять, что моя жизнь превратится в ад... И никто не спасет меня из этого кошмара!

— Кроме него самого, правда? — осторожно заметила Латима. — Мне ли говорить тебе

о любви мужчин, к тому же мужчин царской крови? Аларикс не пытался оставить на мне свои отметины, нет. Он предпочел мою смерть тогда.

— Значит, Фланигус любил тебя по-настоящему! — сжав кулаки, прошептала Элика сквозь слезы. — Этот же... Я заслужила смерть воина! Как он мог обречь меня на страдания в цепях, с его меткой на теле?! Почему он хотел моего безумия?! Я до последнего уважала его как противника и даже в мыслях не желала ему подобной участи!

— Наверное, потому, что в его понимании жизнь — высший дар богов, Эл. И его любовь не могла быть иной. Он готов защитить тебя от объятий смерти, как от самой страшной участи... Даже если не сможет защитить сам от себя...

— Я не хочу больше ничего... — обреченно выдохнула Элика. — Кроме одного. Пусть погибнет в пламенном урагане вместе со своей империей... Уже завтра. После того, что я видела собственными глазами, я больше не стану дарить ему смерть на поле боя. В нем ни капли человечности.

— Ты переоцениваешь благородство Фланигуса, — тяжелая складка пролегла на высоком лбу воительницы. — Он готов был убить меня спящую. Чужими руками. Этот же делает все, чтобы ты выжила...

— Он знает, что я не буду так жить...

Новый приступ рыданий накрыл с головой. Почему это не сон?! Почему нельзя стереть это из памяти? Пустота кругом. Нет больше Дарка, на чьей груди бы она сейчас спряталась от того, что ей собирался уготовить Кассий. Ее лишили всего. Абсолютно.

Настало время заканчивать войну, которая оказалась ей не по силам. Слишком много боли, смерти, крови. И она сама сломалась под этой невыносимой тяжестью. Ее прежний мир рухнул этой ночью. Почему?! Она знала ответ. Это война. Здесь нет места иным эмоциям.

— Моя королева, — ласково сказала Латима, когда Элика успокоилась и стала дышать ровнее. Девушка вздрогнула и укоризненно посмотрела на женщину, воспитавшую ее с детства. Та ободряюще кивнула, исправляя свою ошибку. — Элика. Я прошу тебя поговорить сейчас с Лэндалом. Его разрывает чувство вины. Он не может себе простить, что оказался далеко, когда был так тебе нужен. Он даже грозился сжечь деревню...

— Нет, мы не варвары, — дрожащими губами прошептала Эл. — Конечно, пусть заходит.

Лэндал замер на пороге. Элика, утерев слезы, ободряюще улыбнулась брату. Мужчина пошатнулся, его колени дрогнули.

— Прекрати! — устало велела матриарх. — В этом нет ни одной твоей вины. Сядь рядом со мной.

— Моя сестра... — принц поднес к сердцу ее ладонь, запечатлев поцелуй. — Я узнал... Почему я не мог тебе помочь?! Почему?!

— Потому что это только мои с ним дела. И решать их я привыкла сама.

— Королева... — Элика сжала губы, указывая брату на неуместность придворного церемониала в стенах этого шатра. — Воин кнута не вернулся... Мне сказали...

— Он пал достойной смертью, защищая меня, — проглотив комок в горле, прошептала Эл.

Погиб, пытаясь если не уничтожить того, кто решил растоптать меня, то хотя бы уберечь от этой участи. А у меня не было возможности даже забрать его тело, чтобы достойно проводить к чертогам богов... И, теперь я знаю — я бы забрала в эти чертоги их

обеих, будь у меня такая возможность...

— Мы решили провести церемонию... Пусть без него... Я велел готовить погребальный костер. Знал, что ты одобришь...

Элика устало кивала, ощущая пугающую апатию с привкусом безысходности. Это все не с ней... Лаки, сделай это страшным сном. Прямо сейчас! Пусть Дарк снова появится на пороге шатра, осушит мои слезы, успокоит метавшееся сердце... И когда закончится эта война... уже скоро... Я научусь его любить. Может, чуть меньше, чем он любил меня... Может, не так безумно, как раньше любила Его...

Но безмолвные небеса молчали, не слыша ее отчаянного крика. Бессердечные, верные лишь своим играм, закрутившие эту безжалостную войну, словно ее целью было не приумножить земли и отомстить за страдания атланской королевы, а лишить ее обоих мужчин, любящих ее до кровавого безумия, невзирая на ее ответные чувства к ним обоим...

Он расставил сети мастерски, здравомыслящий и непобедимый до конца царь обреченной империи, растворившейся в адской зиме и планомерно идущей навстречу своей гибели, но — с высоко поднятой головой. Его игры не были еще проиграны. Спаркалийский флот, оплот возможного спасения, неся на всех парусах, покоряя себе беснующуюся, а подчас спокойную морскую гладь, чтобы попытаться поставить точку в этом кровопролитном противостоянии и сделать то, что не удалось никому... Никому, кроме него в свое время. А именно — поставить матриарх Атланты на колени.

Она попалась. Обреченная мятежница, дикая пантера, его боль и его счастье, недостижимая и такая близкая сейчас одновременно в захлопнувшейся ловушке. Никогда он не переставал любить ее, забыв о себе. Даже сейчас он хотел спасти ее саму от себя... Через боль. Через ломку всего, чем жила она прежде. Его любовь была именно такой. Беспощадной, разрушающей, неправильной, неподвластной всем законам логики. Она могла убить любого, но его пантера выдержала бы все.

Отметина на коже. Он решил это сделать.

Кровавый талисман. Оберег. Амулет. Который защитит ее от Тьмы, захватившей ее сердце волею игр богов. Который вместе с жаром и волной боли выжжет до основания груз тяжелой вины, ломающий ее тонкие плечи, навсегда избавив ее от необходимости страдать за собственные поступки. Эта ноша была изначально ей не под силу.

Он обманывал себя. Его темная сторона правила свой пир, требуя жестоко наказать за смерть самого близкого друга. Ты отняла у меня его. Я отниму у тебя право даже дышать без моего приказа. Ты могла не бояться плети. Ты могла даже получать удовольствие от насилия. Но с клеймом тебе не справиться ни за что.

Поцелуй раскаленной стали зажигает даже самые потаенные эмоции. Это путь в один конец. Никогда не вернуться к прежней жизни. Никогда не вкусить больше пьянящий вкус беспечной свободы. Знак принадлежности не на коже. Он глубоко внутри. Полное уничтожение для иной свободы — ничего больше не решать и не страдать...

Так надо, моя маленькая. Этого не избежать, моя атланская девочка. И спустя время ты однажды поблаговаришь меня за это. За данное тебе право быть собой. Любовь не имеет ценности без жажды власти. Она просто не будет гореть долго.

Все утратило свое значение в эту роковую ночь, он не мог знать тогда, что ее исход перевернет его мировоззрение с ног на голову уже совсем скоро... Что жаждущий крови и слез Зверь окажется заживо погребенным под обломками его восставшего сознания. Что

ключ от этих дверей будет найден уже совсем скоро, и с его поворотом рухнут все неприступные стены, которые он воздвиг вокруг себя так давно, что уже и не помнил того момента.

Ночь, закон вынужденного перемирия. Сегодня они были вне правил, нарушая его так легко, не задумываясь о последствиях. Ему стоило горячих усилий взять свои эмоции под контроль, чтобы бег его крови в ее жилах не выдал истинные намерения. Как же сладко было пить ее эмоции, находясь вдали, смаковать их, словно глоток терпкого, вызревшего вина, злорадно насмеяться над ее эйфорией — а потом наслаждаться чувством неминуемой капитуляции...

Долго не вышло. Вслед за острой эйфорией победы пришла боль. Почему?! Откуда? Он не знал ответа на этот вопрос. Она разливалась по всему телу необъяснимо сильными толчками, ее слабые отголоски, доводившие почти до безумия. Неужели ей настолько тяжело было признать свое поражение?..

Эта сука заслужила боль, разве нет? Вспомни Домиция. Всех своих погибших людей. Подумай, что они сделали с Вирсавией!

Зверь не собирался отправляться обратно, на задворки сознания.

Это еще не боль. Ты можешь сделать ее агонию гораздо сильнее. И никуда она больше не денется!

"Касс, ты где?.."

Тело словно обдало жаром. Она. Звала. Его. Нельзя было терять ни минуты! Бег коня перешел в галоп. Навстречу неотвратимости грядущего. Только вперед. Окончить это безумие. Сделать ее своей окончательно. Исправить свою ошибку. Он отпустил ее раз. Больше он не совершит подобного промаха!!!

Кровь бурлила в венах, бесновался внутри лишенный контроля зверь, которого становилось все труднее сдерживать... Цепи полетели в пыль высокогорного плато. Ее ожерелья и браслеты. Иных не будет. Она вскоре и сама не захочет... Он не замечал ничего. Ни пьяного веселья своих солдат. Ни отсутствия легата, который даже не вышел его встретить. Ее близость грозила лишить разума. Зверь встал на дыбы. Именно он сейчас отдавал эти приказы...

— Готовьте жаровню! Раскалить добела!

Это произошло в тот самый момент. Словно огненный вихрь прожег его кровь, утих, унесенный этим ураганом зарвавшийся Хищник, впервые пожалев о том, что осмелился поднять голову. Словно лучи небесного светила продолжали неотвратимо сжигать эту сущность дотла... Завывание зверя оглушило, достигло максимума, миг... Он утих. Исчез... Рассудок рухнул на него тяжелой гранитной плитой, выбраться из-под которой не было ни малейшей возможности.

Защитить. Спрятать.

Решительно. Жестко. Но — без своих недостойных желаний превратить достойную Хищницу в раненого, умирающего от потери крови котенка у своих ног... Его пара. Его королева. Достойная и нестигаемая до конца. Ему не достичь ее пределов.

Она не изменится. Он — тоже. Непреложная истина.

Весомый ли это повод, чтобы уничтожить друг друга, сжечь дотла на алтаре своих эгоистичных желаний? Жажда власти и подчинения. Никуда ей от него не деться. Никогда не признать благородства сильного и достойного противника. Хищник управлял им с детства. Его тирания разрушила саму жизнь, а он на пике своей мании величия никогда не

мог осознать этого в полной мере...

Словно высшая сила заставила его развернуться и сделать шаг вперед. Кто правил его путь, толкая в спину? Эдер? Нет. Бог света давно отвернулся от него. Чего хотел Лаки, и неужели ему было мало узаконенной религии и воздвижения храмов?.. Почему он позволил богам играть своим сознанием, и все решать за него?..

Поздно поворачивать назад. Он заживо положил себя на алтарь их жестоких игр. И вряд ли хватит сил им сопротивляться... Но он не пытался ни разу.

Он знал, что увидит за полосой военных шатров еще задолго до того, как, не отдавая себе отчета в своих действиях, шагнул навстречу сомнительной неизвестности. Как встретил ее взгляд...

Не было в нем ни упрека, ни ненависти, ни безразличия. Ничего. И это напугало его еще сильнее. Пульс его крови в ее теле — отметина Эдера или проклятие Лаки? — отозвался вспышкой острой душевной боли, неумолимый образ застил глаза.

Осколки. Черепки. Острые грани, не увернуться. Не спастись от рваных, колотых ран, от жестокой правды. Ее сердце остановилось. Замерло, попытавшись сдержать острую пульсацию ответного чувства... На один короткий миг... Чтобы взорваться, истечь алым пламенем погибающей любви, ранить мириадами невидимых, но ощутимых осколков. Не прощаю. Отпускаю. Больше нет двусмысленности. Ты мой враг. И я жажду твоей смерти. Ты сам похоронил нас под этим смертельным обвалом уничтоженных чувств. Мне жаль, но я устала любить того, кто жаждет моего полного уничтожения...

Он узнал его. Дарк из рода Виктимов. Прославленный воин кнута. И понял все задолго до того, как его девочка, его несломленная валькирия, его дикая пантера припала к губам другого в прощальном поцелуе... И тем самым подписала мужчине окончательный приговор.

— Беги... — отчаянно прошептали пересохшие губы — Не трать времени... Не дай мне тебя догнать...

Она не спешила. Лишь когда его меч пронзил грудь бывшего соратника, ныне потерянного доя империи навсегда, прислушалась к его шепоту.

И тогда Кассий понял одно.

То, что раньше он не знал, что такое настоящая душевная боль.

Колени больше не держали его. Едва сдерживая сжигающие слезы, он без сил опустился в пыль у тела поверженного противника. Резанул сознание стук затихающих вдали копыт, унося ее подальше от его безумия. Она не сказала ни слова. Но ее немой крик пульсирующим отголоском звучал в его сознании.

"Я не могу с тобой. Мне это больно..."

Перевел взгляд на Дарка. Он умирал счастливым. От ее поцелуя и осознания, что смог ее спасти от неминуемой тирании. Не отдавая себе отчета в своих действиях, Кассий сжал его безвольно раскрытую ладонь.

— Достойный бой. Пусть Эдер с почетом раскроет перед тобой ворота своего царства...

Он пытался что-то сказать... И все же, перед тем, как умолкнуть навсегда, ему это удалось.

— Убей ее быстро. Она не заслужила... Подобной ненависти...

— Обещаю, Дарк, — Кассий сорвал с плеч плащ и накрыл им бездыханное тело погибшего воина.

Никто из солдат не проронил ни слова. Единственный, кто осмелился, поплатился за

это на месте.

— Мой царь, тавро для атланской суки готово! — один из прихвостней запропастившегося куда-то Кантуна мерзко ухмыльнулся, протягивая ему раскаленный добела стержень. Кассий рывком выхватил его из чужих рук.

— Я могу ее держать, пока мой правитель...

Оглушающий, леденящий душу и кровь крик разорвал ночную тишину, когда раскаленный герб империи с шипением впечатался в лицо самодовольного солдата, прожигая сетчатку глаза одним ловким движением.

— Она королева, а не сука, — ласково пояснил Кассий, отбрасывая стержень в песок у ног ошеломленных воинов...

Элике удалось заснуть лишь под утро. И только благодаря Керре и ее успокоительным настоям, которые уняли боль в истерзанном теле. Душевная же агония не поддавалась никакому зелью.

Ее сердце даже не истекало кровью. Оно было разрублено на части. Напрасно отчаянный призыв Кассия пытался пробить ледяные стены ее отчаяния. Он не мог сейчас слышать крик своей крови в ее теле. Закрылась. Отгородилась каменной стеной. Отпустила свою боль — ненадолго. Недалеко... И все же...

— Он любит тебя, — не отпуская руки подруги, уверенно говорила Керра. — Поверь.

— Его любовь — ад. Я не хочу ее такой ценой!

— Ты не права. Ваши пути писаны свыше. Никуда вам не деться друг от друга.

— Если бы ты знала, что он хотел со мной сделать...

— К рассвету он десять раз раскаялся в своем поступке! Не пытайся убить свои чувства. Это ослабит тебя, и притом ты ничего не добьешься.

Элика перестала ее слушать. Она сегодня достигла небывалых успехов в создании стены не только между Кассием. Так и заснула, убедившись, что «Поцелуй Смерти» был установлен на выступе скального возвышения, и готов был пустить свои смертоносные лучи завтра, как только солнце немного отклониться от зенита... она не жалела ни о чем. Измученное сердце заросло льдом в эту ночь.

Ласковый рассвет, словно насмехаясь, озарил изнасилованную империю ласковыми лучами. Но сегодня их яркость была затемнена непонятной мглой. Небо, несмотря на солнечный свет, спустя меру масла приобрело серо-желтый оттенок. Непривычная тишина стояла вокруг; попрятались даже птицы, постоянные спутники поля сражения. Но малейшего движения ветерка. Удушающая серая пелена в безмолвном небе, словно предвестник чего-то ужасного.

Элика выпалась и чувствовала себя бодрой, несмотря на боль во всем теле от ударов Кантуна. Но эта боль была ничто по сравнению с внутренним опустошением. Сегодня она надела кожаный костюм ярко-красного цвета. Словно знак, что ее сердце истекло кровью. В нем не осталось ни капли.

Построение войск заняло не более четверти меры масла. Непривычная, пугающая тишина — сегодня она была во всем. Недвижим был даже вражеский лагерь. Словно они чего-то ожидали. Матриарх не была настроена давать им такой возможности.

— В атаку, — сухо бросила Лэндалу. Брат выглядел обеспокоенным.

— Эл, ты уверена, что тебе после того, что произошло вчера, стоит здесь находиться?

— Ты хочешь, чтобы королева Атланты отлеживалась в шатре? — холодно

осведомилась девушка.

Ответить он не успел. Вражеская фаланга, расступившись, вытянула на руках белый флаг Амбитадора.

— Вы. и тебя Лаки, — выругалась Эл. — Это еще что такое?

Фигура воина, отделившись, направилась вперед. Атланские солдаты уверенно выстроили защиту при помощи щитов. Вчера, с нарушением Закона ночи атланской стороной, доверие несколько пошатнулось. Хотя нарушила она его она первая, матриарх самой достойной и благородной державы. Отправив одну из Пантер узнать, что понадобилось кассиопейцам перед самым решающим боем, Элика оглядела горизонт. Ничего... почему же ощущение непонятной тревоги словно повисло в воздухе?

— Матриарх, — поклонилась Валерия, лучница легиона Пантер. — Царь Кассиопеи выражает свое глубокое почтение тебе и приглашает на мирные переговоры. Сию минуту.

— Где? — безразлично осведомилась Эл.

— Отвесное плато.

— Я пойду, — Лэндал поднял руку, и тут же опустил, проклиная себя за излишнюю поспешность. — Моя королева.

Переговоры. С глазу на глаз с самым заклятым врагом. Элика подавила стон. Бежать. Исчезнуть. Она не вынесет этого после ночных событий...

Сотни пар глаз в упор смотрели на матриарх. Имела ли она право проявить сейчас слабость?

— Нет, Лэндал, — измученное сердце пропустило гулкие удары. — Нет. Королева не скрывается от противника. Она смотрит в глаза любой опасности. Я пойду.

Этот шаг дался ей тяжелее всего. Она не помнила, как Захватчица Ветра несла ее к месту планируемых переговоров. Как матриарх Атланты взбиралась наверх, царапая руки о скальные выступы, все же опасаясь, что, приди она сюда обычным путем — не миновать коварной подлости.

Не ждала ее засада на этой отвесной скале. Нет. Не ждали ее даже цепи. И клеймс агрессора, перевернувшее ее жизнь с ног на голову. Она продолжала повторять себе одно и то же — все хорошо. Никаких чувств. Никаких эмоций.

Земля не дрогнула, грозя похоронить их обоих заживо под обломками. Не разверзлась бездна под ее легкой поступью навстречу заклятому врагу. Безмолвное серо-желтое небо, скрывшее солнце мутной кисеей, с молчаливым ожиданием чего-то неотвратимого, затаив дыхание, наблюдало за этим столкновением двух непримиримых противников. Поле боя? Шелка покрывал? Уединенное место для окончательных, решительных переговоров? Не имело значения, где и как. Они всегда оставались — каждый верен самому себе в пламени кровопролитной войны. Был ли возможен шаткий мир между ними? Его подобие? Ответа на этот вопрос не знал никто.

Она заковала свое сердце прошлой ночью в лед Белого Безмолвия. Так мало тепла и солнца, чтобы растопить его сейчас... И не нужно это вовсе. Давить подошвой кожаных сандалий осколки израненного сердца, не позволяя им соединиться вновь. Не видеть в нем, стоящем напротив, смысл всей своей жизни, свой горький рок, крест без надежды, недостижимый финал жестокого пути. Он враг. Ничего больше. Сколько можно было обманывать себя... И лишь затем, чтобы камнем сорваться вниз, столкнувшись с его настоящей сущностью. Он никогда не был для нее кем-то иным. Он всегда был сумасшедшим Хищником, готовым отдать жизнь за право обладать ею по-своему, не

учитывая никаких желаний и стремлений. Он всегда хотел недостижимую звезду с небес, которую так коварно заставил саму упасть к нему в руки. Пить ее холодный, призрачный свет, заставляя гореть, сжигая себя, лишь для него одного... Иногда дарить благодарность за то, что его ночи лишены мрака, полагая, что этим стоит удовлетвориться и не искать иных путей. У звезд нет души и права на свои слабости. Холодный светоч, услада глаз и тела, больше ничего. Этот огонь безжалостно погасили, стоило ей возжелать неба напололам в равноправном величии...

Эти невеселые мысли не в состоянии были пробить действительность. Лед плавился рядом с ним. Медленно, подсвечивая негасимым огнем кровавые капли, которые, лишённые оков холода, неумолимо соединялись воедино. Бесновалась чужая кровь в ее венах, ломая выстроенную защиту, лишая сил, заставляя делать над собой горячие усилия, только бы не сдаться и выстоять до конца перед самым страшным оружием — чувствами к этому мужчине, которые не смог заморозить никакой лед, не смогло сжечь самое жаркое пламя ненависти, разметать долгая разлука. Победителей в этой войне не будет. Только двое проигравших.

— Эл, — Кассий решительно двинулся вперед, но не успел сделать и шага. Замер, словно наткнувшись на невидимую стену, но уже не отчуждения. Опустошенного отчаяния и неприкрытой ранимости. Сознание не хотело играть по правилам, обнажая душу до каждого оголенного нерва.

— Я без оружия, — развела руками Элика. — Я не понимаю, зачем эти переговоры. Капитуляция? Ты решил сдаться? Не хочу этого слышать. Нет. Я привыкла уважать врагов. Скажи мне, что я ошибаюсь.

Мужчина провел рукой по лбу. Только сейчас Элика заметила, что бессонная ночь не прошла бесследно ни для кого из них. Он выглядел... Опустошенным. Было что-то еще, но что именно? Раскаяние? В чем? В том, что предложение капитуляции...

— Нет, Эл. Моя империя не сложит оружия добровольно. Мне нужно было увидеть тебя, перед тем как в ходе битвы настанет переломный момент, который может стать роковым для твоей армии.

— О чем ты говоришь? Ты всерьез решил, что меня... — проклятие. Горло предательски сжалось. Образы прошлой ночи неумолимо врезались в ее душу, лишая сил. — Можно испугать цепями и отметиной на коже?

— Тебя этим не испугать. Тебя этим только сломать. И ты знаешь, что я прав.

Королевы не плачут. Они ни в чем не показывают своих эмоций. Особенно — перед врагом, который только этого и ждет. Против кого же ты пытаешься играть... Он знает тебя настоящую. Он разобрал тебя на части в свое время, чтобы понять, что ты чувствуешь. Тяжело тебе будет его переиграть...

Кассий заметил ее состояние. И то, как дрогнули ее плечи, когда отголосок его душевной боли ударил ее. А она так ничего и не поняла!

Элика не замечала ничего вокруг. Пусть режет словами. Это ее долг — прийти на переговоры. Они изначально обречены на провал. Все, что ей остается — просто запомнить этот момент навсегда. Сохранить образ любимого агрессора в своем сердце, перед тем, как Поцелуй Смерти сотрет с лица земли Кассиопею с ее жестоким правителем...

Теплые ладони легли на ее плечи. Это не правильно! Глотая слезы, она закрыла глаза. Пусть. Ему осталось жить считанные меры масла.

— Элика... Моя мятежная девочка... Все можно остановить. Мы доказали все уже друг

другу. Эта война убивает тебя. Ты даже в моих руках поначалу не страдала так, как сейчас. Все можно изменить. Просто давай спустимся с этого холма вместе с нотой окончательного перемирия. Я готов отдать тебе Кассиопею, если это успокоит твое сердце. Я не прошу взамен ничего. Я не могу ощущать день за днем, как ты страдаешь. Просто не могу. Нет в тебе тьмы холодного расчета. Нет жажды крови без причины. Твое сердце не из стали. Сколько еще людей должно погибнуть, чтобы ты сломалась под гнетом необоснованной вины?

— Ты беспокоился обо мне? — тихо спросила матриарх, уже не сопротивляясь теплым ладоням на своей коже, молчаливо позволяя этим касаниям плавить лед ее возведенных укреплений. — Не говори мне этого. Я видела вчера всю глубину твоего беспокойства. Те цепи, которые ты притащил с собой. И...и... Если бы только это!

Теплые ладони опалили жаром. В этот раз Элика смогла справиться со слезами, хотя уже понимала — их чувства открыты, словно на ладони. Шокирующая взаимосвязь путем обряда крови.

— Мне жаль, Эл. Если ты окажешься в моих руках, это будет малая часть того, что тебя ожидает. Я не могу закрыть глаза на весь тот ущерб, что ты причинила, пытаюсь убежать от самой себя. Да и не нужно мне искать причин. Я всегда был честен с тобой. Я такой, какой есть, и изменить это не под силу даже богам.

— Не смей использовать богов в своих грязных желаниях, Касс.

— Это не имеет значения. Я просто даю тебе право выбора. Если мы заключим перемирие, я пойду на все, чтобы уберечь тебя от себя самого. Подумай, Эл. Я не просто так ставлю такое условие. Я отдаю себе отчет в том, насколько это будет нелегко. Но если ты не идешь мне навстречу — я не вижу смысла сдерживаться. Когда ты окажешься в моих руках, не жди большого великодушия. Я всегда был честен с тобой.

— Почему ты так настойчиво этого добиваешься? — сглотнула Элика. — Почему ты не можешь проявить уважение, как я к тебе, и подарить мне достойную смерть на поле боя? Почему тебе обязательно нужно превратить мою жизнь в ад?

— Потому, что это освободит тебя. И потому, что я люблю тебя. Ты и сама это знаешь.

— Неужели твоя любовь обязательно идет рука об руку с болью? Тебе мало? Ты отнял у меня слишком много. После прошедшей ночи перемирие между нами невозможно!

— Он был для тебя чем-то большим, чем я?

Матриарх не сразу поняла, о чем он говорит. Дарк. Что ж, он не стал щадить ее чувства. Он намеренно пытался ее добить своими словами. Методы белых шелков окончены.

— Он был для меня тем, кем никогда не стать тебе. Он был образчиком благородства и настоящих чувств, готовый жертвовать ради меня своими желаниями. Даже самыми извращенными, если бы такие у него были.

— Не ври нам обоим, Эл. Я чувствую тебя, как никто.

— Мне жаль, Касс, но в мое сердце вошел иной мужчина. Хотя, какая теперь разница. Он мертв, а тебе даром не нужна моя ответная любовь.

Безмолвные небеса. Ни малейшего дуновения ветра. Не нужно никому из них сейчас потустороннего вмешательства. Последний бой. И иллюзорная попытка договориться.

— Я бы все отдал, чтобы знать, что ты хоть мало, но любила меня. Зная это, я готов встретить смерть.

— Не имеет значения, готов ты или нет. Зачем мы отрицаем очевидное? Твоей империи не выстоять. И живой тебе меня не взять. Ты и сам знаешь, что я не буду так жить.

— Мы не договоримся?

— Нет, Касс. Самое время попрощаться. Сегодня кого-то из нас уже не будет в живых. Может, даже обоих...

— Эл...

Объятия мужчины стали сильнее. И она впервые им не сопротивлялась. Ощушая покой, о котором не могла даже мечтать, в этих сильных руках, ласковое касание которых так жестоко расходилось с его словами! Может, он был прав во многом. Но нет в этом смысла. Никто из них не поступит своими принципами ради другого.

Он прервал молчание с неохотой. Через поглаживающее касание его пальцев Эл внезапно ощутила всю боль мужчины, потерявшего от нее голову.

— Эл, сдайся. Прошу тебя. В этот самый миг в наши гавани зашла эскадра Спаркалии. Их разрывные метательные снаряды не оставят даже щепки от вашего форта. Вы обречены. Прости. Но я тоже не привык проигрывать. Единственное, что я могу сделать, чтобы спасти твою армию от полного разгрома, кроме как предупредить об этом — заключить соглашение. Здесь и сейчас. Прошу тебя. Согласись на перемирие. Я готов пойти на твои условия... Это лучший выход.

Очарование жарких объятий застыло льдом, леденящим сердце.

Спаркалия.

Как она могла быть такой беспечной?! Могла. Даже Лаэртия никогда не воспринимала империю Фланигуса всерьез. Они нейтральны и никогда не заключают союзов с иными империями. Они берут их силой. Отличный повод поставить на колени Атланту! Жертва собственной самоуверенности, она не просчитала этот ход наперед...

Поцелуй Смерти. Теперь ничто не удержит ее от запуска самого ужасного оружия.

Кассий, казалось, чувствовал все ее эмоции, расплавленным огнем бежавшие по венам. Успокаивающе поглаживал плечи, снимая подступившую панику. Как же его жестокие слова расходились с делом! Вздохнув, Элика освободилась от этих рук. Она должна спешить. Предупредить своих и подготовить убийственное оружие на кристаллах пустыни к бою. Против флота Фланигуса им, возможно, не выстоять.

— Касс, если ты меня любишь, не откажи в последней просьбе. Если мы столкнемся на поле боя, убей меня. Подари мне достойную смерть. Я больше ни о чем не прошу. Сделай то, что я обещаю сделать для тебя.

Ответ был предсказуем. Леденящий кровь обещанием чего-то ужасного.

— Нет.

Элика впервые за все время посмотрела ему в глаза.

Завтра, возможно, никто из них не выживет... Стоило ли молчать теперь?

— Я хочу тебе сказать... — гордо вскинула голову. — Я отдаю себе отчет, что мои слова сейчас освободят твои черные крылья. Что они придадут тебе сил, чтобы выжить. Что после них тебя мало что остановит, и я, возможно, подписываю свой приговор, произнося их. Но я не могу больше молчать. Я не могу даже рассчитывать на то, что ты меня поймешь. Но я должна попытаться...

Ей понадобились все свои силы, чтобы их произнести. Чтобы не согласиться на пропозицию врага и стоять на своем до последнего.

— Я тоже люблю тебя, Касс. Зов твоей крови в моем теле никогда тебе не врал.

Договорить. Не запнуться, потеряв остатки воли от его шокированного взгляда.

— Я хочу лишь одного. Унести это чувство с собой в чертоги Антала, если мне суждено

умереть. Умереть с твоим именем на губах. И никак иначе.

Я не хочу, чтобы мое чувство оказалось растоптано твоей тиранией, когда я попаду в твои руки. Если это случится, я не хочу видеть, как оно застынет, сменившись желанием смерти, а потом станет ненавистью. Это самое прекрасное, что со мной когда-либо случалось. Позволь мне забрать его с собой и не дать ему погибнуть у твоих ног. Если любишь, сделай это для меня.

Она это произнесла. Оказалось совсем не сложно. Вряд ли они когда-нибудь увидятся снова. Уже сегодня конец самой короткой, но не менее кровопролитной войне будет положен.

Вот и все. По крайней мере, этот груз больше не давил ей на плечи.

— Прощай, — с чистым сердцем произнесла Элика, делая шаг вперед. Прочь с этого плато, так и не выполнившего свою функцию плацдарма мирного регулирования. Прочь от этого мужчины, чей ошеломленный и полный боли взгляд никогда не сотрется из ее памяти.

...Он отказывался верить, что потерял ее, в тот самый момент, когда заполучил настоящего. В тот момент, когда его внутренний Зверь, и без того придавленный глыбой самоконтроля, испустил предсмертный рык, чтобы затихнуть навсегда.

— Элика...

Горячие, сильные ладони неистово трясут ее плечи. Что она знала об отчаянии, которое раньше накрывало ее с головой, подводя к пропасти безумия, заставляя танцевать свои танцы босиком на острых обломках гордости? Ничего. Настоящее отчаяние было сейчас в его глазах. Непередаваемого, манящего оттенка растаявшего безмолвного льда.

— Элика, останови это. Прошу тебя. Я не могу тебя потерять! Ты мне нужна!

— Слишком поздно, Касс, — она улыбалась. Отпуская все свои обиды и всю свою ярость к этому человеку в безмолвные небеса, не замечая, как расходится белесая мгла, и палящие лучи солнца устремляются к земле, беспощадные и символические до неправдоподобности.

— Не поздно. Объяви перемирие. Не беги от самой себя. Мы созданы друг для друга. Прекрати эту войну! Скажи хоть раз богам "Нет"! Не они управляют твоей судьбой! Ты сама хозяйка своей жизни!

— Тебе бы признать это раньше, как знать, может, многое бы изменилось... — уже не думая о том, что делает — перед лицом смерти равны все, — провела кончиками пальцев по его щеке. Грустно улыбнулась, ощутив на них влагу. — Ты же сам знаешь, что я не могу. Они, — кивок в сторону форта, — этого не поймут. Стоило ли гибнуть самым достойным воинам, чтобы потом, презрев их память, все решить путем переговоров? Ист Верто, Кассий. Его никто не отменял. Прости, но это была цена моей жизни тогда.

— Цена твоей жизни — моя кровь! Я умру за тебя, если надо... Любимая...

Она не стала вырываться. Наоборот, с жадностью умирающего от жажды путника бескрайней пустыни приняла этот отчаянный, обреченный поцелуй, зная, что не забудет его сладости до самой смерти. Долго. Отчаянно. Сдерживая рвущийся наружу крик и горькие слезы. Уничтожая себя и право на любовь во имя высшей цели. Любим, пока непобедим. И вряд ли что-то изменится...

Так надо. Стоять рядом с ним, как равная. Иметь право смотреть ему в глаза, не снизу вверх, как он хотел всю свою сознательную жизнь. Именно так. Непобедимой и сгорающей от любви... А не в цепях, у его ног, бестелесной тенью, призывающей смерть как благо.

— Пусть выживет достойный, Касс, — прошептала матриарх, прерывая поцелуй.

Одинокая слеза скатилась по ее щеке.

Переговоры не могли закончиться иначе. Но они могли расставить все точки прорвавшейся искренности.

Воины сопровождения враждующих сторон долго не могли прийти в себя, наблюдая нереальную, но такую яркую, вопреки всем законам логики, картину. Вместо того, чтобы накинуться друг на друга в поединке... или пожать руки... Противники королевских кровей целовались, не замечая ничего вокруг. Что это могло значить? Окончательное перемирие?! Или начало самого жестокого и жуткого противостояния?

— Ты навсегда в моем сердце... — прошептал Кассий в спину удаляющейся девушке.
Навстречу смерти. Решающему бою. Точке абсолютного невозврата...

Никого из атланской армии в последнее время не удивляли слезы их королевы. Матриарх могла сколько угодно, не стесняясь, предаваться своим потаенным эмоциям, будь то азарт, веселье, боль или слезы. Но никогда, ни в коей мере, не могло это повлиять на исход войны, ослабить ее разум, заставляя дрожать тонкие и нежные руки, которые сейчас плотно сомкнулись на горле Кассиопеи, сдавливая нежным ядом чувственной асфиксии, вырваться из которой у вражеской империи не было больше сил... А, возможно, и острого желания...

Ей заранее прощали все. И слезы, и жаркий поцелуй с врагом, и даже малопонятные, но прочитанные на интуитивном уровне мотивы для кровопролития. Как бы то ни было — не дрогнула великолепная стальная воля матриарх Непримируемой. Не растопили объятия царя обреченной империи лед ее решительности и негибкости. А слезы... Они просто вода. Ненужная слабость сердца, которая вытекала вместе с ними, как ненужный якорь.

— Великая матриарх, вернулся дозорный отряд с побережья! — Лекасиус, предводитель легиона лучников, был обеспокоен и дезориентирован. Он никогда не умел держать лицо, все эмоции были прописаны на нем с поразительной четкостью. — Эскадра Спаркалии...

— Я уже знаю. Быстро собери всех главнокомандующих, найди Латиму и Лэндала. Счет пошел даже не на меры масла. И Горация! Поторопись, доблестный воин!

Элика смахнула слезы тыльной стороной кисти, натянув поводья. Один из воинов легиона копьеносцев с перевязанным раненым плечом поспешно отошел в сторону, но матриарх лишь ласково ему улыбнулась.

— Как твоё здоровье ныне, доблестный Адикус?

— Хвала Анталу, покровителю моей матриарх, рана затянулась, и я снова полон сил! — смущенно ответил мужчина. Элика сжала ладонью его плечо, перед тем как двинуться дальше, по направлению к своему шатру.

— Матриарх, пленный кассиопеец мертв, — поклонилась ей юная Пантера, лучшая ученица погибшего Дарка. — Он не выдержал... эмм... Ласк воительниц.

Элика сдвинула брови, продолжая улыбаться, и такая же улыбка появилась на лице девушки. Пусть скоро смерть. Они и ее готовы встречать с улыбкой.

Весть о прибытии кораблей уже разлетелась по форту, поселив смятение и беспокойство на лицах воинов, но вместе с этим их глаза горели жестокой решимостью стоять до последнего во имя своей королевы. Это осушило ее слезы быстрее жаркого саммама и палящих солнечных лучей. Все-таки у нее было то, чего некогда не было в Кассиопее. Единства. Преданности. Верности.

Могла ли она обрекать своих людей на лишнюю бессмысленную смерть? Решение созрело еще в тот миг, когда отчаянный взгляд и шепот Кассия впивался в ее позвонки в отчаянной попытке остановить это безумие.

Собирать военный совет долго не пришлось. Все участники переговорного процесса прибыли к шатру матриарх одновременно с ней.

— Какова численность вражеской эскадры? — с легкой улыбкой на губах осведомилась Эл, рассматривая карту побережья Кассиопеи с нанесенными метками построения флота.

— Нам удалось насчитать не меньше сотни, матриарх, — ответила главнокомандующая дозорным отрядом. — Они прибывают. Бросившие якоря в гавани поспешно возводят

метательные орудия, их высота превысит стены башенных укреплений.

— Латима, — обратилась Элика к полководице. — Стоит ли нам прямо сейчас применить катапульты, чтобы разрушить стены Кассиопеи и войти в город? Иначе говоря — убережет ли это нашу армию от артиллерийского обстрела Спаркалией?

— Так, значит, нет никакой ошибки... Это Спаркалия! — голубые кошачьи глаза Беспощадной полыхнули адским огнем. Острый язычок плотоядно облизал пухлые губы, сжатые в жесткую линию. — Фланигус... Зная моего возлюбленного, он не остановится ни перед чем. — Казалось, воздух наэлектризовался в шатре от осязаемого эротического импульса. Но надо было хорошо знать Латиму, чтобы понять — это ненормальное вожделение не могло значить ничего иного, кроме жажды мучительной смерти противника. — Моя королева, вряд ли Аларикса остановит то, что мы будем на территории Кассиопеи. Ему наплевать на гибель союзника. Это лишь разменная монета в попытке разгромить Атланту!

— Этого я и опасалась, — Элика повернулась к ученому мужу. И поразились, настолько достойно держался перед лицом вероятной гибели человек науки. — Мудрый Гораций! Поцелуй Смерти готов к свершению правосудия?

— Да, моя королева. Под охраной седьмого легиона у подножия Плато Спокойствия.

— Когда солнечные лучи достигнут своего максимума?

— Ближайшая мера масла — солнце в зените. Оптимальный угол преломления. Дальность поражения достигает огромных пределов.

— Значит ли это, что эскадра Спаркалии будет сожжена дотла?

— Более того, моя королева. На дальность до семи километров, по самым минимальным подсчетам. Усиленный преломлением граней слез пустыни луч проникнет в глубины океанских вод, подняв волну, которая повернет вспять, и морская пучина поглотит вновь прибывающие корабли. Поскольку часть вод выплеснется на побережье, мы можем не опасаться долгих пожаров, но первые лучи разрушат, помимо зданий и укреплений, часть ландшафта. Вероятно извержение Эстры, но выбросы пепла достигнут Кассиопеи лишь спустя круговорот и в малом количестве, потоки лавы поглотит океан. Как следствие, это вызовет еще одну приливную волну, но она зальет лишь прибрежные территории.

— Нам следует опасаться жара этого пламени?

— Огонь слез пустыни неспроста назван Холодным. Его функция — мимолетный тепловой удар. Основное же предназначение — тотальное механическое разрушение.

Элика смочила вином пересохшее горло. Спокойная, невозмутимая, с печально-ласковой улыбкой на губах, обвела она взглядом своих преданных соратников.

Латима словно расцвела. Никогда прежде Эл не видела ее столь прекрасной и решительной. Лэндал с восхищением смотрел на сестру — у него на лице было написано, насколько глубоко он разделяет ее решение применить тайное оружие. Пусть он раньше этого и не одобрял. Мудрый Гораций лучился от гордости за свое творение и бесшумно аплодировал юной королеве. Главная Пантера не проявляла никаких эмоций — лишь кивала в знак одобрения. Предводители легионов, все семеро, встретив взгляд матриарх, приложили ладони к сердцу. Их глаза сверкали бесстрашием и азартом.

Оглушительный свист заставил всех вздрогнуть. Спустя миг адский грохот раскатом ударил по напряженным нервам.

— Обстрел!

— Отступаем! — молниеносно среагировала матриарх. — Нет времени собирать шатры!

Вы, — кивок легионерам, — организуйте отход.

— Матриарх? — замялся Лекасиус.

Элика стукнула кулаком по столу.

— В..би тебя Лаки! Игры окончены, нас просто расстреляют из катапульт, как стадо овец! Немедленно отступаем! Курс на деревню за правым предгорьем. На рассвете вернетесь, столица ваша! А сейчас не смей спорить, ибо, клянусь, я воткну тебе в плотку меч!

Осознав разумность доводов королевы, воин упал на колени, но Элика взмахом руки велела ему встать.

— Ты прощен, поспеши! Берите только оружие и воду, нет времени скатывать шатры! — сделав над собой усилие, чтобы не подскочить от нового свиста метательного снаряда спаркалийцев и последующего грохота, матриарх поспешно смела со стола стратегически важные карты. — На плато Спокойствия! Нельзя терять ни минуты!

За пределами шатра разверзлась бездна. Одним из ударов разрушило смотровую вышку и часть частокола, стена огня полыхала на месте близлежащих шатров. Второй вонзился в песок, не причинив вреда. Оставалось только догадываться, какими будут последствия, если эти первые залпы были лишь проверкой прицельности. Предводители легионов не зря ели свой хлеб, — первая колонна солдат уже покидала лагерь, уверенно, организованно, не подаваясь панике. Латима, нацепив на пояс одновременно три меча и арбалет — за плечи, оседлала Краха Империй. Лэндал не отставал, амуниция была при нем. Горация взяли в кольцо Беспощадная и Лэндал, более плотным кольцом их окружили воины сопровождения.

Стоило им галопом рвануть с места, как, сопровождаемый оглушительным свистом, огромный шар разрывного снаряда до основания разрушил шатер правительницы, который они только что так предусмотрительно покинули.

Никто не держал засаду на пути к плато Спокойствия. Ни разу не обернулись, покидая форт, матриарх и ее ближайшая свита. Оглушительный свист. Грохот. Почти шепотом на этом фоне — треск пламени. Но отступление не заняло много времени. Количество жертв будет минимальным.

Солнце нещадно палило. Но сегодня оно было их союзником. Пот заливал глаза... Но сегодня это были слезы скорой победы. Не замечая палящего зноя, раскаленных камней подножия гор путники спешили и начали неспешный из-за отвесности скалы подъем по крутым тропинкам, обходя небольшие разломы, не замечая, как царапает ноги чахлый кустарник. Звуки разрушений все еще достигали слуха, но, словно следуя молчаливому согласию, никто из них не обернулся, прокладывая себе путь, хватаясь за выступы и взбираясь на плато. Поцелуй Смерти поднимали прочные канаты, пока солдаты рубили выступы на скале, чтобы только атланцы знали, как забраться на место установки беспощадного оружия.

Лишь добравшись на выступ плато Спокойствия, матриарх с сопровождением смогли перевести дух. И тут резкое головокружение настигло Элику. "Прочь! Не время и не место!" — велела она себе. Странно все это было. Тело чувствовало небывалый подъем, разум — тоже, но сознание словно кто-то тянул из нее клещами.

"Лаки! Ешь свои плоды света и величия сам, не до тебя сейчас!" — поняла природу своей слабости Элика. Превозмогая головокружение, запечатывая свой разум от божественного вторжения, решительно шагнула вслед за Горацием, который уже при помощи двух сильных воинов снял тканевые покровы с Поцелуя Смерти.

Поймав взгляд брата, Элика заслонила ладонью глаза и устремила взгляд на полуразрушенный форт. Языки огня были видны невооруженным взглядом, но людских фигур не наблюдалось. Успели уйти!

"Ну, приветствую снова, Касс, — злорадно усмехнулась матриарх, — посмотрим, чье пламя любви сейчас запылает ярче!"

Эскадра Спаркалии, еще не подозревая о поспешной эвакуации, продолжала обстреливать форт. Потеряв к этому интерес, Элика наблюдала, как с помощью деревянных рычагов выровняли главное оружие ее армии, направив зияющими линзами к солнцу, чтобы сфокусировать лучи на стены Кассиопеи. Время, как ей казалось, сейчас тянулось мучительно долго, но на самом деле, прошло не более четверти меры масла. Бросив прощальный взгляд на неприступные стены вражеской империи, где она познала настоящую любовь с привкусом боли, разделившую ее мир на "до" и "после", девушка уверенно подошла к Горацию, дав знак брату и полководице занять места подле нее.

— Поворот рычага. Оптимальная точка, — пояснил Гораций. — Моя матриарх желает сделать это сама?

Элика решительно положила ладонь на механизм запуска разрушения.

Не разверзлись небеса. Не погасло беспощадное солнце. Не сожгла ее заживо молния из колчана стрел Лаки вместе с Эдером, богов этой обреченной земли.

— Прости, — не замечая никого вокруг, просто сказала матриарх Непримириная, опуская рычаг до упора.

К кому она обращалась? К своему богу-покровителю, потребовавшему неперменного Ист Верто за возвращение ее в мир живых, которое не могло вершиться иначе, кроме как путем кровопролитной войны?! Или к мужчине, чьи оковы вопреки всему держали в неволе ее сердце, отравляя душу сладким ядом безумия и безысходности, уносящей в чертоги богов уязвимости, возведенной в десятичную степень всепоглощающей страсти?..

...Миг, показавшийся вечностью, ничего не происходило. Затем скрытые в пазах кристаллы впитали в себя лучи жаркого светила, и в следующий момент режущие сетчатку ослепительно белые даже при свете солнца лучи прочертили перекрестными полосами пространство, сплетя заволаживающую паутину смерти и разрушения.

...Грохот рушившихся стен еще не достиг их слуха, но подогнанные укрепления каменных глыб, обрушившихся от ласковых поцелуев безобидных с виду лучей, словно расцвели под танцем собственного погребения. Облако пыли, подсвеченное огнем зародившихся от соприкосновения со смертельными лучами пожарищ, накрыло город, и только тогда звуковая волна ударила по барабанным перепонкам — неистовый гул и треск. Песнь неминуемой смерти.

Чья-то ладонь сжала руку Элики. Лэндал. Верный и преданный брат.

Теперь, отныне — единственная ее опора и защита в этом мире. Даже если она в нем больше ничего не боится...

"Посреди дня, свет которого отныне стал темнее ночи, на предгории Кассиопейского Хребта вспыхнуло белое холодное пламя, и смерть и хаос пришли в ранее цветущую, а ныне проклятую богами империю. Не было спасения от огненной мощи смертельного луча. Плавились камни, рушились стены, застывал раскаленными лужами белый песок; над прибрежными водами океана за клубился белый пар, вскипели воды темной пучины, заживо погребая разрезанные сетью лучей корабли великой Спаркалии, последнего оплота погибающей Кассиопеи в войне за право остаться непобедимой. Эскадра благородного

императора Аларикса Фланигуса погибла в считанные меры масла. Воины армии гибли не на поле боя, с честью, а под обломками строений, погребенные заживо или же сожженные прямыми лучами непривычных прямых молний, кои не сопровождались раскатами грома и потоками дождя. Многим, все же, прежде всего мирным жителям, не покинувшим столицу, удалось спастись в сводах подземных пещер, среди мирного люда давно ширились слухи о тайном оружии прекрасной завоевательницы Элики Непримиримой, в которое они свято уверовали, в отличие от царя Кассия Кассиопейского. Что и определило их дальнейшие судьбы. Там они смогли пережить огневой и разрушительный удар сего творения смерти, а в последствие, уйти вглубь материка от высокой волны, что вызвало сотрясение спящего гиганта Эстры.

Ночная тьма озарялась далекими всполохами огненной лавы на склонах Эстры, полыхали костры в уничтоженной недрогнувшей прекрасной рукой Непримиримой столице; толстый слой пыли и пепла к ночи покрыл руины некогда цветущего города, своды комнат немногих уцелевших зданий, не попавших под безжалостный сноп лучей. Дальнейшая судьба царя погибшей империи и его сподвижников оставалась неясна; говорили, что он встретил свою смерть лицом к лицу на башенном укреплении стены, были также те, кто утверждали, что им удалось вырваться из пламенной вакханалии и переждать разрушения в Лазурийской пустыне, но с того проклятого богами солнечного круговорота никто больше его не видел живым.

Были уничтожены все посевы, сады, животноводческие фермы, от огненного жара вскипели воды акватории, вызвав массовую гибель обитателей глубин. Поднявшаяся волна затопила часть прибрежной территории столицы и земли округов, куда также добрались огненные лучи, посеяв хаос и смерть. Шквальный вал погасил большую часть пожаров, унес, отступая, прах Кассиопеи вглубь океана, оставив поруганную землю остывать, одинокую и растоптанную, лишенную возможности подняться с колен и возродиться заново.

Великая империя Кассиопея в тот роковой круговорот солнца перестала существовать, погребенная навеки..."

Из летописи

Антарктида. Наше время. Десятое января. 2014 год.

Айс-кофе, никак иначе.

Холодный виски даже не нуждался в кубиках льда.

Здесь все остывало с космической скоростью, несмотря на термокружки. Но это не имело сейчас значения. Значимым было лишь одно: полный перевод древней летописи, выбитой на каменных расколотых пластах.

Чудом собрали всей археологической бригадой. Чудом удалось прочесть последний привет Кассиопеи. Бессонная ночь. Полпачки Captain Black Cherry. И страшное осознание того, что, кто и как, своими руками...

— Дочка, — с гордостью и печалью одновременно выдохнул Дмитрий. — Кто же знал, для чего ты используешь мою разработку... Охренеть, эффект бабочки...

Серый пепел, бурый песок, коричневая пыль, жженная земля.

Небо словно заволокло рваной печалью и болью в виде облаков, сквозь которые иногда просвечивал серп юного Фебуса. Его призрачный свет создавал, казалось, полыхание чертогов Лакедона над головой, зловещее и неумолимое, но даже оно не могло напугать сейчас одинокую фигуру прекрасной женщины, с устремленным в эту бездну хаоса взглядом,

в котором невозможно было прочесть ни одной мысли.

Нет. Не потому, что она научилась за столь короткое время держать лицо, превратив эмоции в пленников каменной стены. Сейчас ее душа была обнажена. Уязвима. Распахнута. Но никто бы об этом не догадался.

Обломки камней царапали ее обнаженные длинные ноги, а она же словно этого не замечала. Слегка пошатываясь, двигалась вперед неумолимым призраком, хлопья пепла кружились вокруг ее стройной фигуры в причудливом танце, падая на черный каскад волос, смягчая их глубокую тьму.

Серая фигура шевельнулась среди обломков бывшего дома правосудия сожженной столицы. Элика, даже не устремив ладонь на рукоять меча, медленно повернулась в эту сторону.

Молодой парнишка. Наверное, он едва вступил в отрочество. Вряд ли солдат, скорее всего, кто-то из мирных жителей.

Одежда висела на нем обугленными лохмотьями, предплечье было перевязано почерневшей от сажи тканью, волосы казались седыми от пепла. Встретив ее взгляд, он резко дернулся, обнажив в жуткой, безумной улыбке белые зубы, и зашипел, словно загнанный в угол детеныш тигра.

Элика отвела взгляд и продолжила свой путь. Она даже не подумала о том, что этот мальчишка может всадить ей нож в спину. Она даже не до конца осознавала возможной опасности. Невидимые сети влекли ее по пути сожженной земли, не позволяя сбиться с пути, писаному свыше.

Откуда? Как она могла знать, куда ведут ее тонкие цепи оков судьбы — или же игр богов?! Она провела свое время в Кассиопее в абсолютном заточении в руках врага. Что ей довелось увидеть? Она даже не помнила, как ее привезли в стены ныне разрушенного дворца, дрожащую от ужаса, и швырнули к его ногам. Она не запомнила городской площади — эти воспоминания вытеснил прекрасный рассвет Лазурийской пустыни. В этой части столицы ей никогда не приходилось бывать прежде...

Но ноги неумолимо несли ее в пункт окончательного назначения. Оставив надежду достучаться до сознания своей подопечной, отброшенный прочь ее бесстрашной, нестигаемой волей, Лаки просто не оставил ей выбора.

Полуразрушенная стена храма с перевернутой эмблемой Фебуса у петель рухнувших ворот. Тишина. Запустение. Погасшие свечи алтарей раскиданы по покрытому слоем пыли и пепла мраморному полу. Создавалось впечатление, что жрица Элана и ее приспешники покинули храм организованно, уверенно, и, скорее всего, так оно и было.

Острые осколки впились в ее щиколотки, но матриарх этого не заметила. Шагнула, пошатываясь, во мрак алтарного зала, отпуская свое сознание, устав сопротивляться зову Лаки до последнего, преклонив колени в пыль и пепел, ощутив щекой еще не остывшие от жара плиты алтаря. Только сейчас она могла забыться полностью, отпустить себя. Ее миссия была выполнена.

...Форт был почти полностью разрушен. Уцелели лишь несколько шатров. Именно в одном из них очнулась она от накрывшего опустошения и отчаяния, чтобы снова уйти в себя, замкнуться в жестоком мире боли, страданий и разрушений, которые сама учинила. Не слышала и не замечала никого вокруг. Ни Лэндала, ни Латимы. Лишь спустя долгие меры масла поднялась на ноги, влекомая зовом бога света или де тьмы, который вел ее по пути, словно дергая невидимые нити...

"Ист Верто, Лаки. Я сделала это. То, что ты хотел. То, что ты потребовал от меня. Но прости, я даже не знаю, жив он или мертв. Я не смогла его убить коварно в спину на плато переговоров. Надеюсь, он не миновал поцелуя огня. Тебе виднее..."

Тьма сгустилась, тяжелая, плотная, миг — и нет ее, только призрачный белый свет, шаг за потусторонний барьер, за грань, недоступную смертным... Она уже раз тут была. Видимо, не последний...

Лаки выглядел... Немного опешившим. Странно. В белых одеждах, молодой и дерзкий, и искорками юмора в глазах, не смотря ни на что.

— Удивила ты меня, воительница. Кто же знал, что ты так разгуляешься в попытке угодить мне!

— Мой бог доволен? — Элика не испытывала ни капли пиетета или раболепия в его присутствии. Она устала. Пусть ее покровитель, наконец, поставит точку в этом адском противостоянии.

— Твой бог создал свою скорую гибель в твоём лице! — хмыкнул Лаки. — Более того, ты ещё пыталась вырваться из-под контроля! Уму непостижимо!

— Я жду твоих распоряжений... Только если можно, дай мне отдохнуть, все потом. Позволишь?

— Сперва поясни мне, откуда такая жажда крови?

— Твои крылья пришлись мне впору.

— Ты жалеешь, что уничтожила его империю?

— Нет. Ты этого сам хотел.

— Я и горжусь тобой, и взбешен одновременно. Это твои чувства превратили тебя в монстра?

— Всыпь плетей Криспиде. Она часто стала промахиваться со своими стрелами.

— Попрошу без богохульства, девочка. Криспида никогда ничего не делает без моего одобрения.

Элике было все равно. Игры богов... Да гори оно все... Как Кассиопея.

— Скажи мне, жив он или мертв. Прошу.

Лаки улыбался. Даже не злился. Так, ворчал в силу своей мудрости и любви к философским беседам.

— А тебе бы самой как хотелось?

— Какое это имеет значение? Ты сам потребовал его смерти. Но мало было, да? Вы с Криспидой перебрали ваших плодов света и величия? Надо было заставить нас сгорать от любви друг к другу и воевать против одновременно?! Просто уже ответь. Мертв? Я выполнила твою волю. Жив... Я найду его со временем. Все.

— Крылья жмут? — изменился в лице Антал-Лаки. — У вас с братом семейное — мне дерзить?

— Ой, ну не надо. Что ты мне сделаешь такого, чего бы в свое время не сделал он?

— Неисправима. Никакого постоянства, — бог подошел ближе. Элика не шевелилась. Пусть отпустит ее уже скорее.

— Ты помнишь наш разговор?

— Конечно.

— Что я заставил тебя сделать?

— Ист Верто. Ему и той презренной рабыне. Что не так?

— Когда я тебе сказал, что ты обязана его непременно убить?!

Усталость смело обжигающей волной. Элика встретила насмешливый взгляд Лаки.

— Я говорил такое? Когда?

— А разве... — матриарх сглотнула. — Ты... не этого хотел?

— Ты спрашиваешь меня, жив он или мертв? Девочка моя, будь он мертв, твое сердце перестало бы биться в ту же минуту. Обряд крови связал вас навеки. Смерть одного будет значить смерть другого. Он догадался. Ты же больше переживала за то, как эффектно на тебе сидит броня и корона! Я ответил на твой вопрос?

— Лаки... — выдохнула Элика. — Он адепт Эдера! Ты не мог...

— Он присягнул мне на верность, чтобы спасти тебя! Нужны еще аргументы?!

Пыль... Жар остывающих камней. Безжизненные руины. Мрак. Она вернулась. Подавленная и разбитая откровениями божества еще сильнее, чем адской войной.

Ощущение взгляда в спину.

От..бись, Лаки. Играй свои партии дальше. Дорого мне вышло твое покровительство. Не хочу его больше. Не хочу...

— Тебе плохо?

Стоило ли чему-то удивляться? Она устала. И, похоже, уже выполнила свое предназначение. Дрожащие руки рванули шнуровку корсета, обнажая сердце. Смотреть не хотелось. Не вставая с колен, не поднимая глаз, повернулась в пол-оборота, не чувствуя боли в дрожащих и травмированных коленях, откинула голову назад. Выкуси, Лаки. Получишь обоих. Мертвых.

— О, Эл, у тебя еще остались силы на любовь?

— Касс, не паясничай. Бей. Давай, в самое сердце. И без философских бесед, с меня Лаки хватило, — открыла глаза. — А! Ты без оружия... — пальцы рванули перевязь. — Возьми мой...

— Твой бог тебе ничего не пояснил? Почему я не могу убить тебя?

— Ну, а толку? Зато, я смотрю, ты осведомлен куда больше.

Улыбка? Она сходит с ума? Или он уже сам отплыл в долину безумия?

— Что веселого? Ты улыбаешься... Не думала, что умеешь.

— Да смотрю, что ничего по сути не изменилось, — Касий погладил пальцами подбородок, глядя на нее сверху вниз. В свете факела, который он держал в руках, она видела его глаза. А ничего, хорошо так ударил Поцелуй Смерти. Растопил даже лед Белого Безмолвия в его взгляде.

— О чем ты?

— Ты все равно стоишь передо мной на коленях, с обнаженной грудью. Это стремление не заглушить, верно, Эл?

Точно. И тут произошло нечто невероятное. Приступ истерического хохота согнул ее вдвое, вызвав слезы. От неуместной комичности ситуации она так и не могла прекратить это веселье.

— Я сожгла... Кассиопею... Дотла...

— Мне никогда не нравились дома, что построили мои предки. Много всего.

— Ты теперь никто!

— Я всегда думал отдохнуть немного от этой власти.

— Теперь... Ничтожно... мало!

— Всегда любил минимализм в архитектуре.

— Спаркалия... Тебе... Не простит!

— Никогда не понимал Фланигуса.

— Я...я тебя уничтожила!

— Я жив. А ты — наигралась. Теперь поговорим?

Элика смахнула слезы, кусая губы, чтобы не расхохотаться вновь.

— О чем? Ты же у нас наверняка все решил? В клетке? А нет, дай угадаю... Я и растерянности! Тебе же даже не к чему приковать поводок моего ошейника!

— Я не собирался этого делать.

— Что заставило тебя изменить свое решение?

Он сделал шаг вперед. Матриарх не шевелилась. Ей было... Все равно и весело одновременно. Даже когда его ладонь нежно провела по ее щеке, снимая слезы веселья. Даже когда она почувствовала на своей щеке его жаркое дыхание... А вместе с ним... Голова безвольно склонилась на его плечо. Ощущение тепла и точки опоры. Она определенно сошла с ума.

— Моя мятежная девчонка... Стало быть, все закончилось? Делить нечего?

— Это не делят, Касс. За это... Убивают. Кстати, как тебе удалось уцелеть?

— Считай, что после твоих слов у меня выросли крылья. Я не смел даже мечтать о том, чтобы быть любимым тобой.

— Мы не имеем права на любовь.

— Кто тебе это сказал?! Почему ты снова так яростно это отрицаешь?

— Оглянись вокруг... Будущего для нас нет и быть не может. Твоя империя в руинах. Боги сошли с ума. Мало им чувств, надо было еще связать оковами крови. Это ничего не меняет. То, что ты мне уготовил, — я не смогу с этим жить. Сейчас ты можешь говорить, что угодно. Но потом... Я не хочу проснуться рядом со Зверем однажды утром. Потому что мы погибнем оба в этот момент. Нам лучше пойти разными дорогами...

— Я никогда больше не причиню тебе боль... Неужели ты этого не чувствуешь?

— Я не верю тебе. После всего, что я сделала...

— Все сделал я сам, изначально. Нельзя приручить такого же хищника, как и ты сам. Только принять. И дать ему свою нежность. Потому что мы равны.

— Ты сошел с ума...

— Тсс... — горячие губы мужчины прервали поток ее слов. Нежно и резко одновременно, заставляя принять этот поцелуй полностью, врываясь в сознание вместе с яростными толчками языка.

Элика застонала в его руках, почти ощутив, как лопнул панцирь стального апатичного безумия, словно возрождая ее к жизни. Пульс соединенной крови безумным цунами ворвался в сжатые опустошенностью капилляры, воспламеняя, вырывая из омута подступившего отчаяния, толкающего в бездну.

Мир замер. Не было сожженных руин. Не было огненной войны. Не было прежних его и ее. Новая история. Чистый лист. Данный благосклонными богами шанс все начать с чистого листа.

— Месть свершилась... Мы свободны... Не мешает ничего! — прошептал Кассий в ее губы, поднимая на руки. Спина ощутила жар алтарного мрамора. словно легкий ветерок, его губы спустились на ее шею, начав захватывающее путешествие еще ниже, непривычно нежно расшнуровывая кожаные шнуры корсета. На миг он замер, заметив синие следы от ударов Кантуна на ее животе и ребрах, но Элика, отпустив свое сознание, решительно вцепилась в его волосы дрожащими пальцами, направляя ниже. Уносясь все выше и выше от жарких

поцелуев, от малейшего движения его языка, впервые позволив себе если не попытаться отпустить прошлое, то жить настоящим здесь и сейчас.

Впервые она не захотела закрывать глаза. Видеть его взгляд было наслаждением. Единением на более высоком уровне. Когда он заполнил ее собой, она против воли подалась навстречу, и свод храма над ее головой разлетелся яркими вспышками разноцветных искр.

— Отпусти своего Зверя...

— Нет, Эл. Никогда больше. Даже не проси...

Ее ладони гладили его мускулистые руки, переплетенные сеткой выпирающих вен. Те самые, что совсем недавно сжимали до боли, а потом снимали лаской эту самую боль, вытягивая ее одновременно из глубин души. Он мог опустить ее в бездну тьмы в свое время, чтобы поднять потом обратно, разбитую на части. Он мог быть нежным. Просто невероятно нежным. И его нежность заживляла ее душевные шрамы моментально, осушивала слезы самого сердца, чтобы в скором будущем заставить его колотиться от любви, ломая все барьеры.

Ощущать под пальцами его кожу было наслаждением. Ради которого стоило спалить все, что было ему дорого. Они всегда были вне правил.

Резкие толчки посылали каскад искр по ее телу, словно огонь, разрушивший эту империю, на обломках которой она позволила себе наконец-то потерять всякий контроль. Еще. Выше и выше. Ярче и горячее... Проникая в самую суть, ошеломительное ощущение наполненности сейчас заставило ее забыть обо всем. И прежде всего — о чувстве нереальной вины.

Глубже. До самого сердца. Посылая электроток в кровь нежными поцелуями, удерживая ее властно и нежно одновременно...

Ее крик летит над обломками Кассиопеи. И ничто, абсолютно ничто не может больше этому препятствовать...

Он долго не выпускал ее из своих объятий. Затихшую, дезориентированную, удовлетворенную и счастливую. Его Хищницу. Его девочку. Самую дорогую женщину.

— Забудь, — тихо прошептал Кассий, огладив пальцами контр ее губ. — Забудь все, что было в прошлом. Тебе нечего бояться.

Элика сглотнула, сдерживая слезы. Он никогда не узнает, как она была уязвима в этот момент. Что, решив он утвердить свою власть — сломалась бы, как хрупкая роза пустыни, в его руках, не имея сил и желания сопротивляться. И не было сейчас никакой веры в то, что он этого не сделает...

Его слова? Стоило ли им верить?!

— Касс, это ничего не меняет... Ты не простишь мне смерти Кассиопеи...

— Наверное, мне нечего тебе прощать, это Ист Верто. За то, что я едва тебя не уничтожил в отчаянном желании обладать тобой.

— Ты сломал мою жизнь за одно только это! — всхлипнула Элика, проводя пальцами по незаметному, но осязаемому кожей шраму от ее меча. Литера А.

— Мне тогда проще было найти этому пустяковый повод. Я просто понял, что никогда мне не обладать тобой иными методами. Ты бы не посмотрела в мою сторону. Но уже тогда я знал, что моя жизнь не будет прежней... Если в ней не будет тебя. Царапина на груди — хороший предлог.

Наверное, ей тоже хотелось всегда оставить на нем свою метку. Элика провела пальцами по его запястью. След от кнута все еще был хорошо заметен.

Кассий лишь крепче прижал ее к себе. Развернул запястье, приложив к ее. Чуть выше кисти у них обоих были одинаковые шрамы в виде надреза.

— Твоя боль — моя боль. Бег твоей крови — мой пульс. Не думай ни о чем. Сейчас, когда нас не держат прежние обиды, у нас есть прекрасная возможность попытаться снова. Мы любим друг друга. Ты сказала об этом, полагая, что нам никогда больше не посмотреть в глаза друг другу. Но боги все решили за нас.

— Я не верю тебе... Ты не простишь мне гибели империи...

— Мне меня ничто не стоит создать новую. И ты это знаешь.

Его слова были разумными. И тут она поняла, что ей мешает их принять.

Она испугалась. И больше не его. Она никогда себя не чувствовала столь защищенной и любимой, как в объятиях мужчины, от которого пыталась сбежать. Которого стремилась выбросить из мыслей и сердца. Но который был предназначен ей свыше. Коварные боги все решили за них.

Она только что бездумно, улетаая к вершинам экстаза, звала его прежнего. Того, чья безумная страсть в свое время едва не убила ее. И все-таки сломала на самом глубинном уровне, открыв ее новую. От которой она пыталась убежать в кровавую войну, но это все равно не удалось.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Мое безумие в прошлом. Уже давно. Я ждал конца этого мира, чтобы иметь возможность все начать сначала. Если ты этого захочешь, я смогу дать тебе. Но больше никогда не потеряю контроль. Просто знай.

Элика пошевелилась в его руках. Сейчас ей хотелось лишь одного. Чтобы время замерло и никогда больше не возобновляло свой бег.

— Как же тебе это удалось?

— Мне даже не пришлось с этим воевать. Ты представить себе не можешь, как это больно. Знать, что любимый человек в твоих объятиях мысленно призывает свою смерть. Пытаться это изменить... Понимать, что много ошибок уже совершено, и ничего не изменится... И сходить с ума еще сильнее, укрепляя тебя в желании сбежать от меня в чертоги богов. Когда я понял, что только сведение счетов изменит порядок вещей, я решил пройти этот путь до конца. И если мы оба остались живы, это дар свыше. Слово за тобой.

Он мог сейчас не спрашивать. Мог снова взять силой, и она бы не смогла, да и не захотела бы этому воспротивиться. Осознание вызвало новый приступ отчаянного смеха.

— Это Рок! Потенциальный избранник лишился всего! Без империи и без короны... На что будет похож подобный союз?

— Понимаю, — улыбнулся Кассий, целуя ее рассыпавшиеся по алтарному камню волосы. — Твои люди тебя не поймут? Я не достоин, поскольку у меня больше нет ничего?

Ее отец тоже был вольным спутником матери — без роду, без племени. Атланкам никогда не надо было ничего никому пояснять. Ничего не мешало ей ответить да, но...

— Именно. Так не правильно.

Кассий выпрямился, не разжимая рук. Элика задохнулась от переполняющей нежности и прижалась еще крепче.

— Тогда дай мне время. Время прийти и положить к твоим ногам новые земли. И ты знаешь, что так и будет. Не минует и двух зим.

— Я дождусь, — вспомнив, Элика обеспокоенно скосила глаза. — Ты должен знать. Я позволила своим людям на рассвете разграбить город. Мне больно об этом говорить, но...

— Я понимаю. Это негласный закон любой войны. Я сам неоднократно через это

проходил.

— Тебе лучше убраться подальше...

— Дай мне четверть меры масла... И я уйду. Мне еще завоевывать новые земли для моей любимой королевы. А пока... — горячие губы накрыли ее, и угольно-черная пелена облаков в жестоких небесах Кассиопеи разошлась, открыв миру лик новорожденного Фебуса...

Им просто нужно было время. Ей — осознать, что боль навсегда покинула ее измученное сердце, и больше никогда не вернется.

Ему же... Он уже знал, что очень скоро вернется победителем к той, кем был прощен. И которой сам все простил в последний день безжалостного противостояния...

ерритория завоеванной Кассиопей. Спустя четыре зимы после огненного апокалипсиса.

Ласковое, не такое горячее в силу зимнего времени солнце зависло в лазурном безоблачном небе, величественное и спокойное, невозмутимое, как и тогда, в тот роковой полдень, превративший Кассиопею в груды разрушенных руин. Неизвестно, могло оно испытывать какие-либо эмоции, или же нет, — но сейчас его слепящий лик был умиротворенно-спокойным. Словно одобряющим существующее положение вещей.

Прекрасная молодая женщина расслабленно возлежала на шелковых подушках длинной скамьи в тени натянутой светлой ткани полога, вдумчиво изучая развернутый свиток папируса. Изумительное платье, открывающее длинные стройные ноги, подчеркивало блеск ее изумрудных глаз голубым отливом, цветом стягов завоеванной четыре зимы назад империи. Дань павшим врагам или заигрывание с нынешней действительностью? Вряд ли такие мысли когда-либо занимали ее разум при выборе королевского одеяния. Усыпанная ограненными слезами пустыни тиара из холодного металла Фебуса сверкала в ее темных волосах, длинные серьги с крупными кристаллами задевали линию совершенных смуглых плеч, переключаясь с похожими браслетами на тонких запястьях тех самых рук, которые однажды, в жаркий роковой полдень, не дрогнув, повернули рычаг Поцелуя Смерти, превратив империю самого неоднозначного врага практически в вымершую пустыню.

Циничная, жестокая улыбка заиграла на ее пухлых губах. Словно не веря в содержание письма, женщина шепотом повторила эти слова, пробуя их на вкус с особо извращенным удовольствием.

" Я, Аларикс Фланигус Непревзойденный, император, прославленный богами, спешу засвидетельствовать свое глубокое почтение прекрасной матриарх Элике Непримиримой, милейшей дочери Лаэртии Справедливой, с тем, чтобы иметь честь донести свою пропозицию мира и взаимной военной и торгово-экономической поддержки, а также втайне надеюсь, что посол Атланты, прославленный воин Латима Беспощадная окажет мне честь почтить своим присутствием Спаркалию с целью проведения переговоров в качестве уважаемой почетной гостьи... "

— Да уж, Латима будет счастлива! — презрительно хмыкнула Элика, откладывая свиток. — Мы тогда с остатками твоей флотилии не разобрались, Фланигус — Превзойденный-Атлантой!

Расслабленный взгляд матриарх скользнул по стопке оставшихся папирусных свитков. Большая часть уже была просмотрена и завизирована, проигнорирована, разорвана, отложена для лучших времен — в зависимости от смыслового содержания. Неожиданный блеск привлек ее внимание. Полая туба, служившая футляром для очередного письма, была усыпана мелкими ограненными слезами пустыни. Причем так искусно, что четко просматривалась незнакомая эмблема в полукруге — посреди глади воды остроконечные шпили прозрачной скалы, предположительно, из льда, с изогнутым ликом зарождающегося Фебуса в черном небе с россыпью достоверно переданных созвездий. Чей это герб? Незнакомый, манящий и пугающий своей суровой красотой одновременно? Неужели привет с неизведанных просторов северных земель, лежащих за сотни километров от земли Белого Безмолвия?

Матриарх не успела удовлетворить вспыхнувший интерес. Детский залиvistый смех,

похожий на перелив сотни искрящихся колокольчиков, разорвал тишину сада отреставрированного дворца павшей столицы вместе с топотом обутой в сандалии ножек по мощеным мраморным плитам дорожки. Миг, и маленькое счастье, искорка яркого света, отрада всех потерянных дней, самый лучший дар Антала-Лаки, смеясь, обвила шею королевы маленькими пухлыми ручонками, сжимая в сильном даже для ребенка объятии. Тиара слетела с волос Элики под этим искренним, ошеломительным натиском счастья, и самая теплая и светлая улыбка стерла отголоски цинизма и серьезности с красивого лица.

— Фламмия!

Запыхавшаяся молодая служанка, подбежавшая следом, выглядела утомленной, но улыбалась, не в силах отвести глаз от представшей взору картины.

— Моя королева, прости... Я пыталась ее удержать...

— Оставь, Лаксия, — тепло улыбнулась матриарх, подхватив дочурку вытянутыми руками и приподняв вверх. Малышка залилась новым приступом счастливого смеха. — Моя маленькая Фламмия — будущая воительница Священного Антала, а еще самое непослушное создание из всех, кого я когда-либо встречала!

Серые глаза девочки заискрились непревзойденным лукавством, ручки потянулись к длинным серьгам матери, потянув на себя.

— Вся в отца, — не замечая боли в натянувшихся мочках ушей, изрекла Элика. Платина серой радужки огромных детских глаз заиграла радужными переливами. — Садись рядом, дочь моя. Что мы ответим злому дяде Алариксу? Не отдадим ему тетю Латиму?

— Нет! Мы выльем ему зубки и подадим их тете Латиме! — Фламмия соскочила с софы, едва устояв на ножках, и с гордым видом, чеканя шаг, прошла вдоль стола со свитками, повторяя мамины жесты и движения. — Я, злой и плохой Алаликс, бууу!

Элика, едва сдерживая смех, наблюдала за гордо вышагивающей фигуркой дочери в белом платье в пол, с уложенными в косички каштановыми волосами. Эти смеющиеся глазки иногда могли становиться холоднее ледяных глыб, особенно когда малышка не получала то, что хотела. Тень Кассия безмолвно присутствовала в девочке, которой почти миновало три зимы, зачатой среди опаленных пламенем руин в ту самую ночь, когда из пепла войны восстал светлый лик грядущего перемирия. Даже имя, которое дала ей Эл — Фламмия, «рожденная огнем», было словно призвано, чтобы всегда напоминать о нем и окончании войны на пепле сожженной империи.

Две зимы пролетели, словно в один миг. Вспоминала ли она о его обещании вновь прийти в ее жизнь? Иногда. Полагая, что ее жизнь никогда больше не будет прежней. До того самого дня, когда осознала, что под ее сердцем зародилась новая жизнь. Крепла, набираясь сил, здоровья и умиротворения из крови королевы Атланты, результат самой безумной любви, ради которой гибели империи и взрывалось сознание вспышками боли и возвышенного чувства. Дар или же проклятие богов? Именно дар. За право поднять на руки новорожденную дочь, услышать ее смех, ее ломанное "мама", Элика, не раздумывая, прошла бы снова по шагам все эти дни, стирая осколки памяти бунтующего сознания, переживая боль, страх, унижение, пробуждение запретных чувств и огненную вакханалию во имя побега от себя и своей любви. Кассий, лишив ее себя, заполнил пустоту души своим последним подарком. Имя ему — Фламмия.

— А Алаликс — недостойный самец, и ему надо отолвать лысую голову, и еще подвесить за... — напевала девчушка, чеканя шаг, как воительницы Пантер на плацу. Элика произвольно закатила глаза.

— Кто ж тебя научил таким словам, мое чадо?

— Это Вилсавия сказала, они с тетей Латимой смеялись и ласстлеливали его чучело из албалета!

...Кассий не появился в ее жизни спустя две зимы. Не сдержал клятвенного обещания. Имела ли она право осуждать его за это? Нет, наверняка, нет. Может, он и сам жалел о своих словах и опрометчивом прощении.

Он был жив. Пульс его крови в ее венах не врал. Иногда эта кровь бурлила, словно океан в грозовые ночи, поднимая бурю противоречивых чувств, сжигая ее тело в огне непроходящего желания близости и единения. Иногда она с этим справлялась, отправляясь на охоту или же на рейд против немногочисленных отрядов уцелевших кассиопейских ополченцев против ее экспансии, безжалостно истребляя или же обращая в рабство. Кассиопейские рабы мужского пола выросли в цене втрое после войны. Иногда брала в постель рабов любовных утех, чтобы погасить пожар плоти, забывая к утру их имена, внешность и ласки, потому что так и не получала основного — душевного единения. Сердце матриарх было навсегда отдано только ему одному. Первой и последней любви. Страдала ли она? Нет. Ей удалось отпустить свои обиды в ту ночь, навсегда прогнав из сердца тьму. Отпустила ли?

Долгие четыре зимы она старалась об этом не думать. Совсем.

...Топот копыт. Заслонив глаза от солнца, Элика пристально наблюдала за двумя женскими фигурами на вороных конях, спешившимися на небольшой площадке. Передав поводья конюхам, величавая брюнетка без возраста и юная блондинка с ликом юной Криспиды, переговариваясь и посмеиваясь, направились к открытому шатру матриарх.

— Латима! Вилсавия! — захлопала в ладошки Фламмия, кинувшись со всех ног навстречу женщинам. Эл прикрыла отрезом шелка заинтриговавший ее свиток папируса и села, вытянув ноги.

Полководица Атланты, ныне посол империи Латима Беспощадная, несмотря на свою веселость, выглядела потрясенной и слегка озадаченной. Элика вопросительно подняла брови, когда смех Вирсавии переключил все внимание на себя.

— Моя королева! — поклонилась изумительно красивая девушка, с ликом, подобным юной богине мира и добра, вытягивая вперед руку с ожерельем, унизанным белыми бусинами знакомой и непонятной на расстоянии формы. — Мое ожерелье воительницы теперь готово!

— Дай! Дай! — завертелась вокруг волчком Фламмия, и ангелоподобная дочь Кассиопеи, улыбаясь теплой улыбкой, ловко надела его на шею малышки. Обняв колени принесшей дар, Фламмия подбежала к матери, демонстрируя ожерелье.

Ровный, блестящий ряд вырванных с корнем передних зубов. Элика закатила глаза. Воинственное бесстрашие Вирсавии уже гремело на всю империю. Повстанцы между собой прозвали ее Мечом Лаки.

Не прошло и зимы, как сестра Кассия в совершенстве овладела каждым видом оружия, превзойдя мастерством многих атланток. Еще полгода — после очередного рейда, в результате которого не дрогнувшей рукой с ангельской улыбкой снесла головы с плеч предводителю диверсионного отряда и двум его близким приспешникам. Школа Латимы не прошла бесследно. Больше ни один поход и набег не обходился без участия Вирсавии, санкционированный Эликой Непримиримой. Ее коварный план, отравить сознание кассиопейской девушки духом свободы матриархального уклада сработал на все сто. Сама

Вирсавия, осознав, какая жестокая участь безвольной рабыни ожидала бы ее в павшей империи, пила жизненные удовольствия из самого большого кубка любознательности и независимости, присягнув королеве Непримиримой на верность ради права быть самой хозяйкой своей судьбы. А за жизнь Кассия она простила матриарх абсолютно все.

— Мне пора на покой с такой подрастающей сменой! — возмущенно посетовала Латима, хотя глаза ее смеялись и лучились гордостью за лучшую ученицу и подругу. — Титул Беспощадной скоро перестанет мне принадлежать! Подумать только! Она даже не стала их сразу убивать. Рвала клещами бусины для своего ожерелья, наслаждаясь их криками, как музыкой твоих повелителей таримов (музыкальный инструмент)! И только потом прервала их мучения мечом в сердце!

— Кого-то мне это напоминает, — рассмеялась матриарх. — Точнее, со слов моей матери — тебя в молодости!

— Я тоже хочу лвать им зубы, и чтобы они кличали! — завертелась в танце восхищенная Фламмиа, с открытым ртом впитывая разговоры женщин. — Мама, можно я поеду с ними завтла? Ну, мааама!

— Моя ты воинственная принцесса! — рассмеялась Латима, подхватывая малышку на руки. — Давай сделаем так. Я поймаю дядю Аларикса, и мы вместе сделаем тебе ожерелье? Только смотри, Антал одобрил наши планы, но ты должна подрасти, еще совсем чуть-чуть, и тогда мы поедем сразу! Договорились?

— Да!!! Ула! Мама, а я могу прямо сейчас начать подластать, чтобы завтла с ними поехать?

— Дай мне подумать, доченька, — придала лицу серьезное выражение Эл. — Чтобы быстрее подрасти, нужно спать в дневные меры масла также. И кушать все, что тебе принесли.

— Тогда я прямо сейчас пойду спать и кушать! — обрадовалась малышка. Элика сделала незаметный жест служанке и расцеловала дочь в обе щеки. С теплом и умиротворением провожала взглядом Фламмию, которая понеслась со всех ног в покои для сна, так, что служанка Лаксия едва поспевала за юной госпожой.

Вирсавия выглядела абсолютно счастливой.

— Ну, рассказывай, — с милостивилась над ней матриарх, с удовольствием выслушав подробности кровавой миссии по зачистке горных плато от агрессивных ополченцев. Их и без того оставалось ничтожно мало. Скоро эта проблема изживет себя.

Позже Латима и Вирсавия, сославшись на усталость, последовали примеру маленькой принцессы. Лишь только к Элике сон не шел. Пригубив кубок молодого вина, молодая женщина повертела в руках заинтриговавший ее свиток, почему-то опасаясь вскрывать его. Когда же решилась, ее намерение прервало появление дворцового стража.

— Моя матриарх, прибыла Вольная Спутница Его Величества принца Лэндала!

— Пригласи в сад, — отложив жгуций ладонь свиток, распорядилась Элика. И подумала о том, что в присутствии близкой подруги у нее хватит духу прочесть это зачарованное послание без заминки.

— Элика!

— Керра!

В саду, кроме них, больше не было никого, поэтому необходимость в соблюдении дворцового церемониала отпала сама собой. Подруги обнялись, не скрывая радости от встречи.

— Спокоен ли был твой путь, добрая подруга? Не чинили вам препятствий отряды ополченцев?

— Нет, Эл, все было очень спокойно! Да и с такой охраной никто бы не посмел на нас напасть. Конечно, Лэндал переживал, требовал удвоить количество охраны. Но тогда бы он сам остался без воинского сопровождения

— В этом я согласна с моим мятежным братом. Ты носишь под сердцем его дитя, и он не переживет, если с тобой что-либо случится!

Леди Керра опустилась на скамью. Декада беременности еще не изменила ее стройную фигуру. В темно-бордовом платье, открывающем ноги, по последней моде Атланты, с рубиновым ободком в каштановых волосах и спокойным, умиротворенным блеском в черных глазах, она не уступала своей величественностью даже Эл. Безжалостным, но обволакивающе соблазнительным обаянием завоевала она сердце Лэндала, как он недавно признался, с первого взгляда. Новое же чувство заполонило сердце Керры спустя зиму, не меньше — и лишь после того, как тень призрака ее снов, Домиция Лентула, не освободило ее истерзанную душу. К тому времени Лэндал окончательно потерял голову от любви, забросив свой многочисленный гарем и гася пожирающий огонь невзаимности в набегах на земли обратного побережья океанов.

Керра была категорична и непримирима. Гарем — распустить. Никак иначе. Принцесса в его сердце должна быть одна. Точка. Но, неожиданно для всех, это одобрила даже Лаэртия, которую не смутило недостойное происхождение северянки. Экс-матриарх полюбила долгие беседы с Говорящей с Миражами, во время которых однажды, по ее словам, получила возможность сквозь века и эпохи поговорить с любовью всей своей жизни. Отцом Эл. И, в свое время, со вселенской мудростью подвела Керру к мысли, что ее сын и она предначертаны друг другу судьбой.

Иногда качала головой даже Элика, до которой доходили слухи, как безжалостно расправлялась лучшая подруга с соперницами во имя любви к ее брату. Но сейчас все было в прошлом — Керра прочно заняла пьедестал в сердце Лэндала, и впервые ее брат был по-настоящему счастлив. Чувство непрекращающейся эйфории билось отголосками в ее душе, помогая свернуть горы, если понадобится, одним движением ладони.

— Что это? — подалась вперед Керра, и рубиновые змейки в ее ушах заколыхались в такт движению. Ее взгляд был прикован к тому самому письму. Луч солнца как раз упал на него, и по тени шатра затрепетали радужные блики света, преломленного в гранях кристаллов пустыни. Добыча этих камней была налажена и поставлена на поток, но все равно, Керра, у которой их было также в избытке, всегда по-женски восхищалась ими. Конкуренцию в этом ей могла составить лишь Ксения Несравненная. Правда, не так давно ее обуревала иная страсть — построение Вольного Союза с принцем Нортии, властелином северной земли.

Элика сжала свиток в ладони.

— Что-то красивое. Еще не дошла до него, — черные глаза северянки сверкнули. Кого матриарх пыталась обмануть? Прорицательницу?

— Ну, если это государственная тайна, я могу пока освежиться в бассейне, — лукаво подначила Керра. — Или ты чего-то остерегаешься?

— Вот еще! — беспечно отозвалась Эл, уверенно вынимая скрученный папирус из драгоценной тубы. — Меня саму снедает любопытство, чьей же империи принадлежит этот красивый герб. Произведение искусства!

Белоснежный папирус, черные оттиски литер, выведенные каллиграфическим почерком. От него словно повеяло мнимым холодом снегов и искрящегося солнца одновременно. Усмехнувшись, Элика принялась за чтение. Лишь когда ее цепкий взгляд дошел до подписи, моргнула, не веря своим глазам. Подписи не было. Было имя. Ранг. И прочерк.

Кровь отхлынула от ее лица. Папирус полетел в сторону.

— Эй! Эл, ты чего? — потрогала ее за плечо Керра.

— Я не понимаю! — выдохнула матриарх, потянувшись к кубку с водой. Керра, развернув брошенный свиток, пробежала его глазами, не в состоянии скрыть изумления.

— Сей дарственной я передаю земли Эликии, что лежат за горным хребтом Алагетских гор, что на расстоянии семи световых круговоротов от Земель Белого Безмолвия, великой матриарх Атланты Элике Непримиримой в знак беспредельного уважения и пропозиции мира... Подпись... Означает принятие во владение... Тут твоё имя... — Керра опешила. — На обороте Карта... Смотри... Эликия? В честь твоего имени?

— Он сдержал свое обещание... — прошептала Элика. — Пусть не в оговоренный срок, но все же...

— Тут еще один документ!

— Прочти, Керра... Будь добра...

— Прости. Сама. Это личное...

Дрожащей рукой Эл развернула второй свиток.

"Отрада моего сердца, моя атланская девочка, пульс моей крови, моя самая яркая звезда ночных небес, мое дыхание, удержавшее меня на краю пропасти! Я не сдержал данного тебе обещания. Сможешь ли ты простить меня когда-нибудь? Но я бы не посмел принести тебе в дар Землю одних только белых снегов, лишенную жизни бесплодную пустыню. Возведение дворцов, домов и храмов Лаки заняло гораздо больше времени, чем предполагалось заранее. Прими этот дар от всего сердца, потому что я сделал это лишь для тебя одной. Зимы войны с местными воинственными племенами завершились нашей победой. Мой бывший народ, прибывший из Спаркалии, где удалось переждать войну, принесет тебе присягу так скоро, как пожелаешь ты сама, и это только их выбор. На новой земле нет места диктатуре более.

Не спрашивай, как мне удалось проникнуть на земли потерянной ныне мною империи. Одно твоё слово, и меня не будет в живых, я это осознаю, но я не могу противиться желанию увидеть тебя вновь, даже если сама смерть после этого опустит мои веки. Просто знай. Каждый день, на закате солнца, за половину меры масла до появления первой звезды востока я ожидаю тебя в храме Лаки, где произошла наша последняя встреча. Один. Но от тебя я не прошу подобного великодушия. До исхода цикла Фебуса я всегда буду там, покорный воле богов, ожидать твоего прихода. Моя королева. Свет моего солнца, мрак моей ночи..."

— Не спрашивай, — Керра отвернулась. — Ты никогда не слышала меня. А я всегда знала, что вы будете вместе. Задолго до войны...

Приглушено сияние неполного Фебуса. В белом луче ночного светила пляшут затейливый танец мелкие частички пыли, кружат вокруг отполированного алтарного камня. Свечи вокруг погашены, не нужен их режущий глаза свет сейчас. Как и слова. Как и прошлые обиды. Как и неподъемная плита прошлых ошибок, которая сейчас превратилась в пыль. Только новая история. С чистого листа. Как и должно было быть... Волею богов или испытанием временем, которое не смогло ни погасить любовь, ни похоронить под

обломками мраморных плит.

Эти объятия еще меру масла назад были яростными, неистовыми, сжимающими до боли со всей силой нерастроченной страсти, усугубленной долгой разлукой. Сейчас же от их нежности плавится реальность. Стены пали. Прошлого нет.

Мужчина, оторвавшись от поцелуя пряди черных волос доверчиво прижавшейся к нему женщины, заботливо укрывает ее обнаженное тело плащом цвета снега горных вершин. Ее же смуглая кожа словно светится в темноте на контрасте с ледяной белизной ткани.

— Ни в одних источниках не нашел названия этой земле после твоей экспансии, — с придыханием произносит он. — Как ты ее назвала?

Девушка жмурится от удовольствия. Ее тонкие пальчики пишут замысловатые узоры на его груди.

— Кассиопея, Касс. Неужели ты думал по-иному?

Он доволен ответом. Он, вообще, счастлив от того, что история близится к своему логическому завершению по обоюдному согласию. И что любимая женщина его не оттолкнула и не стала играть в никому не нужные игры с его сознанием.

— Моя дочь похожа на меня?

В глазах девушки пляшут веселые искорки. Она медлит с ответом. Не потому, что давно забытое чувство сладкого сопротивления своему мужчине будоражит ее кровь. Она впервые за долгие пять зим, начиная с того самого момента, перевернувшего ее жизнь с ног на голову, счастлива по-настоящему. И хочет продлить это мгновение, хотя прекрасно понимает — ему теперь никогда не закончиться.

— У нее твои глаза. И твоя хватка. Я однажды лишусь своих прекрасных волос.

— Я бы жизнь отдал, чтобы взять ее на руки и увидеть ее глаза...

Договорить не успевает. Рывок нежных пальчиков, острые ноготки вонзаются в кожу груди в области сердца, молниеносным росчерком рисуя такой знакомый символ. Литера А. Мелкие капельки крови тотчас проявляют этот рисунок. Царапина не глубокая.

— В..би тебя Лаки, Касс, — бесстрашно произносит девушка прямо во владениях вышеупомянутого бога, ничего не опасаясь. — Если ты заставишь ее расти, не познав отца... Подобно ее матери в свое время... Если однажды, упаси Лаки, на ее пути появится мужчина, подобный тебе, а ты не сможешь ее уберечь от того, что сделал с ее матерью... И еще раз исчезнешь из моей жизни на долгие четыре зимы... И позволишь мне тебя отпустить, не препятствуя... Я сама убью тебя!..

Больше книг на сайте — Knigolub.net